ВЕСТНИК
МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International Relations

• 18(1) • 2025

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ, Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Вайц Р. – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий Лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia). (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гожина А.В., Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор - Кубышкина Е.В., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 12,82 усл. п.л. Заказ № 476.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregestered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 18(1) • 2025

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Наша Школа

7 Торкунов А.В. – Феномен МГИМО: послеюбилейные заметки

22 Лебедева М.М. – Истоки теоретических исследований международных отношений в СССР/России: наследие И.Г. Тюлина

38 Цыганков П.А. – Внешнеполитическая мысль как система и процесс: И.Г. Тюлин о формировании идейных основ внешней политики Франции

66 Истомин И.А. – Системный подход в советской ТМО: истоки и исход скрытой научной революции

Международная политическая экономия

100 Зимаков А.В. – Декарбонизация теплоснабжения в Южной Европе: стратегия, вызовы и социальные последствия

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

124 Слука Н.А. – Электоральная география как поле междисциплинарных исследований

135 Нелаева Г.А. – «Оспариваемое наследие» в европейских музеях: возвращение, передача, репатриация или реституция?

Table of Contents • 18(1) • 2025

RESEARCH ARTICLES

Our School

7 Torkunov A.V. – MGIMO Phenomenon. Post-Anniversary Notes

22 Lebedeva M.M. – Origins of IR in the USSR/Russia: The Legacy of Ivan G. Tyulin

38 Tsygankov P.A. – Foreign Policy Thought as System and Process: I.G. Tyulin on the Mechanisms Shaping the Ideological Foundations of French Foreign Policy

66 Istomin I.A. – Systems Approach in the Soviet IR Theory: The Sources and Consequences of a Tacit Scientific Revolution

International Political Economy

100 Zimakov A.V. – Decarbonization of Heat Supply in Southern Europe: Strategy, Challenges, and Social Implications

BOOK REVIEWS

124 Sluka N.A. – Electoral Geography as an Interdisciplinary Field

135 Nelaeva G.A. – Contested Heritage in European Museums: Return, Transfer, Repatriation, or Restitution?

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(1). С. 7–21
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-7-21

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

Check for updates

Феномен МГИМО
Послеюбилейные заметки

А.В. Торкунов

МГИМО МИД России

Статья посвящена анализу МГИМО как уникального феномена в сфере дипломатического образования и исследований международных отношений. Автор выявляет ключевые факторы, обусловившие особый статус вуза, начиная с исторических предпосылок его создания и заканчивая современными вызовами. Подчёркивается, что МГИМО, во многом опираясь на традиции Лазаревского института восточных языков, смог органично соединить в своём образовательном процессе фундаментальные гуманитарные дисциплины, интенсивное изучение иностранных языков и прикладные навыки, необходимые для практической дипломатии.

Особое внимание уделяется институциональным механизмам, которые позволили Университету не только выжить, но и развиться, несмотря на идеологические ограничения и политические кризисы. Анализируются факторы, формирующие академическую среду и интеллектуальный капитал МГИМО: системный подход в исследованиях, включение методов сравнительного анализа, а также комплексная подготовка специалистов, способных работать в различных форматах – от традиционных двусторонних переговоров до многосторонней дипломатии в условиях глобальной турбулентности.

Отдельно рассматривается роль МГИМО в становлении отечественных школ международных исследований. Университет предстаёт как лаборатория, синтезирующая передовые научные подходы с практическими нуждами государства. Делается вывод, что благодаря институциональной гибкости, тесной связи с государственными структурами, широкой линейке научных школ и последовательному расширению международных контактов, МГИМО сохраняет роль национального лидера в сфере подготовки дипломатов и проведения международных исследований.

Ключевые слова: Московский государственный институт международных отношений; Лазаревский институт восточных языков; дипломатия; дипломатическая школа

УДК: 378.4(470+571):327(470+571)
Поступила в редакцию: 15.11.2024 г.
Принята к публикации: 10.01.2025 г.

14 октября 2024 г. в Большой зал Московской консерватории им. П.И. Чайковского пришли люди, для которых МГИМО – важнейшее событие и очень памятный период в жизни. В стенах, возведённых ещё Василием Баженовым, царила атмосфера сопричастности. Мы вспоминали наших учителей, размышляли о том, что предстоит.

В юбилейный день Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин наградил наш университет орденом Александра Невского, который является небесным покровителем воинов и дипломатов.

Для меня юбилейные и околоюбилейные события стали поводом поразмышлять о прошлом, настоящем и будущем нашего Университета. Вообще, как считают мудрые люди, для руководителя важна способность время от времени отстраниться от текущей повестки. Ничего не решать. Подумать о неактуальном. Такие переключения помогают увидеть в повседневности то, чего не видят или ещё не увидели другие. Полностью переключиться не удалось, но юбилей стал хорошим поводом, чтобы посмотреть в прошлое из дня сегодняшнего. Каждое поколение задаёт свои вопросы минувшему, оценивает его по своим критериям. На первый план выступают события и обстоятельства, которым не придавалось особого значения. И современные реалии начинаешь воспринимать по-иному.

Рождение невозможного

Создание Института международных отношений зачастую вырывают из сложного исторического контекста. Если начать с 1944 г., мы не сможем уяснить себе, как вообще удалось запустить и успешно реализовать этот странный проект. Поэтому открутим колесо Истории ещё на несколько десятилетий.

Идея построить дипломатическую школу как высшее учебное заведение, а не как институт пере-квалификации или до-квалификации, не так очевидна, как это может показаться. Практически во всех странах есть некое учебное заведение (или факультет), которое занимается «переквалификацией» в дипломаты специалистов из других сфер деятельности. Так сказать, даёт второе высшее. Многое здесь зависит от национальной традиции формирования государственной службы.

В прошлом для зачисления на дипслужбу зачастую не требовалось даже дополнительного образования. Так, в Российской империи не было специального учебного заведения, где бывшие выпускники, например, Императорского училища правоведения или Московского университета приуготовлялись к дипломатической деятельности. Они ***уже*** имели блестящее образование. Да и карьера дипломатическая по тогдашним меркам не всегда считалась особенно привлекательной.

Впрочем, было одно исключение – Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИДа, имевшее целью «образование драгоманов для российских миссий и консульств на Востоке». Выпускники Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, Восточного института во Владивостоке, а также спецклассов Лазаревского института восточных языков сразу по их окончании, как правило, не были способны к дипломатической службе. В Учебном отделении при Азиатском департаменте осуществлялась их «доводка». Характерно, что питомцев Лазаревского института, продолжателем которого является МГИМО (См. Торкунов 2015; Главы из истории… 2021), отличала именно практикоориентированность. В итоге 30% поступивших на это отделение за все годы его существования составили выпускники Лазаревского института.

Потребностями в совершенствовании обучения восточным языкам было мотивировано проектирование принципиально нового для русской дипломатии – Дипломатического института. Парадоксально, но к рассмотрению соответствующих проектов подошли лишь в мае 1917 г., когда возможность их реализации приближалась к нулю. Тогда была образована специальная комиссия по учреждению Дипломатического института.

Считается, что первым в мире университетом, где молодые люди, получившие только среднее образование, изучали международные отношения, является университет уэльского города Аберистуит (*Aberystwyth University*), в котором в 1919 г., вскоре после окончания Первой мировой войны, была основана Кафедра международной политики. В том же 1919 г. в Джорджтаунском университете в США была открыта Школа зарубежной службы (*School of Foreign Service*) с бакалаврской и (с 1921 г.) магистерской программами, которая в последующем стала развиваться как флагманское подразделение университета, ориентированное на реализацию передовых образовательных программ (с упором на магистратуру), междисциплинарных исследований в области международный отношений и внешней политики и подготовку к дипломатической службе тех, кто уже имеет высшее образование. Аналогичная логика была положена в основу Института зарубежной службы (*Foreign Service Institute*), учреждённого в 1947 г. в системе Госдепартамента США. Формат же подготовки дипломатов из вчерашних школьников впоследствии не получил широкого распространения в мире.

В России после 1917 г. было фактически ликвидировано университетское и гимназическое образование. Многие из носителей высокой культуры либо покинули страну, либо погибли. Тем не менее новая власть стремилась к установлению и поддержанию дипломатических сношений с иностранными государствами. Требовались и соответствующие кадры. Сейчас довольно трудно представить, как выглядел тогдашний Народный комиссариат иностранных дел. Нарком Г.В. Чичерин незадолго до своей отставки в 1930 г. в письме И.В. Сталину дал характеристику нравов, царивших в советских ведомствах, связанных

с реализацией внешней политики. Он резко критиковал практику замены старых кадров, имевших непролетарское происхождение, новыми «дипломатами»: «Втискивание к нам сырого элемента, в особенности лишённого внешних культурных атрибутов […], крайне затрудняет не только дозарезу необходимое политически и экономически развитие новых связей, но даже сохранение существующих, без которых политика невозможна» (Эрлихман 2022). Чичерин констатировал и неудачу попыток подготовить дипломатов из пролетариев, окончивших Факультет общественных наук МГУ, а также некие специальные курсы[1]. В 1920–1930-е гг. многочисленные попытки создать в советской Москве подобие дипломатической школы либо проваливались, либо давали очень ограниченные результаты.

Всё изменила Вторая мировая война. Советский Союз стал мировой державой. Требовалось многократное расширение штатов дипломатической службы. Но откуда взять столько дипломатов, которые были бы и идеологически подкованными?

Для того чтобы лучше понять феномен Института международных отношений, важно рассмотреть три кейса: 1) кейс Высшей дипломатической школы, где осуществлялась переквалификация успешных специалистов из других сфер деятельности; 2) учреждение в крупных городах РСФСР мужских и женских школ-десятилеток, что, по сути, было попыткой возрождения гимназического образования в масштабах, сопоставимых с Российской империей; 3) создание Физико-технического факультета МГУ и последующее его преобразование в Московский физико-технический институт.

Даже далёким от дипломатии людям известно имя Анатолия Фёдоровича Добрынина, который почти четверть века представлял интересы Советского Союза в Соединённых Штатах Америки. Он окончил Московский авиационный институт и был одним из наиболее перспективных инженеров КБ Яковлева. В 1944 г. ему пришлось изменить жизненную траекторию и пойти учиться в Высшую дипломатическую школу. Как писал он в своих мемуарах, это был «сталинский призыв» в дипломатию: первый курс ВДШ состоял из молодых инженеров, преимущественно авиационной промышленности (Добрынин 2023). Несколько десятков перспективных молодых специалистов из самых разных сфер деятельности тогда были успешно переквалифицированы в дипломаты. Однако и сама идея, и методы её осуществления носили чрезвычайный характер и не могли применяться из года в год.

[1] Г.В. Чичерин имел в виду Курсы для руководящих работников, которые были созданы в 1930 г. и из которых впоследствии выросла Высшая дипломатическая школа, нынешняя Дипломатическая академия, учебное заведение, в задачи которого в советский период входили повышение квалификации кадровых дипломатов и переквалификация в дипломаты партийных, советских и хозяйственных работников.

В 1943 г. было принято решение создать в крупнейших городах РСФСР мужские и женские школы-десятилетки. Впоследствии часть таких школ была переведена на преподавание некоторых предметов на иностранных языках. Это была попытка вернуть утраченный после революции гимназический уровень образования. В тот период колоссальный культурный, образовательный потенциал, который генерировала дореволюционная российская школа, ещё продолжал питать советское государство и советское общество. Люди, успевшие окончить классическую гимназию, выглядели настоящими титанами. Они свободно говорили на двух-трёх языках, их познания в науке, литературе, музыке, живописи, архитектуре, казалось, не имеют границ. К сожалению, качественное решение этой громадной задачи Советскому Союзу оказалось не по силам. В стране уже не было необходимого количества образованных людей, которые могли бы преподавать в таких школах-десятилетках. К 1953 г. этот проект зашёл в тупик.

10 марта 1946 г. было принято постановление СНК СССР «Об организации Высшей физико-технической школы СССР». В её правление должны были войти академики С.И. Вавилов, П.Л. Капица, А.И. Алиханов, И.В. Курчатов, Н.Н. Семёнов. Ответственным был назначен секретарь ЦК Г.М. Маленков. За пять дней до этого У. Черчилль выступил с Фултонской речью. И в известном смысле решение об организации физико-технической школы было ответом на брошенный вызов.

Физико-технический факультет имел в МГУ небывалые привилегии – и в части материального обеспечения, и в отношении права отбора лучших студентов. Но предложенная академиками система Физтеха шла вразрез с господствовавшими тогда тенденциями, и руководству МГУ всё же удалось выдавить из себя столь инородное тело. 17 сентября 1951 г. Совет министров СССР предписал Министерству высшего образования преобразовать Физико-технический факультет МГУ в Московский физико-технический институт, с сохранением специфики учебного процесса и правил приема студентов (Карлов 2000).

Сопоставляя три этих сюжета с историей становления Института международных отношений, убеждаешься, что успех нашего кейса был вовсе не гарантирован. Вероятно, сыграло свою роль то обстоятельство, что открытый в 1943 г. как факультет МГУ будущий МГИМО территориально находился вне этого огромного учреждения, а год спустя отделился от него и юридически. Это позволило очень маленькому тогда учебному заведению сформировать свои правила организации учебного процесса и собственные «правила жизни». Конечно, у него был сильный лоббист – нарком В.М. Молотов. А рядом были соавтор Устава ООН С.Б. Крылов и знаменитый историк Е.В. Тарле. Ключевым же фактором, обеспечившим жизнеспособность нашего института в самые первые годы, стало наложение интересов НКИД / МИД СССР, других внешнеполитических ведомств и заинтересованности в ИМО целого ряда наиболее

влиятельных представителей академической элиты, консультировавших внешнеполитическое ведомство и имевших возможность оперативно реагировать на наши проблемы и нужды.

Очень многое зависело от преподавателей и студентов, с которых начиналась история нашего уникального университета. Это были совсем другие люди – не те, о ком Чичерин в 1930 г. раздражённо писал Сталину. Вошедшее к началу Великой Отечественной войны в пору взросления новое поколение идеологически было вполне марксистским, но при этом содержало ощутимую долю молодых людей, страстно тянувшихся к знанию, к высокой культуре.

В 1931 г. из Московского государственного университета был выделен в самостоятельное учебное заведение Московский институт философии, литературы и истории, ИФЛИ. В декабре 1941 г., в эвакуации в Ашхабаде, все факультеты ИФЛИ были возвращены в состав МГУ. Знакомство с происходившим в стенах ИФЛИ в течение десяти лет, возможно, даст пищу для понимания того, чем на человеческом уровне был Институт международных отношений в первые годы своей истории и почему он вообще состоялся (См.: Лунгина 2022). Дело в том, что немало преподавателей нашего ИМО ранее работали или учились в ИФЛИ. А обрести уверенность в своих силах этим совсем ещё молодым людям помогали вчерашние фронтовики – вплоть до 1955 г. в институт поступали те, у кого за плечами был фронт.

Синергия как образ жизни

Впрочем, появление качественно нового поколения было важным условием, но не причиной того, что МГИМО в конечном счёте состоялся. Как принято говорить в таких случаях, не было счастья, да несчастье помогло. В отличие от старых московских гимназий советская школа была не в состоянии дать выпускникам свободного владения иностранными языками. Нужен был специальный механизм погружения в них, чуть ли не с самых азов. В МГИМО до половины учебного времени занимали (отнимали?) языки. Да и сегодня на основных факультетах эти пропорции не сильно изменились. Как строить учебные планы по всем остальным предметам? Как втиснуть в жёсткие временные рамки те академические курсы по истории, праву, экономике, философии, литературе, которые в своей совокупности и формируют университетское образование?

Первый ответ дали титаны, на чьих плечах выросли научные школы МГИМО. Это и выпускник Первой Московской гимназии Иван Дмитриевич Удальцов, это Георгий Павлович Францов, третий *директор* ИМО, это Евгений Викторович Тарле и Сергей Борисович Крылов, это выдающийся арабист Харлампий Карпович Баранов, это приват-доцент Императорского Московского университета Всеволод Николаевич Дурденевский… Они задали высокую, в тогдашних

реалиях – почти недостижимую, планку. Очарованные их интеллектуальным «уровнем», студенты стремились стать похожими на своих учителей. Грань между учебным и внеучебным временем стиралась…

И ещё один секрет МГИМО. Мы начинали с очень маленьких форматов. Даже в мои студенческие годы деление на факультеты и курсы было довольно условным. Все общались со всеми. И если бы кому-то захотелось замкнуться внутри своей специальности, у него все равно не получилось бы. С самого рождения синергия стала образом жизни МГИМО.

Возможно, в первые годы такой синергии способствовала и тенденция к универсализму, характерная для советских внешнеполитических ведомств где-то до середины пятидесятых годов. Об этом можно что-то понять из мемуаров Валентина Михайловича Фалина (Фалин 1999), выпускника МГИМО 1950 г., и из документального фильма о нём «Тайны кремлевских протоколов». Фалин вспоминает о Комитете информации, где под одной крышей оказалось очень много всего…

Конечно, МГИМО не был подводной лодкой, которая в автономном плавании совершает свой поход. И кому как не мне, успевшему побывать и секретарем комитета комсомола, и помощником ректора, и деканом, и проректором, не знать, как сильно институт зависел от разнообразных тенденций – и в МИДе, и в «аппарате» в целом. И это в семидесятые и восьмидесятые. Что говорить о более ранних временах, когда внутренним реорганизациям МГИМО, казалось, не будет конца… Но синергетический механизм работал всегда. Именно у нас начало складываться отечественное лингвострановедение, одним из основоположников которого стала профессор Людмила Георгиевна Веденина, которая и поныне является важнейшим сотрудником Кафедры французского языка.

Был в нашей биографии и такой особенный этап, к которому тоже применима формула о счастье и несчастье, – девяностые годы. Суть той переходной эпохи хорошо уловил Алексей Демосфенович Богатуров в небольшом очерке, посвящённом моей персоне, в самом первом номере журнала «Международные процессы» в 2003 г. В те годы мы вышли за рамки ведомственного учебного заведения, сохранив при этом свою изначальную мидовскую идентичность. Огромная заслуга здесь принадлежит Ивану Георгиевичу Тюлину, который на протяжении полутора десятилетий был моим первым замом. В девяностые годы, когда хлеб российского учёного был горек, Иван Георгиевич привлёк в наш университет целую плеяду блестящих профессоров, которые вместе с автохтонными мгимовцами образовали новое качество интеллектуальной среды. С этого момента в российской столице у МГИМО нет конкурентов по концентрации интеллекта на единицу площади.

Одним из двух ключевых субстратов коллективной идентичности МГИМО является юриспруденция. Будучи политологом и историком, в своей ректорской повседневности я ощущаю присутствие мышления иного типа, когда

в правовую логику вплетено понимание политических обстоятельств и когда политическая целесообразность *естественным образом* интегрирована в рассуждения о праве. Такая синергия была у нас всегда – даже в отсутствие в течение многих лет в структуре института Международно-правового факультета. Это началось ещё с Дурденевского. Это продолжалось первым деканом возрождённого МП-факультета Фёдором Ивановичем Кожевниковым и его преемником – профессором Игорем Павловичем Ильинским, чьими человеческими качествами и титаническими усилиями факультет был воссоздан. Сегодня совсем ещё молодые профессора МП подпитывают Университет своей экзистенциальной исполненностью. Если попытаться ответить на вопрос, что объединяет юристов-международников МГИМО, в чём их родовая особенность, ответ приходит сам собой: их настрой на государственное служение.

Равновеликим юриспруденции субстратом МГИМО является востоковедение. Мы ведём свою биографию в том числе от уже упомянутого Лазаревского училища восточных языков и от его преемника – Московского института востоковедения[2]. Эта школа «проросла» в современном МГИМО двумя системными свойствами. Во-первых, ориентацией на подготовку практиков, а не теоретиков. Во-вторых, определением направления развития не по начальственному предписанию, а по инициативе самих профессоров и преподавателей, исходя из нашего общего понимания интересов России. Конечно, мы стремимся в максимальной степени соответствовать требованиям и правилам, которые задают высшим учебным заведениям органы государственной власти. Но, как и когда-то Лазаревский институт, мы сами определяем программы и стандарты образования, открываем специальности, потребность в которых только формируется.

Недавно мне довелось выступить с докладом о роли исторического анализа в востоковедении на Отделении глобальных проблем и международных отношений РАН. Состоялась оживлённая дискуссия о методах постижения прошлого и настоящего в различных культурах. МГИМО ориентирован на то, чтобы его выпускники, овладевшие восточными языками, были способны эффективно коммуницировать с представителями других, зачастую очень далеких от нас, культур и даже смотреть на мир их глазами. При этом свою практикоориентированность мы стремимся компенсировать тесным взаимодействием с фундаментальной наукой, в том числе через консорциум с Институтом востоковедения РАН.

Когда элиты Западного мира сочли, что они более не заинтересованы в России, в сотрудничестве с нею, от МГИМО потребовалось лишь количественно нарастить свои усилия на восточных направлениях. Мы всегда стремились

[2] Здесь следует оговорить, что в Институте стран Азии и Африки при МГУ тоже считают МИВ своим предшественником.

обеспечивать комплексное изучение всего Земного шара. Наши страноведческие и регионоведческие школы, в том числе языковой подготовки, являются надёжной базой российской внешней политики.

Степени нашей свободы

Выше я коснулся различий между МГИМО советским и МГИМО дня сегодняшнего. Сейчас даже трудно вообразить, какие подвиги надо было совершить, чтобы открыть в советском МГИМО, например, научную лабораторию. В 1975–1976 гг. ректор Николай Иванович Лебедев выступил с инициативой учредить знаменитую впоследствии «Проблемку» – Проблемную научно-исследовательскую лабораторию системного анализа в области международных отношений. Его сподвижником в этом деле стал заместитель председателя Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) при Совете министров СССР Джермен Михайлович Гвишиани, впоследствии академик АН СССР. После того как идея была поддержана руководством МИД, соответствующие предложения за подписью заместителя министра иностранных дел были направлены министру высшего и среднего специального образования СССР. Параллельно другой заместитель министра согласовал параметры будущей лаборатории с председателем ГКНТ. Он же запрашивал согласование у заместителя главного учёного секретаря АН СССР, который в свою очередь заручился согласием заместителя директора Института США и Канады. И только после всего этого коллегия ГКНТ решила согласиться с предложением МИД и создать в МГИМО лабораторию, а Николай Иванович издал соответствующий приказ по МГИМО. Параллельно МИД ещё согласовывал с Минфином СССР первую категорию оплаты труда научных работников. На всё ушло четырнадцать месяцев… (Аналитика МГИМО… 2016: 91–130). И впоследствии Д.М. Гвишиани патронировал «Проблемку». Так, он обеспечил возможность использовать простаивавшую в ночное время компьютерную технику одного из секретных институтов, располагавшуюся в храмовом здании в районе Арбата.

Из сегодняшнего дня эта история воспринимается как сюжет антиутопии. Мы давно сами решаем, какие подразделения открыть, а какие ликвидировать. Мы сами формируем содержание учебных программ. Мы сами присуждаем учёные степени. Являясь автономным образовательным учреждением, мы можем достаточно свободно распоряжаться имеющимися ресурсами.

Далеким прошлым сейчас кажутся и те годы, когда МГИМО, как и вся страна, «открывался рынку». Создание в 1992 г. Факультета международного бизнеса и делового администрирования было тогда для нас как выход в открытый космос. В том же году факультет выиграл тендер на участие в образовательном проекте по линии программы *TEMPUS-TACIS*. Сегодня об этом вспоминаешь уже с некоторой иронией.

На хрупкие плечи Ирины Викторовны Герчиковой и Раисы Борисовны Ноздревой легла задача подготовить небывалые на русском языке – чуть ли не со времен Московского коммерческого института – учебные программы и написать такие учебники, в которых ушедшая вперёд за годы советской власти наука управления корреспондировала с тем, что происходило тогда за стенами МГИМО. В соответствие с потребностями новой эпохи приводилось и преподавание более традиционных курсов – внешнеэкономической деятельности, международных транспортных операций, торгового дела и других. Принципиально новым для МГИМО стало направление экологии.

И теперь Университет чутко откликается на потребности реальной экономики, в том числе в её идейной «рефлексии». Воспринимая МГИМО как надёжного субъекта, способного посмотреть на твой бизнес сквозь призму собственных традиций и корпоративной культуры, капитаны реального сектора идут на стратегическое партнёрство с нами, преследуя, в первую очередь, цель подготовки кадров.

Первенствующую позицию здесь традиционно занимает Международный институт энергетической политики и дипломатии (МИЭП), с которого в МГИМО началась практика учреждения базовых кафедр крупных корпораций. На МИЭПе сейчас это кафедры ПАО «НК “Роснефть”», ПАО «Транснефть», ПАО «ГМК “Норильский никель”» и базовая кафедра Газпромбанка.

Ещё в 2008 г. на Факультете международного бизнеса была открыта базовая кафедра «Ростеха» – Кафедра международного военно-технического сотрудничества и высоких технологий. За минувшие полтора десятка лет удалось решить задачу укомплектования специалистов начального звена в самой корпорации и в «Рособоронэкспорте», ведётся комплектование молодыми специалистами холдинговых компаний «Ростеха».

Своего рода фазовым переходом во взаимодействии с реальным сектором стало создание в 2019 г. базовой кафедры Министерства сельского хозяйства России «Международные аграрные рынки и внешнеэкономическая деятельность в агропромышленном комплексе». Кафедра встроена в структуру Школы бизнеса и международных компетенций МГИМО, одного из самых эффективных наших подразделений. Открылись сразу три направления: программа профессиональной переподготовки «Атташе по вопросам сельского хозяйства», программа *MBA* «Мировые аграрные рынки и внешнеэкономическая деятельность компаний АПК» и первая в России магистерская программа по подготовке кадров в сфере управления «Мировые аграрные рынки».

Как бы ни был ценен (во всех смыслах) опыт, накопленный нами в процессе реализации такого рода партнёрств, каждое из них – в силу значительного масштаба другой стороны – является для МГИМО опытом своего рода сервисной деятельности. Но именно он дал нам точки опоры для инициирования многочисленных сетевых образовательных программ с партнёрами иного формата.

Инвестиционный капитал для таких проектов, как правило, предоставляет государство. МГИМО вошёл в крупнейшую за все постсоветские годы госпрограмму поддержки университетов, их стратегического лидерства в развитии отраслей и территорий – «Приоритет 2030». Один из наиболее продвинутых проектов – Институт мировых аграрных рынков: в сотрудничестве со Ставропольским и Кубанским аграрными университетами в 2024 г. открылся набор на бакалаврские программы, с Оренбургским государственным университетом – на программу повышения квалификации в сфере аграрного экспорта. Ещё один сетевой проект связан с развитием территорий туризма. Бакалавриат и магистратура по туризму реализуются сразу на двух площадках – в Сочи и Москве.

Партнёры для сетевых программ подбираются в логике взаимодополнения. Так, открыта магистратура МГИМО по минерально-сырьевым рынкам совместная с Московским горным институтом (частью университета МИСиС). Программа по развитию и использованию искусственного интеллекта запускалась с МФТИ. Действуют две программы двойного диплома: с Морским университетом им. Г.И. Невельского – по международным транспортным операциям, логистике и торговле в Тихоокеанской зоне; с Новосибирским государственным университетом экономики и управления – программа, объединяющая юриспруденцию и торговое дело применительно к рынкам Северо-Восточной Азии.

Уникальна магистерская программа «Психология управления и социальных коммуникаций», запущенная нами с привлечением широкого круга психологов-практиков из МГУ и целого ряда профильных институций. Программа нацелена на подготовку психологов для сферы управления и бизнеса, понимающих глубинные механизмы развития личности, способных действовать в кризисных ситуациях и сопровождать реализацию проектов в управлении и бизнесе. В существенной степени на это ориентированы и программа дополнительного образования «Нейротехнологии и искусственный интеллект в бизнесе», и новая магистерская программа «Когнитивные исследования и нейротехнологии в международных отношениях» в партнёрстве с Факультетом психологии МГУ.

В течение многих лет мы с большой осторожностью относились к предложениям о шефстве над общеобразовательными школами. Только превратившись в действительно открытую систему, МГИМО позволил себе развиваться и в этом направлении. С 2016 г. в структуре нашего Одинцовского филиала работает Горчаковский лицей. В Ташкенте, на базе узбекского филиала, – лицейские классы. В 2023 г. Университет стал оператором школы для детей работников строящейся в Турции атомной станции. Эта деятельность развёртывается в рамках реализации стратегического проекта «Русская международная школа», финансируемого из средств программы «Приоритет 2030».

Разумеется, такое многообразие требует уровня менеджмента, какого в МГИМО не было никогда. Но это – вполне разумная плата за пороговое расширение степеней свободы, обретённой нами в 90-е гг.

Профессия международник

Слово «международник» довольно странно звучит в мире с проницаемыми границами. Оно так приклеилось к выпускникам и людям МГИМО, что уже и не задумываешься, в чём его суть.

Для Факультета международных отношений, по сей день определяющего идентичность МГИМО, базовую совокупность профессиональных знаний составляют разнообразные курсы истории и иностранные языки. Вновь повторю, языки забирают очень много учебного времени. История же преподаётся более компактно, чем на исторических факультетах классических университетов. При изучении истории, а также разнообразных страноведческих дисциплин делается акцент на синхронизации исторических событий и процессов, на ситуациях принятия решений, на обучении использованию исторических источников в политической полемике. Всё это способствует формированию у наших студентов исторического сознания, то есть восприятия всего и вся в историческом контексте.

Следующий уровень становления международника – это погружение в начала теории международных отношений, с одной стороны, и освоение навыков ситуационного анализа – с другой. И то, и другое теснейшим образом переплетено с людьми МГИМО, с историей нашего университета.

Примечательно, что «цифровая революция», в которой мы стремимся держаться в первых рядах, не является для МГИМО только современным феноменом. Уже в 70–80-е гг. минувшего века аналитики Проблемной лаборатории с переменным успехом использовали математические методы в международно-политическом анализе. Тогда эти разработки фактически зашли в тупик – слишком велики оказывались рутинные трудозатраты высококвалифицированных сотрудников, чтобы на выходе получалось нечто действительно полезное. И сегодня Институт международных исследований – подразделение МГИМО, чьим приоритетным направлением являются прикладные исследования, – основную часть своей аналитической продукции производит, опираясь на традиционные методы анализа.

…Лишь немного упрощая, приходишь к выводу, что знание, преподаваемое и получаемое в МГИМО, в конечном счёте обеспечивает его носителю – международнику – способность к более качественной, результативной коммуникации. Содержание и вектор этой последней могут быть самыми разными.

Заключение

Много лет назад небольшому кругу талантливых людей удалось создать нечто небывалое – институт подготовки дипломатов из вчерашних школьников. На следующем крутом повороте истории камерная, элитарная дипломатическая школа реализовала шанс для вызревания в полноценный – и уже не только гуманитарный – университет.

Что именно будет с МГИМО через двадцать лет, нам знать не дано – технологий подобного прогнозирования не существует. Восемьдесят прошедших лет продемонстрировали нашу устойчивую жизнеспособность. Высокие коммуникативные характеристики обеспечивают её не только отдельным личностям.

Уверен, будущий МГИМО останется важным субъектом российского общества, надёжной опорой нашего государства.

Об авторе:

Анатолий Васильевич Торкунов – доктор политических наук, академик РАН, ректор МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76. ORCID ID: 0000-0001-7352-3345.
E-mail: rectorat@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 378.4(470+571):327(470+571)
Received: November 15, 2024
Accepted: January 10, 2025

MGIMO Phenomenon Post-Anniversary Notes

A.V. Torkunov
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-7-21

MGIMO University

Abstract: This article provides an analysis of MGIMO as a unique phenomenon in the realm of diplomatic education and international relations research. The author identifies the key factors that have shaped the university's distinctive status, spanning from its historical founding to the modern challenges it faces. Emphasizing its roots in the traditions of the Lazarev Institute of Oriental Languages, the article demonstrates how MGIMO successfully integrates fundamental humanities disciplines, intensive foreign language instruction, and the practical skills essential for real-world diplomacy.

Particular attention is given to the institutional mechanisms that have enabled the university not only to survive but also to flourish in spite of ideological constraints and political upheavals. The study examines the factors contributing to MGIMO's academic environment and intellectual capital, including a systemic approach to research, the use of comparative analysis methods, and a comprehensive training program for specialists adept at working in diverse settings – from traditional bilateral negotiations to complex multilateral diplomacy in an era of global turbulence.
The article also highlights MGIMO's role in shaping Russia's schools of international studies. The university emerges as a laboratory that synthesizes cutting-edge scholarly approaches with the practical needs of the state. It concludes that, owing to its institutional flexibility, close cooperation with government bodies, a broad range of research schools, and a steady expansion of international partnerships, MGIMO continues to serve as a national leader in preparing diplomats and advancing international research.

Keywords: Moscow State Institute of International Relations, Lazarevsky Institute of Oriental Studies, diplomacy, diplomatic school

About the author:

Anatoly V. Torkunov – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of RAS, Rector, MGIMO University. 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID ID: 0000-0001-7352-3345.
E-mail: rectorat@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Analitika MGIMO. 40 let: 1976–2016 [MGIMO Analytics. 40 Years: 1976–2016]. 2016. Moscow: MGIMO. 130 p. (In Russian).

Dobrynin A.F. 2023. *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentakh SSHA* (1962–1986 gg.). [Strictly Confidential. Ambassador to Washington under Six US Presidents]. 3 ed. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 712 p. (In Russian).

Erlikhman V.V. 2022. Gospodin narkom [Mr People's Comissar]. *Istorik*. 11(95). URL: https://istorik.rf/journal/post/6927 (accessed 12.11.2024) (In Russian).

Falin V.M. 1999. *Bez skidok na obstoyatel'stva: Politicheskiye vospominaniya* [No Circumstances Discounts; Political Memoires]. Moscow: Respublika. 464 p. (In Russian).

Glavy iz istorii moskovskogo vostokovedeniya. Lazarevskiy institut – Moskovskiy institut vostokovedeniya – MGIMO [Chapters from the History of Moscow Oriental Studies. Lazarev Institute – Moscow Institute for Oriental Studies – MGIMO]. 2021. Pod obshch. red. A.V. Torkunova. Moscow: Aspekt Press. 384 p. (In Russian).

Karlov N.V., Kudryavtsev N.N. 2000. K istorii elitnogo inzhenernogo obrazovaniya [On the History of Elite Engineering Education] *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 70(7). P. 579–588. (In Russian).

Lungina L.Z. 2022. *Podstrochnik. Zhizn' Lilianny Lunginoy, rasskazannaya yeyu v fil'me Olega Dormana* [Interlinear Translation. The Life of Lilianna Lungina, told in Oleg Dorman Movie]. Moscow: AST, Corpus. 374 p. (In Russian).

Torkunov A.V. 2015. Lazarevskiy institut vostochnykh yazykov v kontekste istorii vostokovedeniya [The Lazarev Institute: Cradle of Russian Oriental Studies]. *Polis. Political Studies.* №6. P. 9–22. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Аналитика МГИМО. 40 лет: 1976–2016. 2016. Москва: МГИМО. 130 с.

Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО. 2021. Под общ. ред. А.В. Торкунова. Москва: Аспект Пресс. 384 с.

Добрынин А.Ф. 2023. *Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.).* 3-е изд. Москва: Международные отношения. 712 с.

Карлов Н.В., Кудрявцев Н.Н. 2000. К истории элитного инженерного образования. *Вестник Российской академии наук.* 70(7). С. 579–588.

Лунгина Л.З. 2022. *Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана.* Москва: АСТ, Corpus. 374 с.

Торкунов А.В. 2015. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения. *Полис. Политические исследования.* №6. С. 9–22.

Фалин В.М. 1999. *Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания.* Москва: Республика. 464 с.

Эрлихман В.В. 2022. Господин нарком. *Историк.* 11(95). URL: https://историк.рф/journal/post/6927 (дата обращения: 12.11.2024)

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(1). С. 22–37
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-22-37

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Истоки теоретических исследований международных отношений в СССР/России: наследие И.Г. Тюлина

М.М. Лебедева

МГИМО МИД России

Статья посвящена анализу деятельности И.Г. Тюлина как организатора научных исследований в МГИМО по теоретико-методологическим проблемам, а также его работам по изучению политической мысли Франции и становлению международных исследований в Советском Союзе и затем в России. Отмечается, что внимание к теоретическим вопросам в СССР изначально было минимальным, однако затем стало формироваться понимание необходимости развития теоретических знаний. Этому способствовали исследования, проводимые в институтах Академии наук СССР, а также в МГИМО. Показано, что в конце 1980-х – 1990-х гг. интерес к концептуальным исследованиям международных отношений стали проявлять представители Министерства иностранных дел СССР. В условиях возрастающего интереса к теоретическому и концептуальному осмыслению международных отношений в 1976 г. в МГИМО была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений. Вскоре её возглавил И.Г. Тюлин, который сначала как заведующий Проблемной лабораторией, а затем в качестве проректора по научной работе стал одним из наиболее ярких организаторов исследований в области международных отношений в СССР/России. Автор выделяет и анализирует пять основных и взаимосвязанных областей, где И.Г. Тюлин проявил себя как организатор науки, а также исследователь международных отношений: 1) системный анализ в международных отношениях и междисциплинарные исследования; 2) методы изучения международных отношений; 3) международные исследования в СССР/России; 4) теоретическая мысль Франции; 5) конфликты и переговоры в международных отношениях. В статье делается заключение, что И.Г. Тюлин дал начало целому ряду направлений развития отечественных (и не только отечественных) международных исследований. В конце 1980-х – 1990-х гг. им были инициированы работы по системному анализу международных отношений, междисциплинарности, методам исследования, а также международным конфликтам и переговорам на базе количественных методов и моделирования. При этом им проводилась чёткая линия на поиск подходов к прикладным исследованиям, но на качественной методологической и методической базе. Эти направления сегодня развиваются как в МГИМО, так и в целом в России.

УДК: 327(470+571) + 001.891 + 930.1
Поступила в редакцию: 26.08.2024
Принята к публикации: 12.12.2024

Ключевые слова: системный подход, междисциплинарность, МГИМО, Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа, И.Г. Тюлин, международные исследования, методы исследования, моделирование международных отношений, прогнозирование

Формирование интереса к теоретическому осмыслению международных отношений в СССР во второй половине XX в.

Теоретические исследования в области международных отношений в СССР/России – довольно молодая сфера, которые стали формироваться значительно позднее по сравнению с западными странами. Причин того, что отечественная теория международных отношений (ТМО) долгое время активно не развивалась, несколько. Первое — это доминирование марксизма-ленинизма в СССР, который, как считалась тогда, был единственной возможной теоретической основой для научного понимания мира.

Второе. Международные отношения в Советском Союзе развивались на базе исторической науки — ещё в царское время в России сложилась мощная традиция изучения истории. Политология в СССР как научная дисциплина отсутствовала, поскольку считалось, что политика имеет идеологическую основу, и, следовательно, замещалась марксизмом-ленинизмом. Как следствие, в то время как американская ТМО формировалась главным образом с учётом политологических знаний, в СССР осмысление явлений на международной арене в политологических категориях не было востребовано. Тем не менее в 1960 г. была создана Ассоциация политических наук СССР, а в 1979 г. в Москве прошёл IX Всемирный конгресс Ассоциации политической науки (International Political Science Association – IPSA).

Третье. Развитию теоретических исследований в Советском Союзе «мешало также традиционное для советского обществознания разделение на “университетскую” и “академическую” науку. При этом взаимодействие между специалистами вузов и учёными академических институтов было крайне незначительным» (Тюлин 1997: 19).

Наконец, ещё один важный момент заключался в том, что академическое сообщество в СССР было во многом изолировано от зарубежных исследований. Международные контакты осуществлялись, главным образом, руководством академических учреждений, но почти не касались среднего и младшего научных звеньев. Теоретическая литература находилась в спецхранах библиотек.

Отсутствие теоретических работ по международным отношениям не означало, что исследования в СССР проводились на низком уровне. Аналитический уровень прикладных работ был во многих случаях высоким, поскольку этого требовала практика — СССР занимал ведущие позиции на мировой арене. В результате марксизм-ленинизм, сохраняя своё место в риторике, всё больше

вытеснялся «интуитивным реализмом»[1], при котором исследователи исходили из анализа интересов государств во внешней политике. Как и в других областях науки, в международных отношениях теоретические знания расширяют горизонты осмысления проблемы, а, следовательно, в прикладном плане обеспечивают более точный анализ и прогнозирование. Несмотря на превалирующее отношение к теоретическим исследованиям по международным отношениям, как к чему-то «ненужному», понимание их необходимости всё же постепенно формировалось в СССР как у исследователей, так и у практиков.

В 1980 г. в МГИМО вышло первое в СССР учебное пособие по теории международных отношений, переизданное вновь в 1988 г.[2]. Ключевая идея данного пособия заключалась в понимании международных отношений в качестве системы. В принципе идея системного подхода в отечественной науке имеет давние традиции. Одним из представителей идеи системности был А.А. Богданов (Богданов 1922), который активно участвовал в революционном движении. Несмотря на то, что принцип системности в целом не противоречит марксизму-ленинизму, советские авторы не слишком часто обращались к системному подходу или ссылались на работы А.А. Богданова. В учебной литературе по международным отношениям идея системного подхода получила развитие впервые в данном пособии.

В Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР также велись теоретические разработки. Тексты ведущих авторов того времени были собраны и опубликованы в 2022 г. (Основы теории… 2022), в них прослеживается развитие системного взгляда на международные отношения. Кроме того, в ИМЭМО под руководством В.И. Гантмана группа исследователей занималась анализом зарубежного опыта изучения международных отношений, что нашло отражение в ряде публикаций, в том числе в книге под редакцией В.И. Гантмана (Современные буржуазные теории… 1976). Теоретические исследования в области международных отношений или затрагивающие международные отношения проводились и в других институтах Академии наук СССР, в том числе в Институте философии, Институте США и Канады, Институте социологии и др.

Наконец, ещё одним важным моментом для становления и развития теоретико-концептуальных исследований в СССР было проведение дискуссии по проблеме междисциплинарности международных отношений на страницах журнала «Мировая экономика и международные отношения» (Проблемы теории… 1969). Таким образом, вопросы теории международных отношений в академическом сообществе начали обсуждаться в СССР во второй половине XX в.

---

[1] Поскольку реализм как научная теория практически не был известен в СССР, данное теоретическое направление в Советском Союзе можно определить в качестве именно «интуитивного реализма».

[2] Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталёв М.А. 1988. *Основы теории международных отношений: учеб. пособие 2-е изд., перераб. и доп*. Москва: МГИМО. 141 с.

Одновременно интерес к научным разработкам стали проявлять в Министерстве иностранных дел СССР. Так, заместитель министра иностранных дел А.Г. Ковалёв возглавлял советскую делегацию на втором этапе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Эти переговоры были многосторонние и многоаспектные и в этом отношении очень сложные, поскольку необходимо было отслеживать подвижки в многочисленных группах переговорщиков. А.Г. Ковалёв это хорошо показал в книге «Азбука дипломатии» (Ковалёв 1988). По всей видимости, наличие практического опыта по ведению международных переговоров побудило его к тому, чтобы стимулировать исследования по международным переговорам, в частности, в МГИМО.

Ещё одним представителем МИД СССР, повлиявшим на развитие исследований в МГИМО, был В.Ф. Петровский, Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор исторических наук, одно время возглавлявший Отдел планирования внешнеполитических мероприятий МИД СССР. В.Ф. Петровский опубликовал ряд монографий, в которых осмысливаются международные отношения. В том числе его перу принадлежит книга «Американская внешнеполитическая мысль» (Петровский 1976), где анализируются американские концептуальные подходы к внешней политике. Можно приводить и другие примеры интереса представителей Министерства иностранных дел страны к осмыслению международных отношений, причём связанные не только с публикациями дипломатов, но и с появлением новых организационных структур. Так, в 1989 г. в МИД СССР был создан Научный совет (Мелихов 2011).

Поиск подходов к исследованию международных отношений в работах И.Г. Тюлина и сотрудников Проблемной лаборатории

Иван Георгиевич Тюлин был одним из тех, кто в конце 1970-х – 1980-х гг. отчётливо увидел важность и необходимость теоретических исследований в стране. В условиях возрастающего интереса к теоретическому и концептуальному осмыслению международных отношений в 1976 г. в МГИМО была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений (ПРОНИЛ). Вскоре её возглавил И.Г. Тюлин, который сначала как заведующий Проблемной лабораторией, а затем в качестве проректора по научной работе стал одним из наиболее ярких организаторов исследований в области международных отношений в СССР/России. И.Г. Тюлин сделал ставку на междисциплинарность в изучении международных отношений. Он привлёк к работе в Проблемной лаборатории исследователей из разных сфер: специалистов в области международных отношений, юристов, экономистов, математиков, психологов. Для того времени это был в значительной мере революционный шаг. При этом междисциплинарность понималась как необходимость в международных исследованиях изучать и учитывать различные ракурсы с целью наиболее точного анализа и составления международных прогнозов.

И.Г. Тюлин исходил из того, что различные научные дисциплины обогащают международные исследования своими методами — социологическими, математическими и т. д.

Пожалуй, следует выделить пять основных и взаимосвязанных областей, где И.Г. Тюлин проявил себя как организатор науки, а также исследователь международных отношений: 1) системный анализ в международных отношениях и междисциплинарные исследования; 2) методы изучения международных отношений; 3) международные исследования в СССР/России; 4) теоретическая мысль Франции; 5) конфликты и переговоры в международных отношениях.

Системный анализ стал центральным фокусом в работе ПРОНИЛ под руководством И.Г. Тюлина. При этом им подчёркивалось, что «системный анализ представляет собой как бы связующее звено между группой общественных дисциплин, изучающих международные отношения, и практикой» (Тюлин, Кожемяков 1982: 24).

Несмотря на отсутствие в стране в конце 1970-х – в начале 1980-х гг. политологии как научной и образовательной дисциплины, многие сотрудники Проблемной научно-исследовательской лаборатории приняли участие в IX Всемирном конгрессе Ассоциации политической науки, прошедшем в Москве в 1979 г. По результатам Конгресса под редакцией И.Г. Тюлина и А.С. Кожемякова был выпущен сборник научных трудов, посвящённый зарубежным подходам к изучения международных отношений, правда, тиражом всего 250 экз. Особое внимание в нём было обращено на методы исследования как часть системного подхода применительно к возможностям прогнозирования, что особенно важно было для работы Министерства иностранных дел. В Предисловии к сборнику, написанном президентом советской Ассоциации политических наук Г.Х. Шахназаровым, отмечается, что «кардинальные расхождения в методологических позициях марксистско-ленинской политической теории и западной политологии не исключает точек соприкосновения между ними. Областью плодотворного научного контакта являются, в частности, вопросы методики и техники исследований (Критика буржуазных… 1982).

Внимание исследователей Проблемной лаборатории, авторов сборника было обращено, в первую очередь, на методы исследования. Так, был проанализирован опыт канадского политолога П. Клоуза, представившего доклад на Конгрессе, связанный с проектом по анализу конфликтов. А.С. Кожемяков и М.А. Хрусталёв, критикуя автора доклада за содержательные аспекты (в частности, за предположение, что государственные деятели в условиях конфликтной неопределённости руководствуются методом «проб и ошибок»), указывают, что интерес представляет именно методика анализа. Поскольку проект ориентирован на использование ЭВМ, то авторы проекта «широко использовали методы структуризации, систематизации и квантификации» (Кожемяков, Хрусталёв 1982: 33). Математические методы анализа – ещё одно направление исследований, которое привлекло внимание сотрудников ПРОНИЛ.

На Конгрессе, согласно В.М. Сергееву, было представлено немало работ с применением математических методов анализа, что было нехарактерно для советских исследований. Но особенный интерес представляют те из них, в которых используются динамические модели, поскольку международные отношения находятся в постоянном развитии (Сергеев 1982). В дальнейшем идеи систематизации материала, а также применение математического аппарата для того, чтобы было возможно использовать компьютерные программы, красной линией проходят в исследованиях ПРОНИЛ, что во многом предвосхитило современный этап цифровизации в международных исследованиях.

В 1991 г. под редакцией И.Г. Тюлина вышел сборник исследований сотрудников ПРОНИЛ (тиражом также 250 экз.), посвящённый системному подходу, в котором авторы рассматривали методологические и методические аспекты изучения международных отношений (Системный подход… 1991). В исследованиях, представленных в сборнике, чётко прослеживается связь системного подхода с методами исследования и прикладными аспектами международных отношений. При этом представленные исследования выполнены в реалистских традициях с анализом интересов, противоречий между государствами (см.: Хрусталёв 1991; Загорский 1991). Был сделан акцент и на прикладных исследованиях. Так, С.И. Лобанов, используя количественные методы, проанализировал голосование на 42-й сессии ГА ООН и показал степень поддержки позиции СССР и США различными государствами (Лобанов 1991).

Методы исследования, развиваемые в Проблемной лаборатории под руководством И.Г. Тюлина, использовались при изучении двух основных областей международных отношений: международных конфликтов и переговоров. Они составили важнейшие направления исследований Проблемной лаборатории, причём именно в политологическом ракурсе, а не в историческом, как было во многих других работах, проводимых в СССР.

Спектр международных конфликтов, которыми занимались сотрудники ПРОНИЛ, был очень широк. Это и Корейский полуостров, и Юг Африки, и Афганистан (Региональные и локальные конфликты… 1988). В исследованиях международных переговоров акцент делался во многом на выявление ключевых элементов и моделирование переговорного процесса. При этом исследования проводились в большинстве случаев на материале переговоров в рамках СБСЕ. Сотрудниками Проблемной лаборатории В.Б. Луковым и В.М. Сергеевым была разработана компьютерная модель оценки позиций сторон – участниц переговоров, представляющая собой систему, составными элементами которой были цели участников, выдвинутые ими предложения, а также оценки этих предложений другими участниками (Луков, Сергеев 1981). Модель содержала основные положение позиций сторон – участниц СБСЕ и позволяла прослеживать эволюцию этих позиций, а также зоны совпадения, или, напротив, расхождения позиций. Эти исследования получают высокую оценку зарубежных авторов (Assumptions and Perceptions… 1984).

Модель оценки позиций сторон на переговорах получает развитие в работах ещё одного сотрудника ПРОНИЛ – Ан.В. Загорского. Он вводит понятие *«переговорная концепция»,* в которое включает основные цели, шкалу приоритетов и ряд других составляющих. Существенным элементом подготовки концепции переговоров, согласно Ан.В. Загорскому, является анализ возможных вариантов решения, которые не являются равнозначными для участников переговоров: один вариант может быть более приемлем для одной стороны, другой — для противоположной. Им также вводится такой элемент в переговорном процессе, как условия приемлемости варианта решений. Эти условия приемлемости являются компенсацией за издержки того или иного варианта (Загорский 1991).

Другое направление исследований, развиваемое в Проблемной лаборатории, связано с анализом переговорной тактики. В переговорном процессе выделяются структурные элементы, такие так способы подачи позиции, этапы ведения переговоров, тактические приёмы (Лебедева 1981). По характеру используемых структурных элементов предлагается проводить мониторинг за ходом переговоров (Ковалёва, Лебедева 1981). Это направление исследований переговоров также получило высокую оценку зарубежных авторов. Так, американский исследователь П. Беннет заметил, что в области исследования тактических приёмов советские учёные оказались даже более продвинутыми, чем американские (Bennet 1997).

Кроме того, по результатам исследований, проведённых в Проблемной лаборатории, в международных переговорах были выделены три области: организационная, когнитивная и поведенческая. Соответственно, по каждой области определялись научные дисциплины (так, организационная область – сфера изучения историков, социологов, экономистов). Тем самым, на примере международных переговоров демонстрировалась возможность и необходимость междисциплинарных исследований (Tuline, Lebedeva 1991).

Отдельное внимание стоит уделить политологии. Эта область знаний всегда интересовала И.Г. Тюлина. В ней он видел новые возможности для изучения международных отношений. В начале 1990-х гг. термин «политология» вошёл в научный оборот, и в стране была открыта первая политологическая кафедра. Однако вопросы о том, как политология может помочь в анализе международных отношений, какие здесь возникают проблемы, оставались открытыми и требовали анализа. Представлялось, что политология, как и другие дисциплины – социология, психология и т. п. способна обеспечить исследователя прежде всего ригористическими методами изучения, что позволит избежать субъективизма и повысить прикладную значимость исследований в области международных отношений (Лебедева, Тюлин 1991). Для И.Г. Тюлина политология была не только научной, но и образовательной дисциплиной. Он чётко понимал связь науки и высшего образования, что в конце XX в. не было типичным для СССР. Во многом именно благодаря И.Г. Тюлину в 1999 г. в МГИМО был открыт

первый в стране Факультет политологии. По его инициативе в 1994 г. также была открыта и первая в стране магистратура по международным отношениям совместно с одним из ведущих вузов Франции – Science Po (Париж).

Работы И.Г. Тюлина по анализу политической мысли Франции и осмыслению развития международных исследований в отечественной науке

Если по вопросам системного анализа, междисциплинарности в международных исследованиях, а также изучения переговоров и конфликтов И.Г. Тюлин выступил, прежде всего, как организатор науки, то в понимании развития науки о международных отношениях в национальных школах различных стран, в частности в России и во Франции, он проявил себя как видный учёный. Будучи франкофоном, И.Г. Тюлин посвятил свою докторскую диссертацию изучению внешнеполитической политической мысли Франции (Тюлин 1989). Безусловно, на выбор темы исследования повлияла работа В.Ф. Петровского об американской внешнеполитической мысли (Петровский 1976). Тем не менее Франция явно имела свою уникальную специфику и как европейское государство, и как страна с огромным научным базисом в области социальных и гуманитарных наук. И.Г. Тюлин видел характерные черты внешней политики Франции, а также её внешнеполитической мысли «в стремлении к независимости и самостоятельности..., к сотрудничеству с государствами с противоположным социальным строем, к мирному урегулированию международных проблем…» (Тюлин 1989: 92).

В диссертации И.Г. Тюлин строит свои рассуждения, снова опираясь на междисциплинарность: помимо трудов в области международных отношений, он привлекает работы философов, политологов, экономистов, историков, социологов (в том числе останавливается на анализе опросов общественного мнения). И.Г. Тюлин рассматривает организационные аспекты формирования внешнеполитической мысли Франции, включая институты, а также разрабатываемые французскими авторами теории международных отношений, а политиками – концептуальные основы внешней политики государства. Тем самым в диссертации явно прослеживается идея связи теоретических исследований с практикой.

И.Г. Тюлин останавливается на анализе теоретических воззрений трёх представителей «глобальной» теории во французской политической мысли: Р. Арона, Ж.-Б. Дюрозеле и М. Мерля. Особый интерес в данном случае заключается в выборе для анализа взглядов М. Мерля, которые в отличие от теоретических позиций, например, Р. Арона в меньшей степени проанализированы в отечественных исследованиях. Вместе с тем, пожалуй, именно представления о международных отношениях М. Мерля оказываются наиболее близки к тому, что И.Г. Тюлин реализовывал в своих исследованиях и исследованиях Проблемной

лаборатории. Прежде всего, речь идёт о системном подходе. И.Г. Тюлин пишет: «Мерль пытается рассмотреть международные отношения как систему, исследовать существующие связи и процессы в русле системного подхода» (Тюлин 1989: 131). При этом М. Мерль, согласно И.Г. Тюлину, не ограничивает международную систему лишь государствами, а включает в неё международные организации, транснациональные корпорации, неправительственные организации, которые в своей деятельности выходят за пределы национальных границ. Примечательно, что анализ работ М. Мерля проводится в конце 1980-х гг., когда в отечественной научной литературе в широкий оборот не была введена статья Р. Кохейна и Дж. Ная (Keohane, Nye 1971) об акторности негосударственных участников. Тем самым И.Г. Тюлин познакомил российских исследователей с идеями плюралистического направления в международных исследованиях через работы М. Мерля.

И.Г. Тюлин проводит различие между теориями международных отношений и концепциями внешней политики, отмечая, что «в отличие от теорий международных отношений как систем идей философско-методологического, познавательного характера, политико-идеологические концепции внешней политики занимают ведущее место в современной французской внешнеполитической мысли». При этом в концепциях преобладает идеология над наукой (Тюлин 1989: 131). И.Г. Тюлин показывает исторические корни формирования концептуальных основ внешней политики Франции, акцентируя установку на понимание мирового порядка как порядка, в котором существует несколько центров. Это хорошо перекликается с современной внешнеполитической позицией России и ряда других государств. Кроме того, голлистская концепция внешней политики предполагала формулу «разрядка – согласие – сотрудничество», что также отвечало политической линии Советского Союза и других социалистических стран (Тюлин 1989: 170), а в настоящее время вновь оказывается актуальным. Теоретические и концептуальные позиции французских исследователей и политиков в исследовании И.Г. Тюлина преломляются в анализ конкретных внешнеполитических действий Франции. Таким образом, И.Г. Тюлину удаётся продемонстрировать связь теоретико-концептуальных наработок и внешнеполитической практики Франции.

Отечественная наука о международных отношениях стала ещё одним важнейшим направлением исследований И.Г. Тюлина. Он оказался первым в России, кто провёл анализ советских/российских направлений и подходов развития международных исследований. И.Г. Тюлин даёт периодизацию развития теоретико-концептуальных исследований международных отношений в стране, выделяя три периода (Тюлин 1997). Первый период, который датируется им 1940-ми – серединой 1980-х гг., характеризуется тремя относительно независимыми направлениями исследований: историей дипломатии, международным правом и международными экономическими отношениями. В результате возникла проблема сопоставления данных, полученных в рамках различных

дисциплин, в связи с чем в академическом сообществе прошли дискуссии по вопросу о междисциплинарности международных отношений. В этот же период появляются — хотя и малочисленные — исследования, в которых проводится анализ зарубежных подходов, а также делаются попытки использования количественных методов в международных исследованиях.

Второй период И.Г. Тюлин связывает с перестройкой и в дальнейшем – с распадом Советского Союза, а в теоретическом плане — с отказом от догм советского периода. При этом тематика международных исследований была переосмыслена и значительно расширилась. Однако «самой чувствительной модернизации подверглась сфера изучения проблем безопасности, особенно её военно-политические аспекты. Гражданские специалисты активно включились в обсуждение данной проблематики, чего не допускалось ранее» (Тюлин 1997: 20).

В это же время происходят важные изменения в институционализации международных исследований в России, на что И.Г. Тюлин обращает внимание в отдельном разделе книги «Российская наука международных отношений: новые направления». С одной стороны, позитивным моментом стало появление независимых исследовательских центров, новых журналов в области международных отношений в стране, с другой – негативные: институты Академии наук стали испытывать серьёзные финансовые трудности. Вместе с тем многие сотрудники этих институтов стали параллельно преподавать в вузах, что имело положительный эффект, обусловленный сближением вузовской и академической науки (Тюлин 2005). В то же время, анализируя исследования международных отношений в этот период, И.Г. Тюлин обращает внимание и на другие негативные моменты. Так, «очень скоро поток новых подходов и концепций практически иссяк, снизились возможности науки к саморазвитию. Догматизм продемонстрировал свою завидную жизненную силу, скрываясь под новыми масками» (Тюлин 1997: 21).

Третий период отечественных исследований в области международных отношений стал формироваться в начале нынешнего века. В теоретико-методологическом плане, как отмечает И.Г. Тюлин, сложно определить его характеристики: это и увлечение некоторых авторов, например, геополитикой, и появление либеральных течений в отечественных исследованиях, и т. п. Иными словами, теоретический ландшафт международных исследований по сравнению с прошлым стал куда более разнообразным.

Заключение

И.Г. Тюлин дал начало целому ряду направлений развития отечественных (впрочем, не только отечественных) международных исследований. В конце 1980-х – 1990-х гг. им были инициированы работы по системному анализу международных отношений, междисциплинарности, методам исследования,

а также международным конфликтам и переговорам на базе количественных методов и моделирования. При этом очевидна чёткая нацеленность на поиск подходов к прикладным исследованиям на качественной методологической и методической базе.

Эти направления сегодня развиваются в МГИМО МИД России и в целом в России. Сложился консенсус о междисциплинарном характере самих международных отношений. Нет также вопросов и в части необходимости междисциплинарности при обучении студентов, т. е. наличия курсов по истории, экономике, праву, социологии и другим дисциплинам. В исследовательском отношении эта проблема менее однозначна. Очевидно, что при изучении международной реальности необходимо принимать во внимание данные различных наук, но при этом сохранить политический ракурс анализа.

Системный подход в настоящее время набирает популярность. Однако и здесь возникают вопросы методологического плана, требующие ответов. Что следует понимать под системами? Как различные международные системы связаны между собой? В то же время попытки моделирования международных отношений, начатые в Проблемной лаборатории под руководством И.Г. Тюлина, в настоящее время имеют значительные перспективы в связи с использованием больших данных и искусственного интеллекта.

Если говорить о содержательных аспектах дальнейших международно-политических исследований, направления которых были заданы работами И.Г. Тюлина, то особо следует сказать о международных переговорах. Его безусловная заслуга заключается в том, что он увидел важность и перспективность исследований международных переговоров и предпринял шаги по организации их изучения. Сегодня исследования по переговорам развиваются, и новые возможности изучения открываются здесь в связи с цифровизацией международных отношений.

К сожалению, И.Г. Тюлин оставил лишь небольшое число опубликованных работ. Он был в большей степени человеком действия, активно принимал участие в дискуссиях о развитии международных исследований, в том числе с коллегами из МГИМО. Его эрудиция, знания, личные контакты как с представителями академического сообщества, так и с практиками делали его советы и комментарии очень точными и востребованными. Такие беседы с И.Г. Тюлиным, безусловно, сыграли огромную роль в профессиональной деятельности тех сотрудников, кому посчастливилось работать с ним.

Об авторе:

Марина Михайловна Лебедева — доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. mmlebedeva@gmail.com

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

Благодарность:
Автор выражает благодарность доктору философских наук, заслуженному деятелю науки РФ профессору Т. А. Алексеевой за важный комментарий.

UDC: 327(470+571) + 001.891 + 930.1
Received: August 26, 2024
Accepted: December 12, 2024

Origins of IR in the USSR/Russia: The Legacy of Ivan G. Tyulin

M.M. Lebedeva
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-22-37

MGIMO University

Abstract: This article examines the contributions of Ivan G. Tyulin as a key organizer of scientific research at MGIMO, focusing on theoretical and methodological issues in international relations (IR), as well as his studies on French political thought and the development of IR as a discipline in the Soviet Union and later in Russia. The study highlights the initially limited attention to theoretical inquiries in the USSR and the subsequent recognition of the necessity to develop theoretical knowledge, a shift facilitated by research conducted at the institutes of the USSR Academy of Sciences and MGIMO. By the late 1970s and 1980s, Soviet Ministry of Foreign Affairs officials began demonstrating interest in conceptual approaches to international relations. Against this backdrop, the Problematic Scientific Research Laboratory for the System Analysis of International Relations was established at MGIMO in 1976, with Ivan G. Tyulin soon assuming its leadership. As head of this laboratory and later as MGIMO's Vice-Rector for Science, Tyulin emerged as one of the most influential figures in organizing IR research in the USSR and Russia. The article identifies and analyzes five key interrelated areas in which Tyulin made significant contributions both as a scientific organizer and as a scholar: (1) system analysis in international relations and interdisciplinary research, (2) methodologies for studying international relations, (3) the development of international studies in the USSR and Russia, (4) French theoretical thought, and (5) conflicts and negotiations in international relations. The study concludes that Tyulin laid the foundation for several important directions in domestic—and, to some extent, global—international studies. In the late 1980s, he pioneered research on the systematic analysis of international relations, interdisciplinarity, research methodologies, and the study of international conflicts and negotiations using quantitative methods and modeling. Simultaneously, he remained committed to advancing applied research grounded in rigorous qualitative methodological principles. These research directions continue to evolve at MGIMO and within the broader Russian academic landscape. The conceptual and theoretical foundations of international relations and foreign policy in Russia and other states remain a crucial area for further scholarly inquiry.

Keywords: systems approach, interdisciplinary research, MGIMO, Ivan G. Tyulin, Soviet and Russian international studies, theoretical foundations of international relations, research methodologies, international relations modeling, quantitative analysis, conflict studies, negotiation analysis, foreign policy forecasting

About the author:

Marina M. Lebedeva – PhD, Head of the Department of World Political Processes, MGIMO University. 119454, Moscow, 76 Vernadskogo Avenue, Moscow. mmlebedeva@gmail.com

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgement:
The author expresses her gratitude to PhD, Professor T.A. Alekseeva for her important commentary.

References:

Assumptions and Perceptions in Disarmament. 1984. Ed. by D. Frei. New York: United Nations Publication. 321 p.

Bennet P.R. 1997. *Russian Negotiatiating Strategy: Analytic Case Studies from SALT and START.* New York: Nova Science Publishers. 163 p.

Keohane R.O., Nye J.S. 1971. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization.* 25(3). P. 329–334. URL: https://www.jstor.org/stable/2706043?origin=JSTOR-pdf

Tuline I.G., Lebedeva M. 1991. *Les negociations comme solution des conflicts internationaux: Aspects methodologiques. L'aide a la decision dans la craise internationale.* Paris, FEDN. Sous la direction de Michel Rudnianski. P. 191–200. (In French)

Bogdanov A.A. 1922. *Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka* [Tectology. General Organizational Science]. Petersburg – Moscow – Berlin: Izdatel'stvo Z.I. Grzhebina. 525 p. (In Russian).

Khrustalov M.A. 1991. Mezhgosudarstvennyye protivorechiya: problema metodologii i metodiki issledovaniya [Interstate Contradictions: Issues of Methodology and Research Techniques]. *Sistemnyy podkhod: analiz i prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy (opyt prikladnogo issledovaniya).* Sbornik nauchnykh trudov pod redaktsiyey I.G. Tyulina. Moscow: MGIMO. P. 16–32. (In Russian).

Kovalov A.G. 1988. *Azbuka diplomatii* [ABC of Diplomacy]. 5-ye izd., dopoln. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 288 p. (In Russian).

Kovalova O.M., Lebedeva M.M. 1981. Metodika otsenki pozitsiy uchastnikov mezhdunarodnykh peregovorov na osnove analiza vystupleniy (na primere vystupleniy predstaviteley Frantsii na I i III etapakh Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Yevrope) [Methodology for Assessing the Positions of Participants in International Negotiations Based on the Analysis of Speeches (Using the Example of Speeches by Representatives of France at Stages I and III of the Conference on Security and Cooperation in Europe)]. *Voprosy modelirovaniya mnogostoronnikh diplomaticheskikh peregovorov.* Moscow: MGIMO. P. 113–129. (In Russian).

Kozhemyakov A.S., Khrustalov M.A. 1982. Issledovaniye mezhdunarodnykh konfliktov kanadskimi politologami (na primere modeli KADIK) [Research of International Conflicts by Canadian Political Scientists (on the Example of the KADIK Model).]. *Kritika burzhuaznykh politologicheskikh kontseptsiy.* Pod red. I.G. Tyulina, A.S. Kozhemyakova. Moscow: MGIMO. P. 30–50. (In Russian).

Kritika burzhuaznykh politologicheskikh kontseptsiy [Critique of Bourgeois Political Science Concepts]. 1982. Pod red. I.G. Tyulina, A.S. Kozhemyakova. Moscow: MGIMO. 156 p. (In Russian).

Lebedeva M.M. 1981. Psikhologicheskiye aspekty taktiki vedeniya diplomaticheskikh peregovorov [Modeling Issues of Multilateral Diplomatic Negotiations]. *Voprosy modelirovaniya mnogostoronnikh diplomaticheskikh peregovorov.* Pod red. I.G. Tyulina, M.A. Khrustaleva. Moscow: MGIMO. P. 93–112. (In Russian).

Lebedeva M.M., Tyulin I.G. 1991. Prikladnaya mezhdistsiplinarnaya politologiya: vozmozhnosti i perspektivy [Applied Interdisciplinary Political Science: Possibilities and Prospects.]. *Sistemnyy podkhod: analiz i prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy (opyt prikladnogo issledovaniya).* Sbornik nauchnykh trudov pod redaktsiyey doktora politicheskikh nauk I.G. Tyulina. Moscow: MGIMO. P. 3–16. (In Russian).

Lobanov S.I. 1991. Prakticheskiy opyt kolichestvennogo analiza (s ispol'zovaniyem EVM) rezul'tatov golosovaniya stran-chlenov Organizatsii Ob"yedinonnykh Natsiy: metodologicheskiye aspekty [Practical Experience of Quantitative Analysis (Using Computers) of the Results of Voting of the Member Countries of the United Nations: Methodological Aspects]. *Sistemnyy podkhod: analiz i prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy (opyt prikladnogo issledovaniya).* Sbornik nauchnykh trudov pod redaktsiyey doktora politicheskikh nauk I.G. Tyulina. Moscow: MGIMO. P. 33–50. (In Russian).

Lukov V.B., Sergeyev V.M. 1981. Metodologicheskiye i metodicheskiye osnovy informatsionno-logicheskoy sistemy "SBSE" [Methodological and Methodological Foundations of the Information-Logical System "CSCE"]. *Voprosy modelirovaniya mnogostoronnikh diplomaticheskikh peregovorov.* Pod red. I.G. Tyulina, M.A. Khrustaleva. Moscow: MGIMO. P. 48–70. (In Russian).

Melikhov I.A. 2011. Sovetskaya diplomaticheskaya sluzhba [Soviet Diplomatic Service]. *Pravo i upravleniye XXI vek.* 1(18). P. 114–122. (In Russian).

Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnosheniy: Opyt IMEMO v 1970-ye gody. [Fundamentals of the Theory of International Relations: IMEMO Experience in the 1970s]. 2022. Pod red. akad. N.N. Inozemtseva. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press». 623 p. (In Russian).

Petrovskiy V.F. 1976. *Amerikanskaya vneshnepoliticheskaya mysl'* [American Foreign Policy Thought]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 336 p. (In Russian).

Problemy teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Issues of the Theory of International Relations]. 1989. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya.* №9. P. 88–106; prodolzheniye №10. P. 78–99. (In Russian).

Regional'nyye i lokal'nyye konflikty: genezis, uregulirovaniye i prognozirovaniye [Regional and Local Conflicts: Genesis, Settlement and Forecasting]. 1988. Sbornik nauchnykh trudov pod redaktsiyey A.V. Torkunova. Moscow: MGIMO. 97 p. (In Russian).

Sergeyev V.M. 1982. Analiz sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy i dinamicheskiye modeli [Analysis of the System of international Relations And dynamic models]. *Kritika burzhuaznykh politologicheskikh kontseptsiy.* Pod red. I.G. Tyulina, A.S. Kozhemyakova. Moscow: MGIMO. P. 51–59. (In Russian).

Sistemnyy podkhod: analiz i prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy (opyt prikladnogo issledovaniya) [Systems Approach: Analysis and Forecasting of International Relations (Experience of Applied Research)]. 1991. Sbornik nauchnykh trudov pod redaktsiyey doktora politicheskikh nauk I.G. Tyulina. Moscow: MGIMO. 164 p. (In Russian).

Sovremennyye burzhuaznyye teorii mezhdunarodnykh otnosheniy: kriticheskiy analiz [Modern Bourgeois Theories of International Relations: a Critical Analysis]. 1976. Pod red. Gantmana V.I. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 486 p. (In Russian).

Tyulin I.G. 1989. *Protsess formirovaniya i evolyutsii sovremennykh frantsuzskikh teoriy mezhdunarodnykh otnosheniy i kontseptsii vneshney politiki* [The Process of Formation and Evolution of Modern French Theories of International Relations and the Concept of Foreign Policy]. Dissertatsiya ... doktora politicheskikh nauk. Moscow: In-t obshchestv. nauk pri TSK KPSS. Moscow. 357. (In Russian).

Tyulin I.G. 2005. Institutsional'noye izmereniye rossiyskoy nauki MO [Institutional Dimension of Russian IR]. R*ossiyskaya nauka mezhdunarodnykh otnosheniy: novyye napravleniya.* Pod red. A.P. Tsygankova, P.A. Tsygankova. Moscow: PER SE. C. 49–67. (In Russian).

Tyulin I.G., Kozhemyakov A.S. 1982. Nekotoryye voprosy metodologii prognozirovaniya vneshney politiki i mezhdunarodnykh otnosheniy [Some Issues of Methodology of Forecasting Foreign Policy and International Relations]. *Analiticheskiye metody v issledovanii mezhdunarodnykh otnosheniy.* Sbornik nauchnykh trudov. Pod red. I.G. Tyulina, A.S. Kozhemyakova, M.A. Khrustalova. Moscow: MGIMO. P. 5–26. (In Russian).

Yermolenko D.V. 1977. *Sotsiologiya i problemy mezhdunarodnykh otnosheniy* [Sociology and Problems of International Relations]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 232 p. (In Russian).

Zagorskiy An.V. 1991. Metodologicheskiye i metodicheskiye aspekty formirovaniya peregovornoy kontseptsii i otsenki predlozheniy partnorov po peregovoram. *Sistemnyy podkhod: analiz i prognozirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy (opyt prikladnogo issledovaniya).* [The Systematic Approach: Analysis and Forecasting of International Relations (Applied Research Experience)]. Sbornik nauchnykh trudov pod redaktsiyey I.G. Tyulina. Moscow: MGIMO. P. 59–77. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Богданов А.А. 1922. *Тектология. Всеобщая организационная наука.* Петербург – Москва – Берлин: Издательство З.И. Гржебина. 525 с.

Ермоленко Д.В. 1997. *Социология и проблемы международных отношений.* Москва: Международные отношения. 232 с.

Загорский Ан.В. 1991. Методологические и методические аспекты формирования переговорной концепции и оценки предложений партнёров по переговорам. *Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений (опыт прикладного исследования).* Сборник научных трудов под редакцией И.Г. Тюлина. Москва: МГИМО. С. 59–77.

Ковалёв А.Г. 1988. *Азбука дипломатии.* 5-е изд., дополн. Москва: Международные отношения. 288 с.

Ковалёва О.М., Лебедева М.М. 1981. Методика оценки позиций участников международных переговоров на основе анализа выступлений (на примере выступлений представителей Франции на I и III этапах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе). *Вопросы моделирования многосторонних дипломатических переговоров.* Москва: МГИМО. С. 113–129.

Кожемяков А.С., Хрусталёв М.А. 1982. Исследование международных конфликтов канадскими политологами (на примере модели КАДИК). *Критика буржуазных политологических концепций.* Под ред. И.Г. Тюлина, А.С. Кожемякова. Москва: МГИМО. С. 30–50.

Критика буржуазных политологических концепций. 1982. Под ред. И.Г. Тюлина, А.С. Кожемякова. Москва: МГИМО. 156 с.

Лебедева М.М. 1981. Психологические аспекты тактики ведения дипломатических переговоров. *Вопросы моделирования многосторонних дипломатических переговоров.* Под ред. И.Г. Тюлина, М.А. Хрусталёва. Москва: МГИМО. С. 93–112.

Лебедева М.М., Тюлин И.Г. 1991. Прикладная междисциплинарная политология: возможности и перспективы. *Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений (опыт прикладного исследования).* Сборник научных трудов под редакцией доктора политических наук И.Г. Тюлина. Москва: МГИМО. С. 3–16.

Лобанов С.И. 1991. Практический опыт количественного анализа (с использованием ЭВМ) результатов голосования стран – членов Организации Объединённых Наций: методологические аспекты. *Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений (опыт прикладного исследования).* Сборник научных трудов под редакцией доктора политических наук И.Г. Тюлина. Москва: МГИМО. С. 33–50.

Луков В.Б., Сергеев В.М. 1981. Методологические и методические основы информационно-логической системы «СБСЕ». *Вопросы моделирования многосторонних дипломатических переговоров.* Под ред. И.Г. Тюлина, М.А. Хрусталёва. Москва: МГИМО. С. 48–70.

Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы. 2022. Под ред. акад. Н.Н. Иноземцева. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 623 с.

Петровский В.Ф. 1976. *Американская внешнеполитическая мысль.* Москва: Международные отношения. 336 с.

Проблемы теории международных отношений. 1989. *Мировая экономика и международные отношения.* №9. С. 88–106; продолжение №10. С. 78–99.

Региональные и локальные конфликты: генезис, урегулирование и прогнозирование. 1988. Сборник научных трудов под редакцией А.В. Торкунова. Москва: МГИМО. 97 с.

Сергеев В.М. 1982. Анализ системы международных отношений и динамические модели. *Критика буржуазных политологических концепций.* Под ред. И.Г. Тюлина, А.С. Кожемякова. Москва: МГИМО. С. 51–59.

Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений (опыт прикладного исследования). 1991. Сборник научных трудов под редакцией доктора политических наук И.Г. Тюлина. Москва: МГИМО. 164 с.

Современные буржуазные теории международных отношений: критический анализ. 1976. Под ред. Гантмана В.И. Москва: Международные отношения. 486 с.

Тюлин И.Г. 1989. *Процесс формирования и эволюции современных французских теорий международных отношений и концепции внешней политики.* Диссертация ... доктора политических наук. Москва: Ин-т обществ. наук при ЦК КПСС. Москва. 357 с.

Тюлин И.Г. 2005. Институциональное измерение российской науки МО. *Российская наука международных отношений: новые направления.* Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. Москва: ПЕР СЭ. С. 49–67.

Тюлин И.Г., Кожемяков А.С. 1982. Некоторые вопросы методологии прогнозирования внешней политики и международных отношений. *Аналитические методы в исследовании международных отношений.* Сборник научных трудов. Под ред. И.Г. Тюлина, А.С. Кожемякова, М.А. Хрусталёва. Москва.: МГИМО. С.5–26.

Хрусталёв М.А. 1991. Межгосударственные противоречия: проблема методологии и методики исследования. *Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений (опыт прикладного исследования).* Сборник научных трудов под редакцией И.Г. Тюлина. Москва: МГИМО. С. 16–32.

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(1). С. 38–65
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-38-65

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Внешнеполитическая мысль как система и процесс: И.Г. Тюлин о формировании идейных основ внешней политики Франции

П.А. Цыганков

МГУ имени М.В. Ломоносова

Статья представляет собой развёрнутый аналитический комментарий к основным концептам, идеям и научным построениям, выдвинутым И.Г. Тюлиным в его докторской диссертации, посвящённой исследованию процесса формирования и эволюции французских теорий международных отношений и концепций внешней политики по состоянию на конец 1980-х годов. Основной исследовательский вопрос: сохраняют ли свою значимость обсуждаемые в ней проблемы и аргументы, касающиеся путей эволюции французской внешнеполитической мысли, в современных, фундаментально изменившихся условиях? Ответ на него потребовал использования текстологического и сравнительно-исторического методов. Структурно статья состоит из введения, трёх разделов и заключения. В первом разделе, посвящённом методологии, особое внимание обращено на показанную в работе И.Г. Тюлина обусловленность внешнеполитической мысли Франции национальными культурными традициями, а также на её анализ как целостной системы идейно-теоретического производства. Во втором разделе рассматриваются место и роль теорий и концепций в структуре французской внешнеполитической мысли, институциональные механизмы её формирования и эволюции по состоянию, сложившемуся на конец 1980-х годов. В третьем разделе даётся по необходимости краткий обзор изменений, которые произошли с тех пор в институциональной и теоретико-концептуальной сферах современной французской внешнеполитической мысли. Анализ этих изменений в свете тюлинских идей показывает, что в них находят своё проявление описанные в диссертации преемственность и тенденции идейно-теоретического производства в современной Франции. Присущие ей такие черты, как социологизм, стремление позиционировать собственную идентичность, этатизм, внутренняя противоречивость и преобладание политического реализма, сохраняются и в настоящее время. Однако они развиваются в новом, ультралиберальном контексте, который придаёт свою специфику содержанию теорий, концептуальных схем, общественно-политических дебатов и способов выражения их участниками своего мнения. В заключении делается вывод о том, что в диссертации И.Г. Тюлина убедительно показана сложная,

УДК: 327(44) + 321.01 + 316.75
Поступила в редакцию: 15.11.2024
Принята к публикации: 20.01.2025

полная оттенков и в то же время во многом единая картина внешнеполитической мысли Франции, без изучения особенностей формирования и эволюции которой трудно понять современные перипетии внешнеполитического курса этой страны.

Ключевые слова: внешнеполитическая мысль, система, процесс, И.Г. Тюлин, Франция, теории, концепции, институты, становление, эволюция, методологические подходы

> «…реальный путь развития французской внешнеполитической мысли представляет собой не механическую смену одной тенденции другой, а взаимодействие сосуществующих противоборствующих тенденций…» (Тюлин 1989: 297)

Богатая история французской внешнеполитической мысли хорошо известна своими картезианскими традициями, рациональными подходами, идеями суверенитета и «цивилизаторской миссии» на международной арене. И хотя эта история всегда была далека от линейности и единомыслия, сегодня её разворот выглядит особенно отличающимся от привычных представлений. Действительно, в последние годы Франция стала одним из участников агрессивной антироссийской коалиции Запада, действующей под руководством США. Нынешний украинский режим объявляется едва ли не образцом демократии, а французский президент высказывается за немедленное принятие Украины в НАТО[1] и прямое участие своей страны в войне против России[2] с целью нанести ей «стратегическое поражение»[3]. Чем объясняется столь явный разрыв с традициями Пятой республики, основанной Шарлем де Голлем, который придавал особое значение независимости своей страны от США, отказался от участия в военных структурах НАТО и стремился к укреплению французско-российских отношений? Какие причины привели к резкому повороту французских взглядов на Россию и НАТО во внешней политике страны[4], с которой нас

---

[1] Франция выступила за немедленное приглашение Украины в НАТО. 18.19.2024. *ТАСС*. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22163605 (дата обращения: 24.10.2024). Во Франции сообщили об обсуждении немедленного приглашения Украины в НАТО https://www.rbc.ru/politics/19/10/2024/6713b1479a794760143e9ef0 URL: (дата обращения: 25.10.2024). Франция пытается убедить союзников уже сейчас пригласить Украину в НАТО. 18.10.2024. *Российская газета*. URL: https://rg.ru/2024/10/18/franciia-pytaetsia-ubedit-soiuznikov-uzhe-sejchas-priglasit-ukrainu-v-nato.html (дата обращения: 24.10.2024). Макрон впервые допустил отправку войск стран НАТО на Украину. 27.02.2024. *Ведомости*. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/27/1022538-makron-vpervie-dopustil (дата обращения: 24.10.2024)

[2] Макрон не исключил проведение наземной операции против российских войск. 17.03.2024. *РБК*. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/03/2024/65f60c6a9a79470182e8a20f (дата обращения: 24.10.2024). Макрон допустил проведение операций против России. 17.03.24. *РИА Новости*. URL:https://ria.ru/20240317/makron-1933584671.html (дата обращения: 24.10.2024)

[3] Макрон счёл поражение России необходимым для безопасности Европы. 27.02.2024. *Ведомости*. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/02/27/1022397-makron-schel-porazhenie (дата обращения: 24.10.2024); Кремль заявил о линии Макрона на «стратегическое поражение» России. 07.03.2024. *РБК*. URL: https://www.rbc.ru/politics/07/03/2024/65e9cc039a79477088ba627b (дата обращения: 24.10.2024).

[4] Tenenbaum E., Zima A. 2024. Retour à l'Est : la France, la menace russe et la défense du "Flanc Est" de l'Europe. *Etudes de l'IFRI*. 119.

связывали многолетние отношения взаимного уважения и сотрудничества? Является ли этот поворот новым вынужденным маневром, какой была политика де Голля (Фёдоров, 2013), но на этот раз в противоположном от России направлении, или же его следует рассматривать как более устойчивую тенденцию в исторической перспективе? Поиск ответов на подобные вопросы неизбежно приводит к анализу процесса формирования внешнеполитической мысли и её влияния на позицию и поведение государства на международной арене. Стоит отметить особую сложность подобного анализа, объясняемую многослойностью его объекта и требующую сочетания общего и междисциплинарного подхода с особенностями той или иной конкретной страны. Проблематика внешнеполитического сознания системно разрабатывается в работах Н.А. Косолапова (Косолапов 2002а, Косолапов 2002б, Косолапов 2002в), С.В. Чугрова (Чугров 1993, Чугров 2007). Вопросы внешнеполитического сознания в тех или иных его аспектах, разумеется, затрагиваются в статьях и книгах о внешней политике Франции таких авторов, как К.П. Зуева, П.П. Тимофеев (Зуева, Тимофеев 2018; Зуева, Тимофеев 2022), Е.О. Обичкина (Обичкина 2012; Обичкина 2021а; Обичкина 2021б), Ю.И. Рубинский, Е.А. Нарочницкая, С.М. Фёдоров (Рубинский, Нарочницкая 2022), А.С. Сидоров (Сидоров 2023), В.Н. Чернега (Чернега 2024) и других известных российских «франковедов». Можно смело утверждать, что без обращения к особенностям формирования и эволюции внешнеполитического сознания не обходится ни одно серьёзное исследование внешней политики регионального или страноведческого характера. Применительно к Франции эта тема поднимается, в частности, в некоторых публикациях уже упомянутых Е.О. Обичкиной, С.М. Фёдорова. И всё же в отечественной науке явно недостаточно глубоких работ, как специально посвящённых формированию и эволюции внешнеполитического сознания Франции, так и разработке общих методологических подходов к изучению данной проблематики.

Серьёзную основу для такого изучения даёт исследование, проведённое в докторской диссертации Ивана Георгиевича Тюлина, защищённой в 1989 г. (Тюлин 1989). Разумеется, за прошедшие три с половиной десятилетия в мире, во внутренней жизни и во внешнеполитическом сознании Франции произошли и продолжаются глубокие и даже радикальные трансформации. Сохранили ли своё значение положения и выводы, высказанные в диссертации И.Г. Тюлина относительно объекта её исследования? Насколько актуальны сегодня подмеченные им тенденции в эволюции внешнеполитического сознания Франции? Ответ на эти вопросы, являющийся целью данной статьи, требует, во-первых, рассмотрения предложенных в диссертации исследовательских подходов и методологии; во-вторых, относительно подробного содержания и аргументации сформулированных в ней положений и выводов; в-третьих, по необходимости краткого обзора тех изменений, которые произошли за последние десятилетия в её объекте (в этом плане особый интерес представляют, конечно, резкий

поворот последних лет во взглядах французских политологов – академиков и экспертов – и мотивы политических дебатов вокруг украинского кризиса и российской СВО. В заключении излагаются выводы, касающиеся значения тюлинского исследования процесса формирования и эволюции французских теорий международных отношений и концепций внешней политики Франции в современных условиях.

1. Методология и подходы

Обращаясь к теоретическому наследию Ивана Георгиевича Тюлина, хотелось бы обратить особое внимание на то, что он был из тех учёных, главное достижение и продолжение которых – в создании крупной, а главное, развивающейся в новых условиях и отвечающей новым потребностям научной школы. И хотя количество оставленных им публикаций не столь велико, сегодня без обращения к ним трудно представить профессиональные исследования в области международных отношений и внешней политики. Это касается и такого широко обсуждаемого сегодня направления исследований, как анализ состояния российской науки о международных отношениях и разработка путей формирования отечественной научной школы (Тюлин 1997; Тюлин 2004). В числе прочего, изучение особенностей французской внешнеполитической мысли связывалось Тюлиным с теми уроками, которые могли бы извлечь из них отечественные исследователи-международники как с теоретической точки зрения, так и с точки зрения развития методов и методик внешнеполитического анализа.

Можно с полной уверенностью говорить о том, что И.Г. Тюлин был одним из первых в МГИМО и в нашей стране основателей и представителей прикладного анализа внешней политики, опирающегося на системный подход. Его диссертация продолжает разработки отечественных учёных, ещё в 1970-е гг. рассматривавших международные отношения как систему, под которой, как писал советский историк и социолог Б.Ф. Поршнев в полемике с французскими коллегами, «подразумевается цельность, полнота, единство многогранной общественной жизни: общественное бытие и общественное сознание, политика и культура» (Поршнев 1970: 15). В начале 1980-х гг. системный подход к анализу международных отношений и внешней политики выдвинут коллективом авторов под руководством В.И. Гантмана. В противовес англо-саксонскому ограничению анализа внешней политики изучением психологических качеств принимающих решения лиц, было предложено рассматривать её формирование и осуществление в единстве и непрерывности всех её стадий на основе понятия «внешнеполитический процесс». Тем самым принятие решения и его практическая реализация, при всей значимости для внешней политики государства, предстают как этапы, составные элементы общего сложного и многообразного феномена, каким является внешняя политика (Гантман 1981).

И.Г. Тюлин вносит серьёзное дополнение в этот подход. Исходя из специфики французской внешнеполитической мысли как объекта исследования, он избрал в качестве основного метод научного анализа, предполагающий её рассмотрение как *единое образование.* С этой точки зрения, и сама внешнеполитическая мысль, несмотря на свою структурную неоднородность, обладает известной целостностью идейного содержания, поскольку содержит представление обо всём комплексе международных отношений и основах внешней политики (Тюлин 1989:10). Тем самым она составляет часть внешнеполитического процесса, является одним из его неотъемлемых компонентов – подсистем. Вместе с тем в силу своей специфики, внешнеполитическая мысль характеризуется и значительной обособленностью, что позволяет рассматривать её как относительно самостоятельную систему.

В качестве основных структурных элементов внешнеполитической мысли как системы выступают: теории, под которыми понимаются основные философско-методологические идеи и категории, касающиеся научного познания международных отношений; доктрины – официально сформулированные универсальные руководящие принципы государственной внешней политики; концепции – совокупность взглядов политико-идеологического характера на те или иные аспекты внешнеполитического курса страны, их понимание и толкование.

Принципиальное методологическое значение имеет сделанный Тюлиным акцент на том, что в различных странах вышеуказанная относительная обособленность системы внешнеполитической мысли объясняется своими особенностями формирования. С этой точки зрения, «специфика процесса идейно-теоретического производства во Франции по вопросам международных отношений и внешней политики обусловлена традициями национальной политической культуры французского общества». В диссертации показан не только *характер* этой специфики, которая в соответствии с режимом личной президентской власти состоит в сверхцентрализованности управления внешней политикой, но и сложившийся во Франции *механизм* формирования и эволюции французской внешнеполитической мысли, раскрытию которого посвящена отдельная глава работы (Тюлин 1989: 292).

И.Г. Тюлин подчёркивает ключевую роль, которую играют узкие группы французской политико-бюрократической элиты на всех стадиях процесса подготовки, принятия и осуществления внешнеполитических решений, в том числе на стадии их концептуального обоснования и оформления. Он показывает особую роль в этом механизме президента Франции как главного внешнеполитического идеолога. Эта роль осуществляется прежде всего через канцелярию президента, её генерального секретаря и группу советников, в сферу компетенций которых входит выдвижение идей в области внешней политики. Важное место в процессе выработки внешнеполитических решений занимают правительственные органы – премьер-министр и его многочисленный кабинет, включающий соответствующих специалистов.

Особое место во внешнеполитическом механизме страны занимает МИД Франции (в настоящее время оно носит название МЕИД — Министерство Европы и иностранных дел), что определяется его наиболее широкими полномочиями на всех стадиях внешнеполитического процесса и близостью президенту. МИД призван содействовать концептуализации внешней политики, поэтому издавна ведёт активную работу в этой области. С этой целью уже в 1973 г. тогдашним министром иностранных дел Мишелем Жобером был создан Центр анализа, прогнозирования и стратегии (CAPS), продолжающий свою деятельность и поныне. Тюлин отмечает, что CAPS явился необходимым средством в аналитической подготовке внешнеполитических решений, а привлечение к разработкам, проводимым Центром, некоторого числа академических исследователей способствовало определённому сокращению характерного для Франции разрыва между дипломатической практикой и наукой (Тюлин 1989: 42).

Правительственные органы обладают определённой самостоятельностью в своих действиях, однако они координируют свою работу с Государственным советом национальной обороны — ГСНО, который находится в полном подчинении президенту. Учитывая, что во Франции в сферу ГСНО входят не только вопросы войны, разведки и гражданской обороны, но и дипломатии, экономики, научных и технических исследований, данный орган играет существенную роль в разработке внешнеполитических решений, к участию в которой привлекаются и учёные. При ГСНО существуют Постоянная группа по анализу кризисных ситуаций, Специальный комитет научных исследований, Ассоциация по изучению национальной обороны, через которые координируются и стимулируются исследовательские проекты университетских и неуниверситетских центров. Понятно, что в этих условиях особыми возможностями воздействовать на внешнюю политику и проводить исследовательскую работу в области международных отношений располагает Министерство национальной обороны страны (МНО), при котором существует целый ряд аналитических центров. Обладание значительными ресурсами позволяет широко привлекать к аналитической деятельности академических исследователей.

В то же время Тюлин отмечает активный интерес к внешнеполитическим проблемам, который присущ французскому обществу, стремление представителей различных социальных слоёв к выражению и защите своих позиций в данной области. Отсюда то самостоятельное политическое значение, которое приобретает во Франции идеологическая борьба. Она обусловливает существование целого ряда автономных центров идейно-теоретического производства по вопросам внешней политики. В качестве этих центров выступают такие институты, как политические партии, общественные организации и движения, научные учреждения, средства массовой информации, службы опросов общественного мнения.

Важную роль в сближении науки и практики в области международных отношений и внешней политики Франции выполняют многочисленные фонды, ассоциации, группы, обеспечивающие экспертно-аналитическое сопровождение деятельности как правящих, так и оппозиционных партий, а также исследовательские центры и, конечно, соответствующие университетские структуры. Издаваемые подобными институтами журналы призваны не только служить пропаганде той или иной политической платформы, но и способствуют обсуждению в научных кругах проблем теоретико-академического характера.

Детализированный анализ теоретико-концептуальной деятельности этих институтов приводит к выводу о том, что «В результате формируется своеобразная идейная среда, в которой правящие круги могут черпать выгодные им теоретические и концептуальные схемы, изыскивать наилучшие варианты внешнеполитических действий и в конечном свете повышать эффективность производимого международного курса» (Тюлин 1989: 42). Задачи его интеллектуальных обоснований призваны выполнять теории международных отношений.

2. Теории и концепции в структуре внешнеполитической мысли

Рассматривая теории международных отношений как один из компонентов французской внешнеполитической мысли (Тюлин 1989: 90), Тюлин анализирует особенности их состояния и развития во Франции конца 1980-х гг. Структура знаний в данной области выглядит как сочетающая «глобальные» и «частичные теории». Если первые представляют собой попытки конструирования общетеоретических схем международных отношений и внешней политики, то вторые направлены на осмысление их отдельных явлений и процессов. Автор особо подчёркивает тесную связь обоих видов теорий с теми сложными процессами, которые происходят в сфере мировой политики, и воздействием на их содержание объективных и субъективных факторов социально-политической жизни самой Франции.

Выводы о содержании ***глобальных теорий*** в работе делаются на основе подробного исследования взглядов таких известных теоретиков, как Рэймон Арон, Жан-Батист Дюрозель и Марсель Мерль. Тем самым даётся вполне репрезентативная на тот период времени обобщённая картина теоретико-методологических исканий в области международных отношений на основе социологических, исторических и политологических подходов. Особое внимание И.Г. Тюлина привлекает трактовка и роль системного подхода в анализе международных отношений, который «давно и широко используется западными теоретиками» (Тюлин 1989: 131).

Приступая к анализу взглядов Р. Арона, Тюлин отмечает, что главный труд Арона «Мир и война между нациями» написан не во Франции, а в США, поэтому неслучайно в нём отчётливо просматривается влияние американских

школ политического реализма и стратегического анализа. Однако, если Б.Ф. Поршнев, ссылаясь на это обстоятельство, как и на то, что книга написана с помощью субсидий американских фондов, считает, что «данная его работа нимало не связана с состоянием и традициями французской науки» (Поршнев 1970: 7), Тюлин придерживается иного мнения. Он показывает, что Арон не копирует американские подходы, а выстраивает свою оригинальную и даже противостоящую им картину международных отношений (Тюлин 1989: 98–120). На самом деле, работы Арона не только «вписываются» в традиции французской науки о МО и испытывают их влияние, но и оказывают воздействие на последующую внешнеполитическую мысль во Франции, представляя собой одно из её крупных течений, наряду с противостоящим ему течением транснационализма. В современных условиях многие его взгляды восприняты и правящими кругами Франции, получая свои интерпретации в академической и экспертно-аналитической среде[5].

Сказанное, разумеется, не мешает тому, что попытка создания Ароном глобальной теории МО подвергается Тюлиным глубокому критическому анализу. Так, он отмечает, что из всех французских теоретиков Арон был наиболее скептически настроен в отношении существования научной теории, более того, свой «разрушительный скептицизм» он распространяет и на практику международных отношений (Тюлин 1989: 100). Под международной системой Арон понимал регулярные взаимодействия государств, вынужденных принимать в расчёт актуальное и потенциальное поведение друг с друга. Её главный признак – это возможность государств в какое-то время оказаться вовлечёнными в общую войну. Структуру международной системы Арон сводит к «конфигурации соотношения сил», различая по этому принципу биполярную и многополярную системы. Тюлин подчёркивает, что исследование центросиловых отношений представляет самостоятельную, хотя и ограниченную научную ценность.

Продуктивность подхода Арона состоит в том, он не отождествляет межгосударственные отношения с международными, а рассматривает их как один из важнейших элементов последних. Международная система верно определятся Ароном как «планетарная», т. е. характеризующаяся взаимозависимостью и взаимосвязью протекающих в ней процессов. Вместе с тем Арон проявляет определённую непоследовательность, отрицая субординирующую структуру международных отношений как целостности. Разделяя «гомогенные» и «гетерогенные» системы, он указывает, что последняя обнаруживает себя в плюрализме культур, ценностей и идеологических основ, а также в различиях типов

[5] См., напр., такие влиятельные журналы, как *Politique étrangère* URL: https://www.ifri.org/fr/publications-politique-etrangere; *RIS - La Revue internationale et stratégique.* URL : https://www.iris-france-boutique.org/13-ris-la-revue-internationale-et-strategique (accessed 24.10.2024); *Politique internationale.* URL : https://politiqueinternationale.com/ (accessed 24.10.2024) и др.

политической организации государств. Однако он не даёт чётких принципов отличий однородности и разнородности систем, рассматривая этот вопрос то с точки зрения режимов, то с точки зрения используемых средств дипломатической деятельности.

Один из главных недостатков внешнеполитических взглядов Арона, отмечает Тюлин, состоит в отказе от категории «национальный интерес». «Между тем "национальные интересы" являются исключительно важной категорией для исследования, поскольку проведение реалистического внешнеполитического курса сегодня невозможно без знания и учёта как своих собственных интересов, так и других государств, а баланс интересов является основой решения современных международных проблем. Разумеется, аналитически эта категория является несомненно сложной, но вполне научно познаваемой» (Тюлин 1989: 106).

Понятие «международная система» не выпадало из поля зрения и Ж.-Б. Дюрозеля. Однако он фактически отказывается от его использования как инструмента при анализе внешней политики. Процесс формирования и осуществления последней он рассматривает в тесной связи с влиянием т. н. «глубинных сил». Иначе говоря, Дюрозель трактует международные отношения не как систему, а как «политическую реальность» действий находящихся в постоянном изменении государств, разнообразных объединений, крупных многонациональных компаний и т. д. Объединяя их общим понятием «иностранец», он исследует конфликтные отношения между ними. Главной причиной таких конфликтов и препятствием к сотрудничеству Дюрозель считает «взаимное недоверие», которое может принимать скрытую, конъюнктурную и структурную (идеологическую) форму. При этом, как отмечает Тюлин, в поисках путей разрешения конфликтов Дюрозель находится под значительным влиянием концепции «молчаливого торга» американского политолога Т. Шеллинга, которую он склонен значительно переоценивать. Кроме того, Дюрозель непоследователен: отрицая, подобно Арону, закономерности международных отношений, он тем не менее признает наличие «устойчивых линий» в их развитии, которые рассматриваются им как «регулярности», «правила» и т. д.

Конструктивными, хотя и не бесспорными И.Г. Тюлин считает и основные положения «глобальной» теории Марселя Мерля. Мерль определяет международную систему как «отношения между участниками, которыми являются государства, международные организации и транснациональные силы», а их среду – как «совокупность природных, экономических, технических, демографических и идеологических факторов, влияющих в своём сочетании на структуру и функционирование системы международных отношений». Стремясь отразить целостный характер взаимодействий на мировой арене, Мерль выдвигает тезис о совпадении системы и внешней среды международных отношений. Это означает, что противоречия и напряжённости, возникающие в системе, не могут разряжаться вовне. Отсюда объективное требование и общий интерес

всех участников международных отношений разрешать и урегулировать возникающие между ними конфликты только политико-дипломатическими средствами. В данной связи государства должны признать необходимость согласования интересов на основе компромисса, непрерывного ведения взаимообогащающего диалога культур и цивилизаций. Принципиально важное значение в этом процессе имеет «воля» политического руководства.

С другой стороны, отмечая возрастающую роль транснациональных сил, к которым он относит ММПО, МНМПО, ТНК и международное общественное мнение, Мерль говорит о размывании приоритетной роли государств в мировой политике. Тюлин в своей диссертации категорически не согласен с этим тезисом как по существу, так и с точки зрения непоследовательности его аргументации. Он показывает, что, уделяя внимание изучению влияния «старых» и новых субъектов МО, Мерль и сам вынужден признать важнейшую роль государств, которая закреплена международным правом, и их реальную способностью воздействовать на других участников мировой политики. Именно этой цели служит термин «многополярность», под которым французский учёный понимал всё более очевидную неспособность кого-либо из субъектов мировой политики претендовать на монопольное управление ею.

В основании построения и аргументации ***«частичных теорий»*** МО лежат, как правило, во-первых, ключевые положения и подходы той или иной из глобальных теорий, иногда смешиваясь с ними в разных пропорциях. Во-вторых, в отличие от глобальных теорий, они более конкретны, более близки к практике и разрабатывают принципы анализа приоритетных направлений актуальной внешней политики государства. В-третьих, в функциональном плане они призваны выполнять задачи рекомендаций тех или иных действий для руководства страны с учётом его возможностей. С этой целью «французские теоретики весьма тщательно анализируют многообразные воздействующие на неё факторы – геополитическое положение государства, экономику, политическую систему, личные качества стоящих у власти деятелей и т. п.» (Тюлин 1989: 140).

В содержательном плане частичные теории охватывают достаточно широкую проблематику, касающуюся международной безопасности, формирования и проведения внешней политики государства, вопросов стратегии, причин и способов разрешения конфликтов и достижения мира.

Впрочем, выделяя частичные теории в качестве самостоятельного исследовательского объекта, Тюлин не отделяет их непроходимой границей от глобальных теорий. Поэтому, рассматривая теории внешней политики, он не случайно возвращается к взглядам М. Мерля и Р. Арона. Так, он констатирует, что Мерль предпринял скрупулёзную попытку выявить механизм взаимовлияния внешней и внутренней политики на основе конкретных исторических фактов. Однако их обилие в работах Мерля, в частности, в книге Politique innternationale, как показывает Тюлин, не сопровождается выявлением иерархии воздействующих

на внешнюю политику факторов. Поэтому его теория, в конечном счёте, остаётся во многом умозрительным и поверхностным описанием действительно сложного характера формирования и осуществления «политики вообще».

Более конкретными являются теории, которые из множества факторов внешней политики выделяют наиболее важные, определяя её мотивы и цели. Для Арона, как уже отмечалось, таковыми являются стремление к безопасности, увеличению могущества и престижа государства. Другой видный французский теоретик, Р. Дебрэ ставит в центр своей теории понятие «национальный интерес», рассматривая его как движущую силу стратегии воздействия государства на внешнюю среду, а могущество – как способность навязывать свою волю другим государствам. Тюлин показывает, что приверженность Дебрэ методологии политического реализма сочетается с такой особенностью данного течения во Франции, как стремление к синтезу «силовой» и идеалистической интерпретации национальных интересов.

Выделяя среди французских частичных теорий МО многочисленные теории стратегии, Тюлин отмечает свойственное для них расширительное понимание категории «стратегия» вплоть до отождествления последней с внешней политикой. В то же время, – пишет он, – это не мешает интенсивным дебатам между приверженцами стратегии «ядерного сдерживания» (т. н. «пуристами») как наиболее эффективного способа предотвращения войны (Л. Пуарье, П.-М. Галлуа…), и сторонниками «стратегии действия» (Р. Арон, А. Бофр, П. Асснер…), направленной на поиски моделей использования невоенных средств в конфликтной ситуации, но не исключающих возможность войны.

Развёрнутый вариант «стратегии действия» предложил А. Бофр, разделивший её на «прямую» и косвенную. И если первая из них допускает прямое применение военной силы, то вторая – более предпочтительная – связана с использованием экономических, дипломатических и, особенно, психологических способов принуждения, которые должны распространяться не только на международные конфликты, но и на переговоры. При этом Бофр настолько абсолютизирует роль насилия в международных отношениях, что это вызывает критику даже со стороны Арона, который призывает не подменять многообразие способов и целей внешней политики расширенно понимаемым насилием. В то же время анализ конфликтов и войн, который предпринимает сам Арон, остаётся «откровенно пропагандистским и перегруженным идеологическими выкладками» (Тюлин 1989: 153).

Разумеется, пишет Тюлин, неверно утверждать, что французские авторы видят в международных отношениях только насилие, конфликты и войны. Однако и работы Ф. Перру о мирном сосуществовании, и работы П. Асснера об изменениях и европейской безопасности во многом остаются идеологически и политически ангажированными.

Во многом это касается и теории «равновесия сил». Отражая динамическое равновесие как основной закон функционирования системы международных отношений, она трактуется французскими политологами субъективно и односторонне. На самом деле, как подчёркивает И.Г. Тюлин, «в условиях взаимозависимости всеобщая безопасность не может быть гарантирована только одной военной силой. Не может она сводиться и просто к отказу от войн». Предвосхищая широкие дискуссии, которые развернутся на эту тему в дальнейшем, Тюлин усматривает разрешение данной дилеммы на путях перехода к новому миропорядку (Тюлин 1989: 165).

Что касается ***внешнеполитических концепций***, то они находятся в прямой зависимости от практики и связаны с официальными установками страны в области международных отношений – её внешнеполитической доктриной. Такая связь взаимна: доктрина может выступать исходной базой концепций, либо наоборот служить объектом их воздействия в выгодном для той или иной политической силы направлении. Поэтому важной предпосылкой анализа концепций является изучение эволюции перипетий официальной внешнеполитической доктрины государства (Тюлин 1989: 167–168).

Исходя из этой методологической установки, Тюлин внимательно анализирует конкретное содержание, идейно-политический смысл таких концепций, как «Восточная политика» (поворот Франции в сторону антисоветизма); евроатлантизм как путь к укреплению западной солидарности; отличия французской версии «ядерного сдерживания» (предполагающей выполнений функций «тестирования», либо «последнего предупреждения») от американской стратегии «гибкого реагирования»; наконец, раскол между «колониалистами», «тьермондистами» и «неоколониалистами» по поводу политики Франции в отношении её бывших колоний.

В работе отчётливо показаны противоречивость, колебания и развороты внешней политики Франции, находящие отражение в тех или иных концепциях. Так, например, деголлевская концепция «Европы от Атлантики до Урала» уступила место негативному реагированию на советскую идею «общеевропейского дома». Во Франции её стали трактовать как попытку оторвать Европу от США и помешать самостоятельности европейского центра политики и экономики; как стремлению «европеизировать» оборонный альянс путём создания ЗЕС. Одновременно французским руководством декларировалась установка на укрепление доверие, поиск пути снижения уровня военного противостояния и радикального уменьшения опасности возникновения ядерной войны, что в СССР воспринималось как не более чем риторика.

И.Г. Тюлин констатирует непрекращающийся во французском обществе процесс идейной борьбы по вопросам внешней политики, подтверждаемый острыми дискуссиями среди теоретиков. «Решающее воздействие на дальнейшее развитие внешнеполитической мысли Франции, её формы и направленность, – заключает он, – будут, как и ранее, иметь протекающие во французском

обществе политические процессы, борьба по вопросам взаимоотношений Востока и Запада. Несовпадение интересов различных классов и групп во французском обществе по этому вопросу будет, как и в прошлом, порождать противоречивость и непоследовательность французских концепций» (Тюлин 1989: 298).

В целом, данный вывод находит своё подтверждение в современном состоянии французской внешнеполитической мысли. Вместе с тем её содержание существенно обновляется.

3. Современная французская внешнеполитическая мысль в свете тюлинского анализа

Уже с начала 1990-х гг. происходят заметные перемены в ***институциональной сфере*** производства образов и смыслов внешнеполитического сознания Франции, которые продолжаются на всём протяжении 2000-х гг. (Cornut, Battistella 2013; Balzacq, Cornut, Ramel 2017). Наряду с основанным в 1987 г. Центром исследований международных отношений (CERI) был создан ряд университетских исследовательских центров и групп, занимающихся международными проблемами, а также секция международных исследований (SEI) во Французской ассоциации политических наук (AFSP). В 1999 г. в рамках университета Panthéon-Assas (Paris 2) образован Центр анализа и исследований в области международных отношений (Центр Фукидида).

В дополнение к таким влиятельным центрам, как Французский институт международных отношений (IFRI) и Институт международных и стратегических отношений (IRIS), появился ряд новых аналитических и консалтинговых структур, среди которых известные сегодня Институт Монтэня (2000), Фонд Жана Жореса (1992), Аналитический центр Terra Nova или Progressive Foundation (2008), Fondapol (2004). В 2010 г. во Франции создана Ассоциация международников. Характерной чертой этих и других подобных французских институтов, позиционирующих себя в качестве независимых think tank, является их этатизм, близость к правительственным структурам и поддержка со стороны последних (Squevin, Aubin 2022). Впечатляющим выглядит рост исследовательских и аналитических центров, созданных непосредственно при внешнеполитическом и военном ведомствах. Они имеют широкие возможности публиковать результаты своих исследований как в академических журналах, так и в сети изданий при поддержке МИД и МНО[6].

С появлением Интернета каждый из экспертно-аналитических центров имеет собственный сайт, на котором размещаются материалы и публикуются обзоры, отражающие соответствующую точку зрения. Это касается и такой

[6] Le réseau du CAPS. *Ministère de l'Europe et des affaires étrangères.* URL : https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/le-centre-d-analyse-de-prevision-et-de-strategie/le-reseau-du-caps/ (accessed 29.10.2024)

организации, как существующая с 1911 г. Национальная ассоциация отставных офицеров (ANOCR) и её Клуб отставных офицеров Франции *Cercle de réflexions interarmées* (CRI), который в настоящее время публикует свои резко критические в отношении НАТО материалы в издании Strategika (Независимая экспертно-аналитическая группа)[7].

Ещё одним признаком перемен в институциональной сфере стало создание новых академических журналов исследовательского и экспертно-аналитического профиля, в частности: издание независимого Института международных и стратегических отношений (IRIS) *La Revue internationale et strategique* (1991), журнал *Stratégique* (1993–2010), издававшийся негосударственным Институтом сравнительной стратегии, издание *Critique Internationale* (1998) Сьянс По, ежегодника Центра Фукидида *Annuaire français de relations internationales AFRI* (2000–2021). Значительную роль в формировании внешнеполитического сознания играет созданный в 2000 г. и получивший широкую популярность электронный журнал *La révue géopolitique*, материалы которого публикуются на сайте Diploveb.com.

В содержательном плане эволюцию французской внешнеполитической мысли с 1990-х гг. можно условно разделить на два этапа. Первый из них наступает после окончания Холодной войны, объединения Германии, распада СССР и последующих событий, которые открыли последние шлюзы, сдерживавшие многоуровневую глобализацию мирового развития. Второй этап связан с украинским кризисом и новым поворотом в трансформации международного порядка. Изменение облика, содержания и структуры международных процессов на каждом из этих этапов не могло не повлиять на французскую внешнеполитическую мысль и всех её составляющих.

Уже с самого начала 1990-х гг. появляются крупные работы, претендующие на статус «***глобальных теорий***». В первую очередь это относится к книгам и статьям аффилированных со Сьянс По авторов, продвигающих в противовес наследию Р. Арона социоисторический подход к внешней политике М. Мерля и Ж.Б. Дюрозеля, и настаивающих на переосмыслении[8] международных отношений с опорой на методологию Э. Дюркгейма. Лидером нового направления стал Бертран Бади и его сторонники (Г. Девэн, М.-К. Смутс, Д. Батистелла, Ф.Рамель и др.). Уже в 1992 г. выходит в свет книга, авторы которой выступают с критикой устоявшихся международных теорий за их неспособность объяснить существо происходящего в мировой политике кардинального поворота

[7] Archives des Cercle de Réflexion Interarmées. *Strategika*. URL: https://strategika.fr/tag/cercle-de-reflexion-interarmees/ (accessed 29.10.2024)

[8] Именно так и называется одна из его работ : Badie B. 2019. *Rethinking International Relations.* Cheltenham, Northampton, Elgar. 160 p. Всего же за последние 30 лет им лично или в соавторстве было написано на эту тему более полутора десятка книг.

(Badie, Cmouts 1992). В ней предлагается своего рода макросоциология глобальных трансформаций в мировой политике, касающихся роли территориальных границ, суверенитета и невозможности обеспечить безопасность традиционными средствами перед лицом новых, транснациональных вызовов и угроз.

Подобные идеи близки к положениям, которые сформулировали ещё в 1970–80-е гг. американские транснационалисты неолиберального направления Р. Кохейн и Дж. Най, а в 1990 г. Дж. Розенау. Однако в названной и в последующих своих работах сторонники данного течения французской международной социологии довольно резко критикуют американскую теорию международных отношений, основные постулаты которой нашли широкое распространение в мировой академической среде. С течением времени критические взгляды Бади в данном вопросе всё больше радикализировались. Он заявляет о «бунте» против доминирования американских и англо-саксонских теорий и подходов, которые сводят анализ всё более сложных процессов мирового развития к простым схемам эмпирически проверяемого при помощи количественных методов ограниченного знания. Признавая, что французская ТМО выглядит достаточно изолированной на этом фоне, Бади настаивает, что социология международных отношений *à la française* имеет значительное преимущество перед продвигаемой англосаксами веберьянской политологией. Оно состоит в том, что социоисторический и антропологический подход ставит в центр перипетии отношений между индивидами, общественными группами и коллективами, не ограничивает анализ взаимодействием государств с их частно далёкими от людей интересами и не зацикливается на межпардигмальных дебатах. Всё это больше соответствует социальному контексту «мирового общества» (Badie 2019б).

Взгляды Б. Бади могут быть резюмированы следующим образом. Во-первых, если ещё недавно международная система была евро-американской, то теперь впервые в истории она охватывает почти всё человечество. Во-вторых, произошла глубокая мутация международных конфликтов: сегодня они являются проявлением не силы, а слабости государств, поэтому их нельзя объяснить в терминах власти. В-третьих, широкий спектр материальных, информационных и людских потоков представляет собой вызов территориальным границам, разделявшим внутреннюю и внешнюю политику. В данной связи следует говорить не о «международных», а о «межсоциальных» отношениях. Соответственно центральная проблема науки не национальные интересы и эгоизм, а человеческие страдания, исследование которых позволит лучше понять природу новых форм конфликтности[9].

[9] Bertrand Badie sur le moment Trump, la science de la souffrance, et les RI entre puissance et faiblesse. 10.07.2017. *Pollux*. URL: https://www.pollux-fid.de/r/blog_entry-85aaf59de51d6a94b28927525652cb25 (accessed 24.10.2024).

Близкие идеи разделяет Ф. Рамель, считающий, что изучение международных отношений на основе социологических подходов способно приводить к лучшему их пониманию, поскольку они представляют собой такой же объект социологии, как и другие общественные отношения (Ramel 2004). В свою очередь, Г. Девэн и другие сторонники подобных взглядов «тестируют» социологический подход применительно к целям внешней политики, её правовым и силовым ресурсам, а также реконструируют в этом свете проблематику международных отношений (взаимозависимость, доминирование, конфликт, рациональность, интеграция) (Devin 2015).

Внутреннее противоречие «теории межсоциальных отношений» состоит в том, что её сторонники, позиционируя национальную французскую идентичность по отношению к мейнстриму американского производства знания, одновременно стремятся снискать признание именно у американских политологов. Об этом пишет и сам Б. Бади, подчёркивая, что именно с этой целью он опубликовал свою книгу о переосмыслении международных отношений на английском языке (Badie 2019б).

Кроме Б. Бади и широко представленной его сторонниками школы, в среде французских международников трудно найти других претендентов на создание «глобальной теории». В то же время в сформулированных ими вышеописанных положениях и выводах прослеживаются некоторые общие черты французского национального внешнеполитического сознания. Это касается и такого, издавна выполняющего роль «глобальной теории» течения французской внешнеполитической мысли, как геополитика. Довольно значительная внутренняя идейная разнородность данного течения не мешает его представителям в силу особенностей самого предмета геополитики уделять приоритетное внимание межгосударственным отношениям, границам, конфликтам, стратегиям, военной силе и т. п. сюжетам, от которых пытаются избавиться транснационалисты (Цыганков 2011; Цыганков 2012). О приверженности к социологии международных отношений как методологической основе своих изысканий заявляют многие современные французские авторы, придерживающиеся несовпадающих теоретических позиций.

С этой точки зрения, именно «социологический уклон», отмеченный И.Г. Тюлиным, придаёт общую «узнаваемость» французской внешнеполитической мысли (Meszaros. 2017; Friedrichs. 2001; Eisfeld, Flinders 2021). Многие, если не большинство её представителей, разделяют мнение о преимуществах социологии перед претендующими на научность теориями. С их точки зрения, такие преимущества социологии даёт то, что в эпистемологическом плане она выступает альтернативой бесплодным межпадигмальным дебатам, а в эмпирическом плане не оставляет без должного внимания НГО. С «социологизмом» международников Франции связано и описанное Тюлиным предпочтение, которое отдаётся ими использованию таких терминов, как «изучение», «исследования»,

реже «анализ», избегая при этом понятий «наука», «закономерности» (Sur 2011). Что касается тенденции к «американизации», которая также была отмечена И.Г. Тюлиным, то в настоящее время французские международники ещё более активно и широко используют багаж и инструментарий американских и – шире – англо-саксонских теорий и подходов. Однако в своих глобальных теориях они не могут полностью присоединиться к американским представлениям, поскольку пытаются сохранить свою оригинальность[10].

С 2014 г. ключевое влияние на прогрессирующее размывание французской специфики международных исследований оказывает официальная и во многом единая позиция стран Запада в отношении украинского кризиса, российской СВО и формирующем значении этих ситуаций для французской внешнеполитической мысли как системы. Работающая в Америке Марлен Лярюэль ещё в 2021 г. охарактеризовала создавшуюся ситуацию как сложную для публичного изложения взглядов независимого исследователя, оказавшегося в сугубо неолиберальных условиях (Laruelle 2022)[11]. В подобных условиях оказались и французские международники, и не всех из них это устраивает. Доминирующий интеллектуальный контекст, распространившийся на Францию в силу её зависимости от США, основатель и директор Центра Фукидида Серж Сюр описал как «опасное искушение ограничить свободу выражения мнений»[12]. Несмотря на усилившуюся остроту дискуссий вокруг украинского кризиса, связанную как с теоретическими, так и с ценностно-идеологическими предпочтениями их участников, новый контекст удерживает их в определённых рамках. С этой точки зрения, свойственные французским исследованиям плюрализм, диверсификация, соперничество подходов и направлений выглядят сегодня не так, как прежде. Сегодня они проявляются, в первую очередь, в виде различий в отношении к России как общему противнику. Это особенно характерно для многочисленных ***частичных теорий***.

Как и прежде, в предметном поле этих теорий оказываются дискуссии о национальных интересах, международной и европейской безопасности, стратегии и внешней политики. Вместе с тем, учитывая изменившиеся условия, они наполняются новым содержанием, обретают иные формы и способы влияния на внешнеполитическую мысль и практику.

Довольно острые дебаты ведутся между сторонниками разной трактовки мотивов внешней политики. Одни из них связывают эти мотивы с идеологическими расхождениями, а французскую внешнюю политику – с приверженностью

[10] Martres J.-L. 2003. De la nécessité d'une théorie des relations internationales : l'illusion paradigmatique. *AFRI*. IV

[11] Laruelle M. Russian society is very different from its regime. *Review of Democracy*. URL: https://revdem.ceu.edu/2022/02/21/marlene-laruelle-russian-society-is-very-different-from-its-regime (accessed 24.10.2024).

[12] Sur S. In Memoriam. *ThucyBlog*. 10.06. 2023. URL: https://www.afri-ct.org/2023/thucyblog-in-memoriam/ (accessed 24.10.2024).

общим для Запада «демократическим ценностям в борьбе против автократии»[13]. Другие, не отрицая значения ценностей, выступают против «поверхностности, эмоциональности и морализаторства» во внешней политике (Гома 2014) и настаивают на приоритетности французских национальных интересов (Montbrial, Gomart 2017). «Это не означает игнорирование ценностей или альянсов, — отмечает Т. Гомар. – Скорее, речь идёт о переосмыслении связей между этими тремя компонентами внешней политики»[14].

Подобный спор наблюдается и в среде французских геополитологов и специалистов в области стратегии. По мнению Ж.С. Монгренье, заместителя Института Томаса Мора, стратегическое мышление требует исходить из анализа общих для Запада геополитических интересов, осознания «реальности российского геополитического экспансионизма и ревизионизма, распространившегося на Западную Европу». Тем самым, по сути, содержание геополитических интересов в описании Монгренье мало чем отличается от морализаторства сторонников идеологического подхода к внешней политике[15]. Напротив, с точки зрения Паскаля Бонифаса, директора IRIS, для Франции Россия не является геополитическим соперником. В конфликте на Украине Франция действует вместе с Западом, исходя не столько из ценностей, сколько из ложно понятых собственных интересов. В сочетании с упором на ценности во внешнеполитической риторике это привело западных политиков в тупик «самосбывающегося пророчества», решающий вклад в которое внесла антироссийская политика США и их ближайших союзников, в частности Польши (Boniface 2023)[16].

Основатель и президент ИФРИ Тьерри де Монтбриаль также считает, что западные политики запутались в противоречиях между заявленными ими ценностями и собственными действиями. Учитывая масштабность современных вопросов, касающихся международной и европейской безопасности, – подчёркивает он, – лёгкость дискуссий в контексте войны на Украине, которая не принадлежит ни к ЕС, ни к Атлантическому альянсу и никогда не играла прямой роли в истории Франции, не может не удивлять[17]. При этом он высказывает непопулярное на Западе в нынешних условиях мнение о том, что новая архитектура безопасности могла бы возникнуть только из общего желания добиться успеха. Для этого необходимо, чтобы «основные державы момента», к которым

---

[13] Lo B. 2024. Between Aspiration and Reality: Russia in the World (Dis)order. *IFRI: Russie. Eurasie. Visions*. 134.

[14] La politique étrangère d'Emmanuel Macron : retour au réalisme? 8.11.2017. *Revue de deux mondes*. URL: https://www.revuedesdeuxmondes.fr/politique-etrangere-demmanuel-macron-retour-realisme/ (accessed 24.10.2024).

[15] Géopolitique de la Russie dans le monde en 2024. Comment caractériser la place de la Russie dans le monde? Entretien avec J.S. Mongrenier. 12.03.2024. *La revue géopolitique*. URL: https://www.diploweb.com/Comment-caracteriser-la-place-de-la-Russie-dans-le-monde-Entretien-avec-J-S-Mongrenier.html (accessed 24.10.2024).

[16] Guerre en Ukraine : questions de crédibilité. 4.04.2024. *Pascal Boniface*. URL: https://www.pascalboniface.com/2024/04/04/guerre-en-ukraine-questions-de-credibilite/ (accessed 21.10.2024)

[17] Gouvernance mondiale, Ukraine, Union européenne : Quo vadis ? Un entretien avec Thierry de Montbrial. *Politique étrangère*. 89(2).

следует относить Россию, Китай и США, уважали фундаментальные интересы друг друга и остальных государств международной системы. Осознавая маловероятность подобной ситуации в ближайшей перспективе, он настаивает на том, что реалистичной может считаться такая внешняя политика Франции, которая подходит к проблеме безопасности и обороны с учётом всех её аспектов, включая распадающуюся структуру современной международной системы.

Продолжаются также дискуссии о структуре и содержании силового компонента и его места в военной стратегии во внешней политике государства[18]. Как пишет бывший генеральный секретарь МИД Ф. Гутман: «сегодня мир меняется, он отличается нестабильностью и неопределённостью. Сила во всех её проявлениях – жёсткая, мягкая, авторитет, влияние – становится относительной и уже не существует ни абсолютно сильных, ни совершенно слабых стран, как не будет больше и реально доминирующих держав»[19].

Какую внешнюю политику должна проводить Франция в условиях быстро меняющейся международной среды? На вопросы подобного рода призваны отвечать ***внешнеполитически концепции***.

Представляя собой интеллектуальные построения на основе определённой системы принципов, они разрабатываются как представителями частного сектора, так и, чаще всего, экспертами и аналитиками разнообразных и многочисленных исследовательских и консалтинговых структур. Формируясь вокруг частичных теорий и опираясь на базовые (фундаментальные) теории международных отношений, они выстраиваются на основе анализа текущих изменений международной среды, способствуют выявлению новых идей и позиций по ключевым вопросам внешней политики.

Органы госуправления Франции придают большое значение разработке концепций в качестве важного экспертно-аналитического и информационно-пропагандистского ресурса внешнеполитической деятельности. Так, на официальном сайте Министерства Европы и иностранных дел Франции приводится список из 15 центров, фондов и институтов, исследования которых получают его поддержку. Помимо уже упомянутых ИФРИ, IRIS, ряда университетских центров, это также Институт стратегических исследований военного училища (IRSEM), Институт исследований безопасности Европейского союза (EUISS), Французский институт геополитики (IFG) и др. Ведущую роль среди них играет

[18] Hervé T. La Russie est-elle une grande puissance? Puissance économique vs. puissance militaire. 20.03.2022. *La revue géopolitique.* URL: https://www.diploweb.com/La-Russie-est-elle-une-grande-puissance-Puissance-economique-vs-puissance-militaire.html (accessed 21.10.2024). Martre J.-L. 2007. La puissance comme lieu commun des Relations internationales. Le retour de la puissance. *Centre Thucydide.* URL: https://www.afri-ct.org/afri-volumes/afri-viii-2007/ (accessed 21.10.2024); Sur. S. 2015. Puissance militaire, puissance incertaine. *Centre Thucydide.* URL: https://www.afri-ct.org/wp-content/uploads/2019/04/73-74.pdf (accessed 21.10.2024).

[19] Gutmann F. 2012. La puissance n'est plus ce qu'elle était. 23.05.2012. *La revue géopolitique.* URL: https://www.diploweb.com/La-puissance-n-est-plus-ce-qu-elle.html (accessed 21.10.2024).

Центр анализа, прогнозирования и стратегии (CAPS)[20], который с 2005 г. издаёт ежегодник, а также посвящённые отдельным проблемам спецвыпуски «Carnets du CAPS»[21]. Так, в 2017 г. CAPS представил министру доклад с предложениями по распространению и созданию новых концепций в целях усиления влияния Франции на международные дебаты[22]. Нередко такие концепции представляют собой умозрительные схемы, выстраиваемые на основе поверхностных суждений о внешнеполитических ситуациях, как, например, концепции «гибридной войны России против Запада» (Henrotin 2016; Claessen 2016)[23]. Тем не менее они могут добиваться своего рода доктринального статуса, находя проявление в официальных документах. Так, например, в ноябре 2022 г. в Тулоне президент Франции представил новый Национальный стратегический журнал Франции (RNS), заявив, что «столкнувшись с возвращением к конфликту высокой интенсивности», Франция намерена «*противостоять гибридным угрозам*», в чём призваны способствовать аналитические обзоры RNS[24]. Как утверждает Т. де Монтбриаль, далеко не бесспорной является и концепция «европейского суверенитета», утверждающая о возможности сближения или даже слияния национальных интересов стран ЕС[25]. В то же время она играет роль одной из доктринальных внешнеполитических установок современной Франции. В Национальном стратегическом обзоре 2022 г. Франция представлена как «держава равновесия». Однако в условиях тенденции к снижению её относительного веса по сравнению с ведущими державами это не выглядит как достаточно реалистичная концепция, что отмечают и представители крупных исследовательско-аналитических структур[26]. Растущая реорганизация международного

[20] Ранее – Центр анализа и прогноза (CAP), о котором говорится в диссертации И.Г. Тюлина

[21] Publications : les Carnets du CAPS. *Ministère de l'Europe et des affaires étrangères.* URL : https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/le-centre-d-analyse-de-prevision-et-de-strategie/publications-les-carnets-du-caps/ (accessed 24.10.2024)

[22] Rapport pour le Ministre. Stratégie d'influence de la France dans le débat d'idées international. 2017. *Centre d'Analyse, de Révision et de Stratégie.* URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/20170511_-_version_web_-_rapport_sur_la_strategie_francaise_d_influence__cle061191.pdf (accessed 24.10.2024). Вместе с тем практически каждый из названных центров и подобных структур при МНО Франции располагает своими периодическими изданиями, как например, Обзор национальной обороны (RDN), Études de l'IRSEM и др.

[23] См. также:Marangé C. 2017. Les Stratégies et les Pratiques d'influence de la Russie. Institut de Recherches Startegiques. URL: https://www.irsem.fr/data/files/irsem/documents/document/file/1135/Etude_IRSEM_n49_2017.pdf (accessed 24.10.2024).

Semo M. 2012. La guerre hybride, la guerre avant la guerre. 12.01.2022. *Le Monde.* URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/01/12/la-guerre-hybride-la-guerre-avant-la-guerre_6109078_3232.html (accessed 24.10.2024).

Genté R. 2020. Russian strategies of influence in the South Caucasus region. 25. 05.2020. *Études de l'IRSEM.* URL: https://www.irsem.fr/media/5-publications/notes-de-recherche-research-papers/2020/rp-irsem-99-gent-south-caucasus-en.pdf (accessed 24.10.2024). Saint-Gilles L. 2022. Les États-Unis et la nouvelle Guerre froide : la fin des illusions? 22.03.2022. *La revue géopolitique.* https://www.diploweb.com/Les-Etats-Unis-et-la-nouvelle-Guerre-froide-la-fin-des-illusions.html (accessed 24.10.2024).

[24] Revue nationale stratégique, présentée le mercredi 9 novembre par le Président de la République. 28.11.2022. *SGDSN*. URL: https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022 (accessed 30.10.2024).

[25] Gouvernance mondiale, Ukraine, Union européenne : Quo vadis? Un entretien avec Thierry de Montbrial. *Politique étrangère.* 89(2).

[26] Quelle place pour la France sur la scène internationale? Brown Bag Seminar Series. 16.20.2024. *IFRI*. www.ifri.org/fr/quelle-place-pour-la-france-sur-la-scene-internationale (accessed 30.10.2024).

порядка и ускорение истории явно ослабляют имидж Франции как «средней державы», способной играть роль «противовеса» США или Китая, однако некоторые теоретики продолжают утверждать о возможности его сохранения за счёт «мягкой силы» – привлекательности французской экономики и культуры для инвесторов, туристов и студентов со всего мира[27]. Таким образом, отмеченные ранее Тюлиным противоречивость, непоследовательность и умозрительность остаются и в наши дни специфическими чертами французской внешнеполитической мысли.

Заключение

Изучение вопросов формирования и эволюции внешнеполитической мысли вообще и применительно к Франции, в частности, остаётся все ещё недостаточно разработанным направлением в развитии отечественной науки международных отношений. В данной связи положения и идеи, выдвинутые в диссертации и публикациях И.Г. Тюлина на эту тему, способны послужить важной основой для понимания сложившейся в ней к настоящему времени ситуации.

Речь идёт прежде всего о предложенной им «трёхъядерной структуре» внешнеполитической мысли, рассматриваемой в виде относительно самостоятельной системы идейно-теоретического производства по вопросам международных отношений и внешней политики с присущими ей национальными традициями, мифами и идеологемами. Краткий обзор ряда современных теорий, институтов и концепций показывает операциональность предложенной Тюлиным методологии для понимания состояния и динамики многоплановой картины французской внешнеполитической мысли в текущих условиях. Преемственность в таких общих для неё чертах, как социологизм, стремление позиционировать собственную идентичность, этатизм и преобладание политического реализма, сочетается с серьёзными изменениями. Они связаны с новым контекстом, влияющим на содержание теорий, концептуальных схем, общественно-политических дискуссий и способы выражения своего мнения их участниками.

Вместе с тем в этих изменениях находят своё проявление выявленные Тюлиным тенденции эволюции французской внешнеполитической мысли. Некоторые из них даже усиливаются. Это проявляется в солидаризации со странами Евросоюза и НАТО в концептуальном обосновании присоединения к антироссийским санкциям, военной, финансовой и политической поддержки киевского режима и выдвижения собственных инициатив в данной области.

[27] Le Corre Ph. Oui, le monde regarde souvent la France. 21.06.2023. *Ouest-France.* URL : https://www.ouest-france.fr/reflexion/point-de-vue/point-de-vue-oui-le-monde-regarde-souvent-la-france-aa67a3fa-2f0c-11ef-b70d-a349109d0370 (accessed 30.10.2024).

Некоторые из таких инициатив могут вызывать непонимание и раздражение у союзников: немецкие эксперты, например, отмечают «непоследовательность, противоречивость и даже разрушительность французской политики как члена НАТО и важного союзника ФРГ»[28]. Франция действительно несколько иначе, чем её партнёры, трактует свои интересы, формы сотрудничества и сценарии применения военной силы, нередко вступая в противоречие с реальными внутренними возможностями и фундаментальными изменениями международной среды.

Важным представляется и такое обстоятельство. В теоретических построениях и концептуальных схемах французских авторов И.Г. Тюлина гораздо больше интересуют классические позиции политических реалистов, делающих акцент на силовых отношениях между государствами, ключевом значении национальных интересов в объяснении международных конфликтов. Отдавая должное негосударственным акторам и глобальной системе МО, он не склонен подобно транснационалистам абсолютизировать их значение, выдвигать возрастание их международного влияния на передний план как ведущую тенденцию мирового развития. Уделяя важное внимание, той роли, которая принадлежит факторам культуры, традиций, социально-исторического условий, национального своеобразия, Тюлин рассматривал их в более широком поле системных противоречий мирового развития. Марксистская идеология, на которую он опирается в своём анализе «буржуазных теорий», не составила для этого препятствий. Чаще всего приводимые им положения «классиков марксизма-ленинизма» оказываются вполне уместными в контексте рассматриваемых проблем и в критике французских реалистов, многие теоретические положения которых повторяют тезисы классических англо-саксонских реалистов.

Стоит заметить, что акцентирование понятия национального интереса не вписывалось в официальную доктрину СССР «общечеловеческих интересов» второй половины 1980-х гг. и отчасти даже противоречило её установкам. Сделав его центральным в своей диссертации, Тюлин предвосхитил дискуссии о его содержании и аналитическом значении, которые развернулись уже после распада СССР[29].

---

[28] Kempin R.(ed.). 2021. France's Foreign and Security Policy under President Macron. France's Foreign and Security Policy under President Macron *Stiftung Wissenschaft und Politik* . URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2021RP04_PolicyUnderMacron_DASEP.pdf (accessed 30.10.2024)

[29] См., напр.: Национальный интерес (заочный круглый стол) 1995. *Полис. Политические исследования.* №1. С. 79–120; Концепция национальных интересов: общие параметры и российская специфика. 1996. *МЭиМО.* №7. С. 59–69; Концепция национальных интересов: общие параметры и российская специфика. 1996. *МЭиМО.* №8. С. 78–84; Концепция национальных интересов: общие параметры и российская специфика. 1996. *МЭиМО.* №9. С. 69–82; Национальные интересы во внешней политике России. 1996. *Международная жизнь.* №3. С. 3–23; Национальные интересы и политические реалии современной России (заочный круглый стол). 1997. *Полис. Политические исследования.* №1. С. 32–60; Национальный и государственный интерес в современной мировой политике. 2000. *Полис. Политические исследования.* №1. С. 7–23; Национальный интерес versus государственный интерес: понятия и политическая реальность. Круглый стол. 2000. *Полис Политические исследования.* №1. С. 55–96.

Ещё один вывод, свидетельствующий о значении идей и аргументов Тюлина для понимания французского менталитета, состоит в том, что «разрушительность скептицизма» Арона и его сторонников он усматривал прежде всего в их идеологической непримиримости. Очевидно, что она унаследована многими современными творцами теории и практики французской внешней политики, которые продолжают считать, что «мир невозможен» и что война «маловероятна», и поэтому не перестают поддерживать киевский режим финансовыми, военными политическими и информационно-пропагандистскими ресурсами, используя его как инструмент борьбы против России с целью нанесения ей «окончательного поражения».

Таким образом, в диссертации И.Г. Тюлина убедительно показана сложная, полная оттенков и в то же время во многом единая картина внешнеполитической мысли Франции, без изучения особенностей формирования и эволюции которой трудно понять перипетии внешнеполитического курса этой страны.

Об авторе:

Павел Афанасьевич Цыганков — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, кафедра международных отношений и интеграционных процессов, факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Заслуженный деятель науки России. 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Россия. E-mail: tsygankp@mail.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327(44) + 321.01 + 316.75
Received: November 15, 2024
Accepted: January 20, 2025

Foreign Policy Thought as System and Process: I.G. Tyulin on the Mechanisms Shaping the Ideological Foundations of French Foreign Policy

P.A. Tsygankov
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-38-65

Lomonosov Moscow State University

Abstract: This article provides a detailed analytical commentary on the key concepts, ideas, and theoretical constructs developed by I.G. Tyulin in his doctoral dissertation, which examined the formation and evolution of French theories of international relations and foreign policy thought as of the late 1980s. The central research question is whether the issues and arguments presented in his work regarding the evolution of French foreign policy thought remain relevant in the fundamentally transformed conditions of the present day. To address this question, the study employs textual and comparative historical methods.

The first section, dedicated to methodology, focuses on Tyulin's demonstration of the extent to which French foreign policy thought is shaped by national cultural traditions and its analysis as an integrated ideological and theoretical system. The second section explores the role of theories and concepts within the structure of French foreign policy thought and the institutional mechanisms that shaped its formation and evolution as of the late 1980s. The third section offers a concise overview of subsequent developments in the institutional and theoretical-conceptual landscape of contemporary French foreign policy thought.

An analysis of these transformations, viewed through the lens of Tyulin's work, reveals that the ideological and theoretical production processes he identified continue to manifest in modern France. Core characteristics—such as sociologism, a strong emphasis on identity positioning, statism, internal contradictions, and the predominance of political realism—persist, albeit within a new, ultra-liberal context. This shift influences the content of theories, conceptual frameworks, socio-political debates, and the ways in which participants articulate their perspectives.

The study ultimately concludes that Tyulin's dissertation presents a nuanced yet coherent portrait of French foreign policy thought. His analysis provides essential insights into the formation and evolution of this intellectual tradition, without which it is difficult to fully grasp the contemporary dynamics of France's foreign policy trajectory.

Keywords: EU, Southern Europe, heating, energy transition, decarbonization, renovation, residential building stock, energy efficiency, energy poverty

About the author:

Pavel A. Tsygankov — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Department of International Relations and Integration Processes, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of Russia. 27 Lomonosovsky Prospekt, building 4, Moscow, 119991, Russia. E-mail: tsygankp@mail.ru

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Badie B. 2005. Raymond Aron, penseur des relations internationales. Un penseur "à la française" ? *Études du CEFRES.* №5. P. 3–15.

Badie B. 2019a. *Rethinking International Relations.* Cheltenham, Northampton, Elgar. 160 p.

Badie B. 2019б. Réponse aux auteurs. *Études internationales.* 50(2). P. 287–301.

Badie B., Comouts. M.-C. 1992. *Le retournement du monde. Sociologie de la scène internationale.* Presse de la FNSP & Dalloz. 249 p.

Balzacq T., Cornut J., Ramel F. 2017. Les Global International Relations comme alternative a la discipline hégémonique. Le cas des Relations internationales en France. *Critique Internationale* 74(1). P. 69–93. DOI:10.3917/crii.074.0069

Boniface P. 2023. *Guerre en Ukraine, L'onde de choc géopolitique.* Paris, Eyrolles. 233 p.

Claessen E.A. 2016. La pensée militaire russe : «guerre sans contact, guerre sans victoire». *Défense Nationale.* №790. P. 103–107.

Cornut J., Battistella D. 2013. Des RI françaises en emergence? Les internationalistes frangais dans le sondage TRIP 2011. *Revue française de science politiqueé.* №63.

Devin G. 2015. *10 concepts sociologiques en relations internationales.* Paris, Biblis. 220 p.

Eisfeld R., Flinders F. (Eds.). 2021. *Political Science in the Shadow of the State Research, Relevance, Deference: Research, Relevance, Deference.* Palgrave

Facon I. 2022. Le débat russe sur l'OTAN: menace forte, alliance faible. *Questions internationales.* №111. P. 51–53. DOI: 10.3917/quin.111.0051.

Henrotin J. 2016. Introduction générale – La guerre hybride comme avertissement stratégique. *Focus Stratégique.* №111. P. 11–31.

Jörg F. 2001. International Relations Theory in France . *Journal of International Relations and Development.* 4(2). P. 118–137.

Meszaros T. 2017.The French Tradition of Sociology of International Relations: An Overview. *The American Sociologist.* №48. P. 297–341. DOI: 10.1007/s12108-017-9339-z.

Montbrial T., Gomart T. 2017. *Notre intérêt national: Quelle politique étrangère pour la France.* Paris: Odil Jacob. 332 p.

Ramel F. 2004. Les relations internationales selon Durkheim : Un objet sociologique comme les autres. *Études internationales.* 35(3). P. 435–597. DOI:10.7202/009908AR

Sur S. 2004. *Relations internationales.* Paris, Domat.

Squevin, P., Aubin, D. 2022. A Small Discipline, Scarce Publicity, and Compromised Outward Reach: The Advisory Roles of Political Scientists in France. Brans, M., Timmermans, A. (eds) *The Advisory Roles of Political Scientists in Europe.* Palgrave Macmillan, Cham.

Chernoga V.N. 2024. Vneshnyaya politika E. Makrona i derzhavnye perspektivy Frantsii. [E. Macron's Foreign Policy and France's National Prospects]. *Contemporary Europe.* №3. P. 17–28. (In Russian)

Chugrov S.V. 1993. Ideologemy i vneshnepoliticheskoe soznanie. [Ideologemes and Foreign Policy Consciousness]. *World Economy and International Relations.* №2. P. 38–48. (In Russian)

Chugrov S.V. 2007. Ponyatie vneshnepoliticheskogo mentaliteta i metodologiya ego izucheniya [The Concept of Foreign Policy Mentality and the Methodology of Its Study]. *Polis. Political Studies.* №4. P. 46-65. (In Russian)

Fyodorov S.M. 2013. «Trista let osobykh otnosheniy» ili tri veka ocharovaniya Frantsiey (retsenziya). *Frantsuzskiy yegodyrnik.* ["Three Hundred Years of Special Relations" or Three Centuries of Fascination with France (Review)]. Moscow: IVI RAN. (In Russian)

Gantman V.I. (ed.) 1984. S*istema, struktura i protsess razvitiya sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy* [The System, Structure, and Process of Development of Contemporary International Relations]. Moscow: Nauka. 422 p. (In Russian)

Gantman V.I. (ed) 1976. *Sovremennye burzhuaznye teorii mezhdunarodnykh otnosheniy. Kritichеskiy analiz* [Contemporary Bourgeois Theories of International Relations: A Critical Analysis]. Moscow: Nauka. 485 p. (In Russian)

Gantman V.I. (ed.) 1981. Protsess formirovaniya i osushchestvleniya vneshney politiki kapitalisticheskikh stran [The Process of Forming and Implementing Foreign Policy of Capitalist Countries]. Moscow: IMEMO. 488 p. (In Russian)

Goma T. 2014. Frantsiya i yeye «spetsificheskaya problema». Vneshnyaya politika Parizha: nuzhny trezvost' otsenki i vera v budushchee [France and Its "Specific Problem". The Foreign Policy of Paris: A Need for Clear Assessment and Faith in the Future]. *Russia in Global Affairs.* №6. (In Russian)

Khrustalev M.A. 1984. *Osnovy teorii vneshney politiki gosudarstva* [Fundamentals of the Theory of State Foreign Policy]. Moscow: MGIMO-University. (In Russian)

Kosolapov N.A. 2002a. Analiz vneshney politiki: osnovnye napravleniya issledovaniy. Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii. 1991–2002 [Analysis of Foreign Policy: Key Research Areas. Foreign Policy and Security of Contemporary Russia. 1991–2002]. Moscow: MGIMO-University: ROSSPEN. P. 419–432. (In Russian)

Kosolapov N.A. 2002b. Vneshnepoliticheskoe soznanie: kategoriya i real'nost'. Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy. [Foreign Policy Consciousness: Category and Reality]. Bogaturov A.D. Kosolapov N.A. Khrustalev M.A. *Essays on the Theory and Political Analysis of International Relations.* Moscow: NOFMO. P. 217–222. (In Russian)

Kosolapov N.A. 2002c. Ideologiya i mezhdunarodnye otnosheniya na rubezhe tysyacheletiy. Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy. [Essays on the Theory and Political Analysis of International Relations]. Bogaturov A.D. Kosolapov N.A. Khrustalev M.A. *Essays on the Theory and Political Analysis of International Relations.* Moscow: NOFMO. P. 223–240. (In Russian)

Obichkina E.O. 2012. *Vneshnaya politika Frantsii ot de Gollya do Sarkozi (1940–2012)* [French Foreign Policy from de Gaulle to Sarkozy (1940–2012)]. Moscow: Aspect Press. 383 p. (In Russian)

Obichkina E.O. 2021a. Vneshnaya politika Emmanuelya Makrona: poiski geopoliticheskoy strategii v razladivsheysya mirovoy iyerarkhii [The Foreign Policy of Emmanuel Macron: Searching for a Geopolitical Strategy in a Fragmented World Hierarchy]. *Current Problems of Europe.* №3. P. 235–274. (In Russian)

Obichkina E.O. 2021b. Rossiya i mir v zerkale frantsuzskikh issledovaniy: nablyudeniye za nablyudatelyami [Russia and the World in the Mirror of French Studies: Observing the Observers]. *Polis. Political Studies.* №2. P. 180–191. (In Russian)

Porshnev B.F. 1970. *Frantsiya, Angliyskaya revolyutsiya i yevropeyskaya politika v seredine XVII veka* [France, the English Revolution, and European Politics in the Mid-17th Century]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Rubinetskiy Y.I. Narotchnitskaya E.A. Fyodorov S.M. 2022. Ch. 4.2. *Frantsiya. Etap spetsial'noy voyennoy operatsii na Ukraine. Anatomiya antirusskoy politiki v Yevrope.* Gromyko A.A. Ayvazyan A.S. [France. The Stage of the Special Military Operation in Ukraine. Anatomy of Anti-Russian Politics in Europe]. Moscow: IE RAN. №390. P. 103–113. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report42022-390. (In Russian)

Sidorov A.S. 2023. *Voyenno-politicheskoe izmerenie yevropeyskoy integratsii: pozitsiya Frantsii (ot de Gollya do nashikh dney)* [The Military-Political Dimension of European Integration: France's Position (from de Gaulle to the Present Day)]. Moscow: INION RAN, 296 p. (In Russian)

Tsygankov P.A. 2011. Frantsuzskaya shkola geopolitiki v 2000-kh godakh: otnosheniya ES s Rossiey. [French Geopolitical School in the 2000s: EU Relations with Russia]. *International Trends.* 9(26). P. 4–15. (In Russian)

Tsygankov P.A. 2012. Osobennosti frantsuzskoy geopolitiki. [Peculiarities of French Geopolitics]. *International Trends.* 10(28). P. 81–86. (In Russian)

Tyulin I.G. (ed.) 1982. *Analiticheskie metody i metodika v issledovanii mezhdunarodnykh otnosheniy: Sbornik nauchnykh trudov* [Analytical Methods and Methodology in the Study of International Relations: A Collection of Scientific Works]. Moscow: MGIMO-University. 160 p. (In Russian)

Tyulin I.G. 1988. *Vneshnepoliticheskaya mysl' sovremennoy Frantsii* [Foreign Political Thought of Contemporary France]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 184 p. (In Russian)

Tyulin I.G. 1997. Issledovaniya mezhdunarodnykh otnosheniy v Rossii: vchera, segodnya, zavtra [Research on International Relations in Russia: Yesterday, Today, Tomorrow]. *Kosmopolis. Almanakh.* P. 18–28. (In Russian)

Tyulin I.G. 2004. *Novye tendentsii v rossiyskikh issledovaniyakh mezhdunarodnykh otnosheniy. Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. Pod red. A.V. Torkunova* [New Trends in Russian Research on International Relations. Contemporary International Relations and World Politics]. Moscow: Prosveshchenie. P. 48–65. (In Russian)

Tyulin I.G. 1989. *Protsess formirovaniya i evolyutsii sovremennykh frantsuzskikh teoriy mezhdunarodnykh otnosheniy i kontseptsiy vneshney politiki*. Dissertatsiya (In Russian)

Zueva K., Timofeev P. 2018. Vneshnyaya politika Prezidenta Francii E. Makrona: pragmatizm pod maskoj atlantizma? [Foreign Policy of the President of France E. Macron: Pragmatism behind the Mask of Atlantism?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 62(12). P. 93–91. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-83-91 (In Russian)

Zueva K.P., Timofeev P.P. 2022. Prezidentstvo E. Makrona vo Francii: itogi pervogo pyatiletiya (2017–2022) [The Presidency of E. Macron in France: The Results of the First Term (2017–2022)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 66(10). P. 45–55. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-10-45-55 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Гантман В.И. (ред.). 1984. *Система, структура и процесс развития современных международных отношений.* Москва: Наука. 422 с.

Гантман В.И. (отв. ред.). 1976. *Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ.* Москва: Наука. 485 с.

Гантман В.И. (отв. ред.), 1981. *Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических стран.* Москва: ИМЭМО. 488 с.

Гома Т., 2014. Франция и её «специфическая проблема». Внешняя политика Парижа: нужны трезвость оценки и вера в будущее. *Россия в глобальной политике.* №6.

Зуева К., Тимофеев П., 2018. Внешняя политика Президента Франции Э. Макрона: прагматизм под маской атлантизма? *Мировая экономика и международные отношения.* 62(12). С. 93–91.

Зуева К.П., Тимофеев П.П., 2022. Президентство Э. Макрона во Франции: итоги первого пятилетия (2017–2022). *Мировая экономика и международные отношения.* 66(10). С. 45–55.

Косолапов Н.А. 2002а. *Анализ внешней политики: основные направления исследований. Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002.* Москва: Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России; Российская ассоциация международных исследований; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)»; «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)». С. 419–432.

Косолапов Н.А. 2002б. *Внешнеполитическое сознание: категория и реальность. Очерки теории и политического анализа международных отношений.* Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А.. Москва: НОФМО. С. 217–222.

Косолапов Н.А. 2002в. Идеология и международные отношения на рубеже тысячелетий. *Очерки теории и политического анализа международных отношений.* Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Москва: НОФМО. С. 223–240.

Обичкина Е.О. 2012. *Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012).* Москва: Аспект Пресс. 383 с.

Обичкина Е.О. 2021а. Внешняя политика Эммануэля Макрона: поиски геополитической стратегии в разладившейся мировой иерархии. *Актуальные проблемы Европы.* №3. С. 235–274.

Обичкина Е.О. 2021б. Россия и мир в зеркале французских исследований: наблюдение за наблюдателями. *Полис. Политические исследования.* №2. С. 180–191.

Поршнев Б.Ф. 1970. *Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.* Москва: Наука.

Рубинский Ю.И., Нарочницкая Е.А., Фёдоров С.М. 2022. Гл. 4.2. Франция. *Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе.* Громыко А.А., Айвазян А.С., Москва: ИЕ РАН, Сер. Доклады Института Европы. №390. С. 103–113. DOI: 10.15211/report42022-390.

Сидоров А.С. 2023. *Военно-политическое измерение европейской интеграции: позиция Франции (от де Голля до наших дней).* Москва: ИНИОН РАН. 296 с.

Тюлин И.Г. (отв. ред.). 1982. *Аналитические методы и методика в исследовании международных отношений : Сб. науч. тр.* Москва: МГИМО, Пробл. н.-и. лаб. систем. анализа международных отношений. 160 с.

Тюлин И.Г. 1988. *Внешнеполитическая мысль современной Франции.* Москва: Международные отношения. 184 с.

Тюлин И.Г. 1997. Исследования международных отношений в России: вчера, сегодня, завтра. *Космополис. Альманах.* С. 18–28.

Тюлин И.Г. 2004. Новые тенденции в российских исследованиях международных отношений. *Современные международные отношения и мировая политика.* Под ред. Торкунова, А.В. Москва: Просвещение. С. 48–65.

Тюлин И.Г. 1989. Процесс формирования и эволюции современных французских теорий международных отношений и концепций внешней политики. *Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук.* Москва. 357 с.

Фёдоров С.М. 2013. «Триста лет особых отношений» или три века очарования Францией (рецензия). *Французский ежегодник.* Москва: ИВИ РАН.

Хрусталёв М.А. 1984. *Основы теории внешней политики государства.* Москва: МГИМО МИД России. 79 с.

Цыганков П.А. 2011. Французская школа геополитики в 2000-х годах: отношения ЕС с России. *Международные процессы.* 9(26). С. 4–15.

Цыганков П.А. 2012. Особенности французской геополитики. *Международные процессы.* 10(28). С. 81–86.

Чернега В.Н. 2024. Внешняя политика Э. Макрона и державные перспективы Франции. *Современная Европа.* №3. С. 17–28.

Чугров С.В. 1993. Идеологемы и внешнеполитическое сознание. *Мировая экономика и международные отношения.* №2. С. 38–48.

Чугров С.В. 2007. Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения. *Полис. Политические исследования.* №4. С. 46–65.

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(1). С. 66–99
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-66-99

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Системный подход в советской ТМО: истоки и исход скрытой научной революции

И.А. Истомин

МГИМО МИД России

Статья призвана выявить причины зарождения, интеллектуальные истоки и эволюцию системного подхода в советской науке о международных отношениях 1970-х – 1980-х гг. Обращение к этому опыту теоретизирования востребовано в связи с интенсификацией дискуссий относительно отечественных подходов к научному осмыслению межгосударственных взаимодействий. Системный подход возник как ответ на аномалии, с которыми сталкивался марксизм-ленинизм в объяснении международной обстановки. Наибольшую опасность для его доминирующего положения создавали ослабление межимпериалистической борьбы после Второй мировой войны, сохранение капитализма и нарастание противоречий внутри социалистического лагеря. В результате даже закрепление господствующей парадигмы в качестве идеологической догмы оказалось неспособно предотвратить научную революцию. Вместе с тем она осуществлялась скрыто, а коренная ревизия маскировалась под косметическую реинтерпретацию учения. Внедрение системного подхода подготавливалось тремя путями: манипуляциями наследием основоположников марксизма-ленинизма, освоением буржуазной литературы, внедрением терминологии общей теории систем. В его становлении ведущую роль сыграли Э.А. Поздняков и М.А. Хрусталёв. Теоретики задали широкие рамки анализа на высоком уровне абстракции, с тем чтобы избежать обвинений в идейном ренегатстве. При этом они разработали оригинальную схему анализа, в ряде отношений опередив представителей буржуазной науки, с которыми находились в заочной дискуссии. Тот факт, что эти построения не всегда оказывались востребованы в прикладных исследованиях и официальном дискурсе советского руководства в 1980-х гг. также свидетельствует о нетривиальности полученных результатов. Они приводили к логически обоснованным, но политически неудобным следствиям. Обращение к опыту разработки системного подхода в СССР даёт значимые уроки для дальнейшего развития теоретической мысли в России. Он формирует интеллектуальную альтернативу ряду более обсуждаемых в отечественной науке подходов.

Ключевые слова: системный подход, марксизм-ленинизм, теория международных отношений, СССР, внешняя политика, империализм, борьба за мир, Поздняков, Хрусталёв

УДК: 327(470+571):329.15+001.891+316.75
Поступила в редакцию: 26.12.2024
Принята к публикации: 15.02.2025

В российской науке регулярно ставится задача по разработке собственной теории международных отношений (Богатуров 2000; Цыганков, Цыганков 2003; Цыганков 2014). Такие призывы усилились в 2020-х гг., когда нарастание противоборства с Западом явственно высветило риски интеллектуальному суверенитету страны (Цыганков, Цыганков 2022; Лункин 2023). Правомерность этих опасений подтверждает и известное утверждение Роберта Кокса, писавшего, что «теории создаются для кого-то и с какой-то целью» (Cox 1981).

В дискуссиях об отечественном теоретизировании с 1990-х гг. преобладают геополитические и цивилизационные объяснения (Дугин 1997; Цымбурский 2007; Подберёзкин, Харкевич 2015). На их фоне меньшего внимания удостаиваются наработки советских теоретиков в области системного подхода. Их труды практически не становятся объектами специального изучения[1]. Между тем словосочетания «системный подход», «системный анализ», «система международных отношений» регулярно фигурируют в публикациях, порой без прямых отсылок к работам, опубликованным в советский период[2].

Настоящая статья призвана выявить причины зарождения, интеллектуальные истоки и эволюцию системного подхода в советской науке о международных отношениях 1970-х – 1980-х гг. Этот подход возник как ответ на аномалии, с которыми сталкивался марксизм-ленинизм при объяснении международной обстановки.

Становление системного подхода в исследовании международных отношений было во многом обусловлено ростом авторитета общей теории систем, которая предлагала формальную аналитическую рамку и позиционировалась как дополнение, а не альтернатива марксизму-ленинизму. При этом советские исследователи вели заочный диалог со сторонниками реалистского направления в западной науке, где параллельно развивался сходный структурный подход к анализу международных процессов.

Несмотря на значительные аналитические достоинства, представители системного подхода избегали выдвижения однозначных объяснений причин конфликтов или сотрудничества между государствами[3]. Они признавали, что текущая динамика международных отношений не может быть сведена исключительно к логике классовой борьбы, но и не отрицали её влияния. В отличие от

---

[1] Например, они не выделяются в качестве отдельного направления у А.П. Цыганкова (Цыганков 2018)

[2] Весомый вклад в повышение статуса системного подхода в отечественных исследованиях внёс фундаментальный труд «Системная история международных отношений. Опять разделённый мир» под ред. А. Д. Богатурова (Богатуров, 2019), выдержавший несколько переизданий. Тем не менее даже он избирательно задействует наработки советских теоретиков и не даёт их развёрнутого представления.

[3] Описание принципа фальсификации и его роли в научном познании см. у Карла Поппера (Поппер 1983).

структурного реализма, советские исследователи включали в анализ не только соотношение сил, но и разбор интересов, что позволяло учесть более широкий спектр факторов, определяющих внешнеполитическое поведение государств.

Однако в практическом плане системный подход использовался в первую очередь как инструмент легитимации отказа от жёсткой увязки внешней политики государств с их классовой природой. Вне этого аспекта схемы системного анализа лишь ограниченно применялись для изучения конкретных направлений международных отношений[4]. Причины этого носили не только научный, но и политический характер: рационалистические построения системного подхода оказывались неудобными в контексте роста международной напряжённости в начале 1980-х гг.

Настоящее исследование опирается на концепцию научных революций Томаса Куна (Кун 2009: 317), согласно которой развитие научного знания носит скачкообразный характер. Периоды относительной стабильности, когда доминирующая парадигма задаёт рамки постановки научных вопросов и поиска ответов на них, сменяются фазами концептуального сдвига, радикально изменяющего теоретические ориентиры. Наличие устойчивой парадигмы обеспечивает функционирование «нормальной науки» — процесса, в рамках которого исследования направлены на уточнение и конкретизацию её положений.

Со временем в рамках любой научной парадигмы накапливаются аномалии — явления, которые не укладываются в её объяснительные схемы. Когда эти несоответствия становятся критическими, возникает необходимость смены исследовательской рамки, что знаменует собой научную революцию. В этом смысле становление системного подхода в исследованиях международных отношений в советской науке можно рассматривать как парадигмальный сдвиг, ознаменовавший отход от традиционных интерпретаций марксизма-ленинизма в сфере международных исследований.

В данном исследовании применяется герменевтический анализ текстов советских теоретиков. В качестве основного предмета изучения рассматриваются научные труды, а также внешнеполитический и академический контекст, в котором они создавались. Особое внимание уделяется работам ведущих представителей системного подхода — Э.А. Позднякова и М.А. Хрусталёва. Дополнительно, но в ограниченном объёме, используются мемуарные источники, интервью и материалы из личного общения автора с исследователями, работавшими в этот период.

Анализ начинается с реконструкции предшествующей научной парадигмы — марксизма-ленинизма, после чего выявляются аномалии, возникавшие при её применении к анализу международных отношений. Далее исследуется

[4] См., например, Кокошин А. А. (Кокошин 1984: 304)

теоретическое обоснование системного подхода, включая его связь с текстами основоположников марксизма-ленинизма, общей теорией систем и буржуазными концепциями. Затем излагаются ключевые положения системного подхода и оценивается его влияние на дискуссии по международной проблематике 1980-х гг. В заключении будут обобщены выводы о смене научных парадигм в условиях идеологической заданности академического дискурса.

Марксистско-ленинские основания политики СССР

СССР представлял собой идеократию, добивающуюся переустройства мира на основе марксизма-ленинизма[5]. Это учение претендовало на статус научной теории, вскрывающей закономерности общественного развития. Советские руководители были убеждены, что проводимая политика должна иметь теоретическое обоснование. Оборотной стороной сциентизма стал запрет на оспаривание базовых положений учения. При расхождении наблюдаемых явлений с догмой допускалась реинтерпретация её постулатов, но не отказ от них.

Применительно к международным отношениям фундаментальным постулатом изначального марксизма выступало положение о классовой природе государства (Энгельс 1937: 227)[6]. В соответствии с ним внешняя политика, как часть надстройки соответствующей формации, определяется характером производственных отношений и интересами господствующих слоёв[7]. Этот постулат обосновывал неизбежность конфликта между государствами, принадлежащими к различным историческим формациям.

Зарождение новой формации в каком-либо обществе создаёт угрозу для господствующих классов в других странах, задавая ориентир, на который начинают равняться эксплуатируемые слои. Для сохранения своих позиций сторонники прежней формации будут подавлять ростки новых общественных отношений, где бы они ни возникли (пример тому дала борьба реакционных монархий против революции во Франции) (Маркс 1935: 8). В свете этой логики Советская Россия с момента появления была обречена на противостояние капиталистическому окружению.

---

[5] Одним из первых так его охарактеризовал один из лидеров русской эмиграции Н.С. Трубецкой (Трубецкой 2010), см. также Н.А. Бердяев (Бердяев 1990: 137).

[6] См. также пояснение Ф. Энгельса к «Манифесту коммунистической партии»: «Основная мысль, происходящая красной нитью через весь “Манифест” мысль, что экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу её политической и умственной истории; что в соответствии с этим (со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история была историей классовой борьбы…» (Энгельс 1974: 7).

[7] К. Маркс характеризовал международные отношения как «вторичные и третичные, вообще производные, перенесённые, непервичные производственные отношения» (Маркс 1958: 735).

Ещё до Октябрьской революции теорию классовой борьбы дополнила теория империализма, в разработке которой приняли участие Н.И. Бухарин (Бухарин 1918) и, что более существенно В.И. Ленин[8]. Последний ещё до своей смерти в 1924 г. был возведён в пантеон учения в качестве непререкаемого авторитета наравне с К. Марксом и Ф. Энгельсом. В результате идейной основой советской государственности стала преобразованная В.И. Лениным версия – марксизм-ленинизм (Мосолов 2010).

Теория империализма указывала, что закономерным результатом развития капиталистической формации выступал её переход в монополистическую стадию, когда множество предпринимателей, действующих на свободном рынке, оказываются вытеснены банковско-промышленными конгломератами, захватывающими целые отрасли хозяйства. При этом высокий уровень обобществления производства в рамках монополий входит в противоречие с частным присвоением прибыли[9].

Это противоречие может быть снято только через устранение частной собственности и переход от капитализма к социализму. Смене формации способствует рост общественного недовольства, вызываемый усилением эксплуатации работников для сохранения нормы прибыли. Последняя неизбежно снижается ввиду неэффективности монополий из-за отсутствия конкуренции. Тем самым, империализм представляет собой высшую стадию капитализма, подготавливающую его последующую кончину.

Особенность империалистической стадии развития капитализма — подчинение политики государств интересам монополий. Последние используют государственный аппарат, чтобы обеспечить максимальный спрос на свою продукцию путём защиты внутреннего рынка от иностранных конкурентов протекционистскими мерами и открытия доступа к внешним рынкам за счёт установления политического контроля над ними. В результате империалистические державы обречены на борьбу за раздел мира, а потом и за его передел[10].

Динамика передела рынков определяется неравномерным ростом производств в отдельных странах. Более динамичные империалисты будут вытеснять слабеющих конкурентов с ранее завоёванных позиций с целью расширения спроса для собственных производств. Теория империализма делает вывод о неизбежности конфликтов между капиталистическими странами на империалистической стадии развития, а не только между государствами, принадлежащими к разным формациям.

---

[8] Ленин В.И. 1917. *Империализм как новейший этап капитализма (Популярный очерк)*. Петроград: Жизнь и знание. 131 с.

[9] Там же. С. 14–15

[10] Там же. С. 91–93.

Конкуренция империалистических держав затрудняла их сплочение в единый фронт для борьбы с социализмом. Соответственно, она давала Советской России время подготовиться к будущему столкновению с ними. Расчёт на противоречия в лагере империалистов явственно проявился уже в 1918 г. при обсуждении вопроса о заключении Брестского мира с Германией. В противовес требованиям левых коммунистов продолжать войну для содействия революциям в Европе, В.И. Ленин отстаивал потребность в передышке для консолидации советской власти в России[11].

В дальнейшем советские руководители постоянно оценивали международную обстановку с точки зрения соотношения межклассовых и межимпериалистических противоречий. Превалирование последних давало СССР шанс на мирное развитие, усиление первых повышало угрозу внешней агрессии. Так, в 1927 г. разрыв отношений с Британией в сочетании с установлением диктатуры Ю. Пилсудского в Польше, подвёл советских руководителей к выводу о возросшей опасности нападения коалиции капиталистических стран.

Тем не менее политика СССР преимущественно строилась на эксплуатации противоречий между империалистами. Эта линия проявилась как в заключении Рапалльского договора с Германией в 1922 г., так и в попытках сближения с Францией против Германии в середине 1930-х. Представление о нарастании межимпериалистических противоречий вкупе со страхом формирования единого антисоветского фронта продолжали определять политику СССР в преддверии Второй мировой войны .

Расчёт на противоречия в капиталистическом мире сохранились и после её окончания. По советским оценкам итогом войны стало сокращение числа влиятельных империалистических держав до двух — Британии и США. Из этого делался вывод о неизбежности столкновения между ними. Видный дипломат И.М. Майский, описывая контуры будущего мира, в записке 1944 г. народному комиссару В.М. Молотову констатировал: «Совершенно очевидно, что мировая ситуация в послевоенную эпоху будет окрашена в цвета англо-американских противоречий»[15].

---

[11] Ленин В. И. 1962. *Политический отчёт. Седьмой экстренный съезд РКП(б), март 1918 года.* Стенографический отчёт. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 7–24.

[12] О политике СССР в межвоенный период см. Худолей К. К. (Худолей 2018)

[13] Объединённый Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Москва. 29 июля — 9 августа 1927 г. Резолюции пленума. О международном положении. *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988)*. 1984. Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. Т. 4: 1926–1929. Москва: Издательство политической литературы. С. 175–187.

[14] Сталин И. В. 1949. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. *Сочинения. Т. 11.* Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы. С. 12.

[15] Записка руководителя Комиссии Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) СССР по возмещению ущерба, нанесённого Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками, И.М. Майского народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства. Москва, 10 января 1944 г. АВП РФ Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 1—41. Подлинник. Опубл. в: Источник. 1995. № 4. 1.

Схожие оценки высказывал Е.С. Варга, возглавлявший Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. В 1946 г. он отмечал, что капиталистические страны после окончания войны сталкивались с дефицитом внутреннего спроса, что повышало их зависимость от экспорта. Исследователь заключал: «Борьба за сбыт на товарном рынке будет весьма ожесточённая. Эта борьба будет разыгрываться в первую очередь между США и Англией как основными конкурентами» (Варга 1946: 304)[16]. Он указывал, что экономическое соперничество неизбежно породит и политические столкновения.

Прогноз углубления противоречий между империалистами давал надежду на формирование благоприятной для СССР международной обстановки. И.М. Майский в этой связи утверждал, что «союзный договор, заключённый между СССР и Англией в 1942 г., имеет реальную базу для своего укрепления и развития в послевоенный период». Равным образом он предполагал сохранение дружественных отношений и с Вашингтоном. Такие расчёты обосновывались тезисом, что империалистическая экспансия США «в основном пойдёт мимо нас»[17].

Способность социалистического государства оставаться над схваткой империалистов друг с другом объяснялась их заинтересованностью в привлечении СССР на свою сторону. Е.С. Варга также обосновывал оптимистические ожидания тем, что решающая роль Советского Союза в разгроме нацистской Германии привлекла на его сторону демократические силы, в том числе в капиталистических странах. Их влияние должно было помешать попыткам реакционных правительств угрожать СССР военным нападением (Варга 1946: 319).

Таким образом, марксистско-ленинское учение представляло внутренне противоречивое объяснение международных отношений. Тем не менее оно обеспечивало идейную рамку для советской политики на протяжении нескольких десятилетий. Лишь накопление расхождений между выдвигавшимися на её основе прогнозами и развитием международной обстановки породило потребность в обновлении теоретических установок.

Марксизм-ленинизм в свете аномалий

Определение как межклассовых, так и межимпериалистических противоречий в качестве источников международных конфликтов позволяло выводить из марксистско-ленинского учения различные, порой взаимоисключающие

[16] Любопытно, что в начале 1920-х Варга уже прогнозировал войну между Британией и США (а также Японией) как наиболее крупными империалистическими державами (Варга 1923: 116).

[17] Записка руководителя Комиссии Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) СССР по возмещению ущерба, нанесённого Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками, И.М. Майского народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства. Москва, 10 января 1944 г. АВП РФ Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 1—41. Подлинник. Опубл. в: Источник. 1995. № 4. 1.

следствия. Однако с течением времени становилось всё очевиднее, что реальное развитие международной обстановки отклоняется от прогнозов, основанных на этой теоретической модели. В терминах Т. Куна это означало накопление аномалий, противоречивших господствующей парадигме (Кун 2009: 107–108).

Наибольшую угрозу для доминирующего положения марксизма-ленинизма представляли три ключевые тенденции: ослабление межимпериалистической борьбы, устойчивость капиталистической системы и нарастание противоречий внутри социалистического лагеря. Столкнувшись с этими аномалиями, советские теоретики и государственные деятели — многие из которых в условиях идеократии сами претендовали на роль теоретиков — стремились найти объяснения, не подрывавшие фундаментальные установки марксистско-ленинской парадигмы. Действуя в логике «нормальной науки», они пытались сохранить её объяснительный потенциал, не допуская её дискредитации.

Наиболее болезненным ударом по теоретическим ожиданиям советской науки стал крах расчётов на межимпериалистические противоречия. В частности, не оправдались прогнозы относительно неизбежного американо-британского соперничества после Второй мировой войны. Напротив, США сумели утвердить безоговорочное лидерство в капиталистическом мире, исключив возможность серьёзного противостояния с Великобританией. Соответственно, не реализовался сценарий, в котором СССР мог бы сыграть роль балансирующей силы между этими державами. Напротив, бывшие союзники по антигитлеровской коалиции перешли к совместной стратегии сдерживания Советского Союза, что привело к формированию устойчивого блока западных государств, чьё единство лишь укреплялось со временем[18].

Такое развитие событий потребовало ревизии ранее сделанных оценок. Уже в 1947 г. член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданов на первом совещании Информационного бюро коммунистических партий признал, что мир разделился «на два основных лагеря — лагерь империалистический и антидемократический, с одной стороны, и лагерь антиимпериалистический и демократический, с другой стороны». В рамках этого деления Британия и Франция продемонстрировали готовность идти «в русле империалистической политики США в качестве их сателлитов»[19].

Доклад А.А. Жданова отражал осознание того, что прежние прогнозы советской науки и политики относительно межимпериалистических противоречий не оправдались. Однако некорректность этих прогнозов можно было

[18] Символом американо-британского сближения против СССР стала речь бывшего премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля в присутствии президента США Г. Трумэна в американском городе Фултон, 5 марта 1946 г. о том, что над Восточной Европой опущен «железный занавес» (Churchill W. Sinews of Peace Speech at Westminster College, Fulton, Missouri, Tuesday, March 5, 1946. URL https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cold-war-on-file/iron-curtain-speech/ (accessed 20.01.2025)

[19] Жданов А.А. 1947. *О международном положении: Доклад, сделанный на Информ. совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сент. 1947 г.* Казань: Татгосиздат. Сектор полит. лит.

объяснить не изъянами в теоретических установках, а ошибками в оценке конкретной исторической ситуации. В соответствии с ранее сформулированной марксистско-ленинской концепцией об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму консолидация капиталистического мира перед лицом укрепившегося СССР воспринималась как закономерное явление, не подрывающее основополагающих догм[20].

Более того, советское руководство не отказывалось от надежд на возобновление межимпериалистических противоречий. В начале 1950-х гг. И.В. Сталин прямо утверждал: «неизбежность войн между капиталистическими странами остаётся в силе»[21]. Признание другими империалистическими державами доминирующей роли США по-прежнему рассматривалось как временное явление, связанное с послевоенной перестройкой международной системы. В обоснование этой позиции приводились исторические параллели: напоминалось, что аналогичное сближение капиталистических стран после Первой мировой войны сменилось обострением межимпериалистической борьбы в 1930-х гг.[22].

Более серьёзный вызов порождало сохранение капиталистической формации как таковой. В.И. Ленин представлял империализм как стадию загнивающего капитализма, за которой должна была следовать смена формаций[23]. С приходом к власти в России большевики ожидали немедленного распространения революции на более промышленно развитые страны. Провал революционных выступлений в Европе 1918–1919 гг. противоречил их представлениям, потребовав перехода к лавированию между империалистическими державами, описанному выше (Емельянова 2018).

На протяжении 1920-х – 1930-х гг. советские авторы выискивали признаки общего кризиса капитализма, указывая на хроническую недозагрузку предприятий, массовую безработицу, нарастание общественного неравенства. В объяснение аномального, с точки зрения марксизма-ленинизма, роста экономик после Первой мировой войны выдвигалось противопоставление относительного перепроизводства в англосаксонских странах абсолютному недопроизводству в капиталистическом мире в целом (Варга 1974: 312).

Великая депрессия дала дополнительные аргументы в поддержку тезиса об углублении общего кризиса капитализма, ввиду значительного падения производства в США и Западной Европе[24]. Вторая мировая война в понимании

---

[20] Ленин В. И. 1974. *Полное собрание сочинений.* Т. 38. Москва: Политиздат. С. 386–387.

[21] Сталин И. В. 1952. *Экономические проблемы социализма в СССР.* Москва: Госполитиздат. С. 35.

[22] Отсылки к межимпериалистическим противоречиям сохранялись в риторике советского руководства и после смерти И.В. Сталина вплоть до второй половины 1980-х годов (см. например, Брежнев Л.И. 1981. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза. *XXVI Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 23 февраля — 3 марта 1981 г. Стенографический отчёт.* Т. 1. Москва: Политиздат. С. 38).

[23] Ленин В. И. 1917. *Империализм как новейший этап капитализма (Популярный очерк)*. Петроград: Жизнь и знание.

[24] Сталин И. В. 1939. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). *XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчёт.* Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 9–10.

марксизма-ленинизма стала следствием попыток империалистов восстановить экономический рост за счёт наращивания военных расходов[25]. Приход коммунистических сил к власти в Восточной Европе после её окончания позволил декларировать начало второго этапа общего кризиса капитализма[26].

Если в ходе Первой мировой войны революция в России «прорвала фронт империализма», то итогом Второй мировой стало отпадение от капиталистической системы широкого круга стран Европы и Азии[27]. Ещё в 1930 г. И.В. Сталин заявил «что наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система»[28]. В развитие этой идеи после 1945 г. был выдвинут тезис о формировании мировой системы социализма, охватывавшей СССР и страны народной демократии.

Высокие темпы роста советского народного хозяйства в первые послевоенные десятилетия, значительно опережавшие показатели ряда капиталистических стран, служили важным аргументом в обосновании прогрессивного характера социалистической системы по сравнению с капитализмом (Варга 1953). Оптимистические ожидания советского руководства наиболее ярко выразились в знаменитом заявлении Н. С. Хрущёва, обращённом к послам западных государств в 1956 г.: «История на нашей стороне. Мы вас похороним»[29].

При этом с середины 1950-х гг. рост экономики СССР замедлился. Советским специалистам сложнее стало связывать успехи капиталистических стран в развитии народного хозяйства с послевоенным восстановлением[30]. По мере того как капиталистические страны демонстрировали устойчивые успехи в развитии своих экономик, становилось всё сложнее объяснять их достижения исключительно последствиями послевоенного восстановления[31]. В этих условиях утверждения советских экономистов о неизбежном превосходстве социалистической системы над капиталистической утрачивали прежнюю убедительность. К 1970-м гг. кризисные явления в экономике охватили

---

[25] Сталин И.В. 1939. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). *XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчёт.* Москва: Государственное издательство политической литературы.

[26] При этом до её начало высказывались прогнозы, что результатом второй империалистической войны станет окончательный разгром капитализма (см. Гальянов В. 1939. Международная обстановка второй империалистической войны. *Большевик*. №4. С. 49–65).

[27] Островитянов К.В., Шепилов Д.Т., Леонтьев Л.А., Лаптев И.Д., Кузьминов И.И., Гатовский Л.М. 1954. *Политическая экономия.* Учебник. Москва: Государственное издание политической литературы. С. 189.

[28] Сталин И.В. 1949. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. *Сочинения*. Т. 11. Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы. С. 246.

[29] См. "We Will Bury You!». 1956. *Time Magazine.* 26.11. URL: https://time.com/vault/issue/1956-11-26/page/26/ (accesses: 25.01.2025).

[30] Сравни два издания труда Е.С. Варги о ситуации в капиталистических странах (Варга 1953) и (Варга 1957).

[31] Например, в 1962 г. делался прогноз о том, что СССР перегонит США по объёму национального богатства как в валовых показателях, так и на душу населения до 1980 г., после чего «вступит в такую полосу экономического развития, которая капитализму вообще недоступна» (Иоффе, Кормнов, Покатаев 1962).

не только США и Западную Европу, но и сам Советский Союз. Западные страны сталкивались с инфляцией, энергетическими кризисами и замедлением роста, советская экономика вступила в фазу системной стагнации.

Задержка Мировой революции побудила советское руководство признать неизбежность «сосуществования на длительный период двух систем»[32]. Как следствие основой советской внешней политики стало мирное сосуществование. Сотрудничество с капиталистическими странами начало рассматриваться не как кратковременная передышка, а как устойчивое, предпочтительное состояние[33]. Для совмещения этой ориентации с марксистской догмой мирное сосуществование позиционировалось как форма классовой борьбы.

Ещё более серьёзную аномалию для марксистско-ленинской теории представляли разногласия внутри социалистического лагеря. Согласно официальной догме, взаимоотношения между странами социалистического содружества принципиально отличались от тех, которые складывались в капиталистическом мире. Взаимодействие внутри социалистической системы рассматривалось как свободное от эксплуатации и принуждения, основанное на принципах пролетарского интернационализма, а лидерство СССР объяснялось его ролью в оказании братской помощи другим социалистическим государствам[34].

Однако с момента формирования мировой социалистической системы её участники неоднократно вступали в конфликты, что подрывало тезис об органическом единстве лагеря. Уже в 1948 г. противоречия между СССР и Югославией привели к исключению последней из социалистического блока, продемонстрировав возможность серьёзных расколов. Развенчание «культа личности» в 1956 г. вызвало череду кризисов: если разногласия с польским руководством удалось урегулировать путём переговоров, то в Венгрию советское руководство было вынуждено ввести войска для подавления восстания. В 1968 г. на аналогичный шаг СССР и другие социалистические страны пошли в отношении Чехословакии[35].

Тяжелейшим вызовом сплочённости мировой системы социализма стал советско-китайский разрыв. Китайская Народная Республика с момента создания в 1949 г. выступала второй крупнейшей социалистической державой после СССР. К концу 1950-х гг. расхождения по вопросам как внутреннего

---

[32] Жданов А.А. 1947. *О международном положении: Доклад, сделанный на Информ. совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сент. 1947 г.* Казань: Татгосиздат. Сектор полит. лит.

[33] Лозунг «мирного сосуществования» ещё в 1920 г. выдвигал народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин, также писавшей о необходимости «длительных отношений между рабоче-крестьянским правительством и капиталистическими правительствами» (Чичерин Г.В. 1958. Доклад Народного Комиссара по Иностранным Делам РСФСР на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г. *Документы внешней политики СССР. Т. II. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г.* М-во иностр. дел СССР. Москва: Госполитиздат. С. 640).

[34] Суслов М. 1949. Защита мира и борьба с поджигателями войны. *Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине 1949 года.* Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 48.

[35] О нарастании противоречий в социалистическом лагере см. Худолей К. К. (Худолей 2018).

строительства, так и взаимодействия с капиталистическим миром обострили отношения Москвы и Пекина[36]. В 1969 г. нарастание конфликтности вылилось в военные столкновения за остров Даманский.

Для оправдания возникающих расколов внутри социалистического лагеря советское руководство систематически обвиняло оппонентов в отходе от марксизма-ленинизма. Так, в конце 1940-х гг. югославские власти сначала были объявлены буржуазными националистами, а затем и вовсе приравнены к фашистам[37]. В последующие десятилетия СССР критиковал линию Китая, клеймя её как догматическую и авантюристическую[38]. Однако, несмотря на эти идеологические атаки и попытки представить политические разногласия как отклонение отдельных стран от истинного пути социализма, концептуальное обоснование единства социалистического содружества становилось всё менее убедительным. Постулат о принципиально новом, свободном от принуждения и эксплуатации характере отношений между социалистическими государствами утратил свою безусловную легитимность.

Нарастание числа аномалий подрывало господствовавшую парадигму, закладывая основания для научной революции. Вместе с тем попытки прямого отказа от марксизма-ленинизма имели бы дестабилизирующий эффект для советской государственности, а потому наталкивались на идеологические табу. В этих условиях переворот в научном осмыслении международных отношений осуществлялся скрыто — воплощавший его системный подход маскировался как дополнение марксизма-ленинизма, на деле осуществляя его ревизию.

Истоки скрытой научной революции

Попытки пересмотра теоретических подходов наметились в 1970-х гг. Им предшествовало создание в головной организации, готовившей рекомендации руководству партии и страны по внешней политике, — Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР — сектора теоретических проблем и прогнозирования. Параллельно в МГИМО возник постоянно действующий семинар по схожей тематике, из которого впоследствии выросла Проблемная лаборатория системного анализа международных отношений (Черкасов 2016: 245, 386).

Эти институциональные новации отразили запрос на новые научные объяснения, направленные на удовлетворение практических нужд выработки внешней политики. Они были тем более значимы, что ранее существование

---

[36] О причинах советско-китайского раскола см. Shen Z., Xia Y. (Shen, Xia 2015)

[37] Югославская компартия во власти убийц и шпионов. Резолюция информационного бюро. 1949. *Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине 1949 года.* Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 23

[38] *Открытое письмо Центрального комитета КПСС партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза.* 1963. Москва: Правда. С. 49.

теории международных отношений как самостоятельной дисциплины в СССР не признавалось в принципе[39]. В соответствии с марксизмом-ленинизмом объяснение межгосударственных взаимодействий рассматривалось в качестве производной изучения динамики мировых социально-экономических процессов.

Ключевым отступлением от догмы стало ослабление привязки внешней политики к классовой природе государства. Аргументы для прикрытия этого «еретического» сдвига изыскивались в нескольких областях, включая высказывания самих классиков марксизма-ленинизма. Благо их культ в СССР привёл к обширному изданию интеллектуального наследия, включая черновики, выступления, переписку. Манипулирование этими текстами предоставило обоснования автономии сферы международной политики от характера производственных отношений.

Так, Ф. Энгельс в одном из писем отмечал: «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является активным, а всё остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счёте всегда прокладывающей себе путь». Он добавлял, что «экономическое положение не оказывает своего воздействия автоматически, как это для удобства кое-кто себе представляет, а люди сами делают свою историю, однако в данной, их обусловливающей среде» (Энгельс 1966: 175).

Из этих пассажей вытекало, что при осмыслении международной политики в рамках отдельного исторического этапа эвентуальное воздействие экономической необходимости допустимо вынести за скобки. Оправданность этого шага подкреплялась тем, что сосуществование капиталистической и социалистической систем уже признавалось в качестве устойчивого состояния. Следовательно, характер классовых отношений можно было принимать как константу применительно к изменчивой динамике межгосударственных взаимодействий.

Не менее ценной стала цитата В.И. Ленина в полемике с Л.Д. Троцким и Н.И. Бухариным: «Политика есть концентрированное выражение экономики… Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма»[40]. Из этого утверждения следовала уже не просто автономность политических взаимодействий по отношению к социально-экономическому базису, но возможность их закрепления в качестве центрального объекта исследований международных отношений.

Пионером ревизии марксизма-ленинизма выступил Э.А. Поздняков. Подчёркивая, что политика отражает глубинные экономические интересы, он оговаривался, что уровень осознания последних отдельными политическими силами

[39] Легитимации дисциплины способствовала серия круглых столов, организованных ИМЭМО, результаты которых освещались на страницах институтского журнала, см. (Проблемы… 1969a; Проблемы… 1969b).

[40] Ленин В.И. 1970. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. *Полное собрание сочинений. Т. 42.* Москва: Издательство политической литературы. С. 278.

варьируется. Из этого он выводил, что международная политика в конечном счёте, выражающая базисные отношения, приобретает «специфическую форму, не совпадающую с лежащей в её основе социально-экономической структурой мира» (Поздняков 1976: 39). Следствием такого утверждения было требование изучения присущих именно ей закономерностей.

Таким кружным путём Э.А. Поздняков легитимировал в терминах марксизма-ленинизма реалистскую идею об автономии политической сферы. Она позволяла концентрироваться на межгосударственных взаимодействиях без необходимости их непосредственной увязки с классовой борьбой. Фактически он повторил ту работу обособления политики, которую применительно к её отношениям с моралью в американской теории осуществил основоположник реализма Ганс Моргентау (Morgenthau 1948).

Сближение советских подходов с американскими было неудивительным. США выступали основным противником СССР в ходе Холодной войны, а следовательно их всестороннее изучение, в том числе на предмет интеллектуальных воззрений, составляло предмет пристального внимания. В этой связи критика американских теорий стала особым жанром исследовательских публикаций в СССР (Гантман 1976). Схожим образом, и в западной науке того периода приоритетное внимание уделялось разбору советских подходов к международным отношениям.

При этом в СССР исследователи не могли полностью отречься от ряда догм, несмотря ни на какую словесную эквилибристику. Более того, ввиду длительного опыта социализации специалистов в рамках марксистско-ленинского учения, они не низводились до ритуальных упоминаний. Например, исследователи продолжали отсылать к разделению мира на две системы, противопоставляя мировую систему капитализма и мировую систему социализма (Лабецкий 1975; Гантман 1984). Смешение различных теоретических логик размывало строгость объяснений и затуманивало научные тексты.

Параллелизм советского и американского теоретизирования проявлялся не только в укоренении реалистского взгляда. Он также нашёл отражение во внедрении структурно-системных идей. Симптоматично, что главным объектом советской критики были буржуазные авторы, активно разрабатывавшие понятие «системы», включая М. Каплана (Kaplan 1957), Ч. Макклелланда (McClelland 1968), Дж. Модельски (Modelski 1962). Их работы предвосхитили появление книги «Теория международной политики» К. Уолтца, закрепившей доминирование структурной теории в зарубежных исследованиях (Waltz 1979).

С учётом трудностей пробивания теоретических трудов сквозь политические фильтры (Косолапов 2021) выбор соответствующего буржуазного автора объектом для критики уже свидетельствовал о признании его достойным оппонирования. Концентрация на сторонниках структурного подхода

в американской теории международных отношений помогала осветить его характерные черты. Вместе с тем источником идей для советских исследователей выступали не только они, но и труды по общей теории систем (ОТС).

Её основоположником признавался Людвиг фон Берталанфи, утверждавший, что сложные системные объекты в различных областях жизни функционируют на основе схожих закономерностей (принцип изоморфизма) (Bertalanffy 1968). При этом ранее схожую мысль высказывал А.А. Богданов (Богданов 1917). Хотя разработанная им новая научная дисциплина тектология подвергалась остракизму в СССР 1920-х гг., в том числе со стороны В.И. Ленина, к 1970-м гг. она была реабилитирована. В этот период в СССР наметился бум интереса к ОТС[41].

Он был обусловлен осознанием трудностей управления общественными и техническими процессами, значимости нелинейных, синергетических эффектов в различных областях жизни (Гвишиани 2023: 103–113). В этом контексте оформился запрос на холистско-синкретическое осмысление, учитывающее разнородные воздействия на изучаемые объекты. ОТС удовлетворяла его, помещая в фокус рассмотрения принцип целостности. Он подразумевал несводимость свойств целого к совокупности характеристик его частей (Блауберг, Юдин 1973: 15).

При этом ОТС оставалась субстантивно нейтральной: она не предписывала конкретных переменных для объяснения явлений, а задавала лишь методологическую рамку мышления[42]. ОТС указывала, что упорядочивание элементов в системе задаёт внутреннюю структуру, которая порождает те самые эмерджентные свойства целого, невыводимые из его частей. Кроме того, на систему оказывает воздействие окружающая её среда, и она сама выступает средой применительно к составляющим её элементам, в свою очередь представляющим из себя подсистемы.

Абстрактность этих построений помогала обосновать их совместимость с марксизмом-ленинизмом. Советские исследователи доказывали, что основоположники учения прибегали к концепции целостности в своих рассуждениях. Это позволило причислить их к сторонникам системного подхода, хотя они не упоминали его в своих работах. Так, В.Н. Садовский утверждал: «В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина детально разработаны принципы философского теоретического описания развития сложного объекта – органичного целого» (Садовский 1974: 7).

Опора на ОТС позволяла оправдать анализ функционирования системы международных отношений через её внутреннюю структуру, тем самым предоставляя обоснование для объяснения политических процессов политическими

[41] См., например, работы Блауберга И.В., Юдина Э.Г. (Блауберг, Юдин 1973), Садовского В.Н. (Садовский 1974).

[42] На это обращал внимание, в частности, такой представитель системного подхода в исследованиях международных отношений, как М.А. Хрусталёв (Хрусталёв 1987: 20).

же причинами, а не исключительно экономическим базисом. Такой подход фактически подводил к ревизии устоявшейся в советской науке концепции, согласно которой внешняя политика государства должна была выводиться из экономических закономерностей, определяемых характером производственных отношений. В этом смысле системный подход в исследовании международных отношений стал активно заимствовать терминологию ОТС (Хрусталёв 1987: 19), поскольку её высокий уровень абстракции позволял оставаться в рамках марксистско-ленинской традиции, избегая явного разрыва с догматическими постулатами.

Таким образом, научная революция в области международных исследований в советской науке готовилась сразу по трём направлениям: путём переосмысления марксистско-ленинского наследия, изучения буржуазных концепций, преимущественно реалистской ориентации и внедрения терминологии общей теории систем. В результате их синтеза сформировалась концепция, получившая название «системного подхода», который со временем приобрёл в отечественной науке почти сакральный статус[43]. Тем не менее его содержательные положения все ещё не подверглись значительной рефлексии.

Тернии построения системного подхода

Наибольший вклад в разработку системного подхода в советской теории международных отношений внесли Э.А. Поздняков (Поздняков 1987) и М.А. Хрусталёв (Хрусталёв 1987). Они представляли два ведущих научных центра СССР: Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Между этими институтами существовали значительные различия в исследовательских приоритетах и подходах.

ИМЭМО имел более широкий доступ к зарубежной литературе, что позволяло его сотрудникам заниматься теоретическими разработками без непосредственной привязки к текущим политическим задачам. В свою очередь, в МГИМО акцент делался на создании операциональных моделей, предназначенных для решения прикладных аналитических задач в области внешней политики (Хрусталёв 2006).

Эта дифференциация прослеживалась в попытках формализации теории, предпринятых М.А. Хрусталёвым, которые отсутствовали у Э.А. Позднякова. В свою очередь в труде последнего присутствовала развёрнутая полемика с буржуазными авторами. Хотя работа М.А. Хрусталёва появилась уже после

[43] Широту употребления выражения «системный подход» демонстрируют работы, включающие его и его производные в название: Цыганкова П.А. (Цыганков 2003; Цыганков 2013), ; Дегтерёва Д.А., Истомина И.А. (Дегтерёв, Истомин 2015), Стрежневой М.В. (Стрежнева 2020).

начала «перестройки», он избегал отсылок к зарубежным исследованиям так же, как и к книге Э.А. Позднякова. Тем не менее произведение М.А. Хрусталёва обеспечивало дальнейшую разработку и детализацию положений труда Э.А. Позднякова.

Начальной посылкой обоих авторов выступало представление изучаемого объекта в качестве системы, состояние которой определяется составом её элементов, структурой взаимосвязей между ними и взаимодействием со средой[44]. При этом Э.А. Поздняков определял в качестве объекта исследования межгосударственные отношения, оговариваясь, что ими многообразие международных отношений не исчерпывается (Поздняков 1976: 36). Они формируют одну из подсистем, наряду, например, с системой мировых социально-экономических отношений.

М.А. Хрусталёв игнорировал такое разграничение, оперируя понятием системы международных отношений. В то же время в качестве её системообразующих элементов он определял государства (Хрусталёв 1987: 36), хотя и признавал наличие других типов элементов (включая на разных исторических отрезках племена, мировые религии, партии). Как следствие, систему международных отношений у М.А. Хрусталёва можно отождествлять с системой межгосударственных отношений у Э.А. Позднякова[45].

Признание центральной роли государств в международных отношениях и оттеснение на задний план социальных классов стало дополнительным свидетельством сближения советских исследователей с реалистами в буржуазных исследованиях[46]. Парадоксально, что оно наметилось ровно в тот момента, когда в зарубежной науке усилилась критика государствоцентризма и началось становление транснационалистского направления (Nye, Keohane 1971). По этому вопросу теории международных отношений в СССР и США развивались в противофазе.

Характерной чертой системного подхода в интерпретации Э.А. Позднякова и М.А. Хрусталёва была приоритезация изучения структуры взаимосвязей между элементами. Придание ей самостоятельной объяснительной силы отражало влияние ОТС в противовес элементаризму, сводящему анализ целого

[44] Такую типологию они заимствовали из ОТС (Садовский 1974). При этом представление взаимодействия государств в качестве системы опиралось на утверждение В.И. Ленина: «Люди живут в государстве, а каждое государство живёт в системе государств, которые относительно друг друга находятся в системе известного политического равновесия» (Ленин В.И. 1970. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. *Полное собрание сочинений. Т. 42.* Москва: Издательство политической литературы. С. 59).

[45] М.А. Хрусталёв также поместил систему международных отношений в оригинальную общесистемную классификацию, построенную на матричном конфигураторе (Хрусталёв 1987: 22–35).

[46] Оправданием такой ревизии с точки зрения марксизма-ленинизма выступало утверждение Ф. Энгельса о том, что государство есть «сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него» (Энгельс 1937: 225).

к разбору его составляющих. В привлечении внимания к структуре системы Э.А. Поздняков на несколько лет опередил книгу К. Уолтца «Теория международной политики», обосновавшую ту же мысль в зарубежной науке (Waltz 1979).

При этом советские исследователи критиковали структурные построения в работах буржуазных авторов за статичность и антиисторичность теоретизирования. В этом проявлялась их привязка к марксизму-ленинизму, постулировавшему зависимость логики общественных процессов от конкретно-исторических условий. Тем самым они предвосхитили не только уолтцевский неореализм, но и его критиков в зарубежной науке, обвинявших этот подход в неспособности объяснять изменения (Ruggie 1983).

Э.А. Поздняков защищался от аналогичных обвинений, вводя разграничение структуры-инварианта, которая выражает «идею всеобщей формы, характеризующей устойчивость системы вообще» (Поздняков 1976: 54), и структур-вариантов, отражающих специфику связи элементов в отдельный исторический период. Оставив анализ последних на откуп эмпирическим исследованиям, в качестве инвариантных характеристик системы межгосударственных отношений он выделил центросиловые отношения и узлы противоречий.

Исследователь не дал чёткого определения центросиловых отношений. Ближе всего он подошёл к дефиниции, когда заключил, что «это системно-структурная характеристика, возникающая благодаря взаимодействию государств и в результате такого взаимодействия» (Поздняков 1976: 60). Из этого утверждения и приводимых примеров, вытекает, что рассматриваемая категория выражает состояние отношений между наиболее значимыми элементами в системе. Критерием определения значимости, по-видимому, выступает материальный потенциал, хотя прямо исследователь этого не указал.

Э.А. Поздняков уклонился и от объяснения того, что определяет характер взаимодействия элементов. Поставив этот вопрос, он тем не менее заключил: «Ответ на него надлежит искать уже в значительной степени вне сферы системы межгосударственных отношений и её структуры. Структурный анализ сам по себе не может ни вскрыть, ни объяснить социально-экономического содержания центросиловых отношений того или иного конкретно-исторического периода развития системы» (Поздняков 1976: 60).

Теоретик более конкретно охарактеризовал узлы противоречий, определив их «как относительно локализованные комплексы связей и отношений между государствами, характеризующиеся быстрой динамикой развития, повышенной обострённостью отношений и конфликтностью, нестабильностью» (Поздняков 1976: 62). Опять же Э.А. Поздняков не раскрывает причин, обуславливающих формирование этих структурных образований, не даёт ответа на вопрос, почему возникают те или иные узлы противоречий?

В дополнение к двум описанным характеристикам Э.А. Поздняков также определил место международно-политических организаций, учреждений и международно-правовых норм в системе межгосударственных отношений.

Их он отнёс к надстройке над её структурой. С учётом того, что сама система межгосударственных отношений занимает надстроечное положение по отношению к системе мировых социально-экономических отношений, они оказываются надстройкой надстройки (Поздняков 1976: 64).

Предложенное Э.А. Поздняковым понимание структуры, явно опирающееся на положения ОТС, имеет дескриптивную ценность, но не позволяет решать объяснительных, а тем более прогностических задач. Как позже указал К. Уолтц, в исследовании международных отношений некорректно относить к структурным характеристикам связи между государствами (Waltz 1979). Иначе возникает замкнутый логический круг: взаимодействия определяются структурой, которая в свою очередь задаётся взаимодействиями.

Хотя предложенное Э.А. Поздняковым описание структуры существенно отличалось от реалистических концепций, преобладавших в западной науке, последующее развитие его аргументации во многом сглаживало этот разрыв. Ключевую роль в этом процессе играло его обращение к категории соотношения сил, которую он рассматривал как центральный элемент «в системе понятий, определяющих функционирование и развитие системы межгосударственных отношений» (Поздняков 1976: 93). Согласно его подходу, изменения в соотношении сил, выводящие систему из состояния динамического равновесия, являются основным фактором возникновения структурных кризисов.

Поздняков выделял два возможных исхода таких кризисов. В случаях, когда нарушение равновесия обусловлено действиями государств, это приводит к усилению конфликтности, однако не трансформирует систему на качественном уровне. Существенные изменения в её структуре происходят лишь тогда, когда утрата динамического равновесия обусловлена трансформациями в глобальных социально-экономических отношениях (Поздняков 1976: 102). Таким образом, развитие производительных сил предопределяет фундаментальные сдвиги в системе, но не объясняет её текущее функционирование.

Фокусировка на категории соотношения сил сближала концептуальные построения Э.А. Позднякова с реалистической традицией в западной теории международных отношений в большей степени, чем это могло показаться из его первоначального описания структуры системы. Впоследствии именно эту переменную К. Уолтц определил в качестве ключевой структурной характеристики международной системы. Однако, в отличие от советских исследователей, американские теоретики, включая Уолтца, не рассматривали закономерности трансформации системы, поскольку в целом пренебрегали её связями с внешней средой[47].

[47] Впоследствии, отчасти, логику Э.А. Позднякова в западной науке воспроизвёл Р. Гилпин, связавший смену систем с изменениями в потенциалах, обусловленных неравномерностью экономического роста (Gilpin 1981).

Другим важным отличием системного подхода, развиваемого в СССР, от структурного реализма стало сочетание анализа воздействия структуры системы на её элементы с изучением их обратного влияния на систему. Диалектический характер этих взаимосвязей обосновывался отсылкой к марксистскому принципу, согласно которому люди создают историю, хотя и в обстоятельствах, которые не выбирают самостоятельно (Маркс 1957: 119). В западной науке эта идея была институционализирована лишь в 1980-х гг. в рамках теории структурации (Giddens 1984), а её применение к международным отношениям стало возможным благодаря работам А. Вендта (Wendt 1987). При этом Уолтц полностью исключал теоретическое объяснение внешней политики из рамок своей теории (Waltz 1979).

В советской научной традиции вопрос о влиянии элементов системы на её структуру был поставлен уже Э.А. Поздняковым, который отмечал, что «для более глубокого понимания сущности функционирования и развития системы необходимо знание не только общесистемных движущих сил, но и движущих сил внешней политики государства» (Поздняков 1976: 111). Впоследствии М.А. Хрусталёв разработал детализированную схему анализа внешнеполитической программы (Хрусталёв 1984), сделав её центральным элементом своих исследований. В результате он сместил фокус системного подхода с анализа международных отношений в целом на изучение внешней политики как основной сферы его применения[48].

Оба советских исследователя закрепляли в качестве определяющей характеристики внешней политики государства интерес, представляющий собой осознанную потребность. При этом М.А. Хрусталёв отмечал, что потребности сами выражают три группы объективных факторов, таких как внутренняя социальная среда, внешняя социальная среда, внешняя природная среда (Хрусталёв 1984: 11). В свою очередь каждая из этих групп включает множество компонентов.

Внутренняя социальная среда задаётся демографической, народохозяйственной и политической структурой общества, а также структурой государственного аппарата. Внешняя социальная среда, по М.А. Хрусталёву, определяется состоянием сопредельного окружения, блоковой принадлежностью государства, его интегрированностью в систему международных отношений, состоянием и тенденциями развития этой системы[49]. В свою очередь природная среда охватывает географическое положение страны, территорию и природные богатства.

---

[48] Структура международных отношений в книгах М.А. Хрусталёва оказывалась производной от сочетания внешнеполитических программ составляющих элементов. Её разработке места практически не выделялось. В этой связи в терминологии К. Уолтца подход к международным отношениям М.А. Хрусталёва представлялся скорее редукционистским, чем структурным.

[49] Нетрудно заметить, что понятие внешней социальной среды для государства должно отчасти, хотя и неполностью задаваться системой международных отношений, а значит и структурой данной системы. Тем не менее, М.А. Хрусталёв нигде прямо этот вывод не делает.

Осознание, через призму которого потребности преобразуются в интересы, определяется факторами общественного, группового и индивидуального сознания. Среди них государственная идеология, исторические и культурные традиции общества, политико-идеологические и социально-культурные особенности руководителей государства. В результате их влияния какие-то потребности могут быть не осознаны в качестве интересов. При этом осознанным может придаваться различная степень значимости, разделяя их на главные, основные и второстепенные.

Дальнейшая конкретизация интересов с учётом имеющихся ресурсов осуществляется через формулирование целей. Согласно М.А. Хрусталёву, результативность внешней политики определяется степенью реалистичности целеполагания в контексте ресурсного обеспечения. В этом отношении он выделяет два типа ресурсов: ресурсы-средства (материальные и информационные) и ресурсы-условия (пространство и время) (Хрусталёв 1984: 44)[50]. Данная классификация восполняет теоретический пробел, оставленный Э.А. Поздняковым при анализе соотношения сил, поскольку в его концепции отсутствовало объяснение методов его определения и измерения.

На основе анализа внешнеполитической программы Хрусталёв формирует схему взаимодействия государств, которая фактически отражает его представление о структуре системы, хотя он прямо не использует этот термин. Данная схема включает два ключевых компонента: проблемный, фиксирующий соотношение интересов, и ресурсный, описывающий соотношение сил (Хрусталёв 1987: 111). Таким образом, Хрусталёв концептуализировал и терминологически оформил аспекты, которые в работе Э. А. Позднякова оставались недостаточно разработанными.

Проблемный компонент даёт более глубокое понимание природы узлов противоречий, связывая их со столкновением интересов различной степени значимости. Противоречие в сфере главных интересов формирует жёсткий антагонизм, который может быть разрешён исключительно силовыми методами. Столкновение главного интереса с основным или даже второстепенным порождает мягкий антагонизм, который, хотя и не носит фатального характера, может перерасти в вооружённое противостояние вследствие ошибок в стратегических расчётах сторон. В иных случаях противоречия обладают неантагонистическим характером и, следовательно, с высокой вероятностью поддаются урегулированию в рамках переговорного процесса (см. Табл. 1).

[50] В более поздней работе исследователь добавил ещё один компонент в классификацию – организационный ресурс (Хрусталёв 2008).

Таблица 1. Матрица соотношения интересов государств I и II
Table 1. Balance of interests matrix of sates I and II

II / I	AII Главный	БII основной	BII второстепенный
AI главный	AI / AII	AI / БII	AI / BII
БI основной	БI / AII	БI / БII	БI / BII
BI второстепенный	BI / AII	BI / БII	BI / BII

Источник: Хрусталёв 1987: 101–103.

Фактически в концепции М.А. Хрусталёва соотношение интересов становится центральной и наиболее детализированной структурной характеристикой. В этом заключается принципиальное отличие его теоретической модели от подходов Э. А. Позднякова, а также от структурного реализма, развитого в буржуазной науке. При этом соотношение ресурсов в его схеме служит операционализацией категории соотношения сил, позволяя разложить её на отдельные составляющие и тем самым повысить аналитическую точность модели. Впоследствии Хрусталёв дополнил данную структуру третьим компонентом — политико-психологическим климатом, который определяется векторами взаимных восприятий государств (Хрусталёв, 2008).

Таким образом, в сравнении со структурными теориями, распространёнными в буржуазной науке, прежде всего в рамках неореализма, советская традиция теоретизирования предлагала более многосложное представление о системе международных отношений. В отличие от неореалистического подхода, который постулировал однонаправленное влияние структуры на поведение акторов, советская концепция исходила из взаимозависимости структуры и её элементов, а также из многокомпонентного понимания самой структуры. Итогом развития системного подхода в СССР стало формирование целостной теоретической модели, наиболее полно воплощённой в трудах М.А. Хрусталёва.

Системный подход в прикладных оценках международной обстановки

Логика идеократии не только требовала, чтобы практическая деятельность опиралась на научную базу, но предполагала и обратную зависимость – теоретизирование должно было выступать не отвлечённым познанием, а основой для принятия решений. Разработчики системного подхода в СССР – это хорошо осознавали. Тем не менее приложение их научных построений к решению прикладных задач осмысления текущей международной обстановки наталкивалось на серьёзные препятствия.

Познавательная ценность системного подхода ограничивала сложность и высокий уровень абстракции формулируемых схем. Его авторы неохотно выдвигали субстантивные предположения относительно закономерностей в системе международных отношений. В этом они отличались и от зарубежных теоретиков, отделявших более стабильные варианты структур от менее

стабильных, и от основоположников марксизма-ленинизма, объяснявших динамику межгосударственных взаимодействий межклассовыми и межимпериалистическими противоречиями[51]. Разработчики системного подхода в СССР ясно осознавали этот принцип. Однако практическое применение их концептуальных построений к анализу текущей международной обстановки сталкивалось с серьёзными затруднениями.

Основным ограничением познавательной ценности системного подхода выступали его высокая степень абстракции и сложность формулируемых теоретических схем. Авторы концепции проявляли осторожность в выдвижении субстантивных предположений о закономерностях функционирования системы международных отношени[52]. В этом отношении их подход отличался как от западных теоретиков, которые стремились дифференцировать более стабильные и менее стабильные варианты структур, так и от классиков марксизма-ленинизма, интерпретировавших динамику межгосударственных взаимодействий через призму межклассовых и межимпериалистических противоречий.

В результате исследователи, занимавшиеся прикладным анализом актуальной международной обстановки, апеллировали к системному подходу главным образом как к инструменту обоснования отхода от объяснения межгосударственных взаимодействий через призму классовой борьбы. Используя его для защиты от марксистско-ленинской ортодоксии, они лишь в ограниченной степени прибегали к оригинальным объяснительным схемам, разработанным теоретиками системного подхода. Симптоматично, что при этом они зачастую избегали специфической терминологии, характерной для данной концепции.

Показательный пример представляет работа А.А. Кокошина, посвящённая анализу положения США в системе международных отношений. Уже сама постановка темы свидетельствовала о стремлении автора рассматривать межгосударственные взаимодействия в их целостности и взаимосвязи. В то же время Кокошин дистанцировался от классовых объяснений, принятых в марксистско-ленинской традиции, и декларировал ориентацию на структурные характеристики как основу анализа политики США. В качестве таковых он выделял соотношение сил и систему взаимосвязей Соединённых Штатов с другими государствами (Кокошин 1984: 9).

При этом, хотя в книге встречаются упоминания центров силы и локальных конфликтов (Кокошин 1984: 6–8), она не использует ни категорию центросиловых отношений, ни понятие узла противоречий, предложенные

[51] Показательно в этом отношении указание Л.И. Брежнева на XXV съезде КПСС: «Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперёд. Только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня – одна из центральных проблем» (Брежнев Л.И. 1976. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза. *Материалы XXV съезда КПСС*. Москва: Издательство политической литературы. С. 73).

[52] М.А. Хрусталёв связывал это с опорой на ОТС, которая априори концентрировалась на описании форм, а не на оценке сущности взаимодействий (Хрусталёв 1987: 20). Вернее было бы объяснить это угрозой обвинений в отрыве от марксизма-ленинизма со стороны догматиков.

Э. А. Поздняковым. Более того, Кокошин лишь однажды, в самом начале работы, ссылается на труды Позднякова, а также на совместную книгу М.А. Хрусталёва, и то лишь в контексте обсуждения влияния научно-технической революции на рост взаимозависимости (Кокошин, 1984: 3). Он также сознательно избегает употребления понятия «интерес», которое занимает центральное место в концептуальном аппарате системного подхода.

Выбор терминологии в данном случае представляется осмысленным. В книге прямо утверждается, что политика США противоречит их подлинным нуждам, а это расхождение объясняется влиянием узко-групповых интересов, прежде всего представителей военно-промышленного комплекса. В этой связи Кокошин делает вывод, что «деятельность администрации в военно-политической сфере подчинена узко-групповым интересам части господствующего класса и военной верхушки» (Кокошин 1984: 68)[53].

Обострение международной обстановки, гонка вооружений и распад политики разрядки на рубеже 1970–1980-х гг. в книге Кокошина объяснялись деятельностью агрессивно настроенных кругов, связанных с военно-промышленным комплексом. Именно с их влиянием связывалось возрастание рисков ядерной войны. Им противопоставлялись группы более «реалистично настроенных» элит в США, а также правительства ряда капиталистических стран, выступавшие за снижение международной напряжённости, развитие диалога и восстановление отношений с СССР (Кокошин 1984: 63–67, 88).

В рамках системного подхода признавалось, что политическое руководство не всегда адекватно оценивает международную обстановку. В этом контексте М. А. Хрусталёв вводил понятие мнимых интересов, которые могут не соответствовать реальным потребностям государства (Хрусталёв 1984: 61–63). Однако объяснение внешней политики через призму влияния узких групповых интересов расходилось с концептуальными установками системного подхода, ориентированного на выявление структурных факторов и рациональных закономерностей. Такой подход неизбежно предполагал, что проводимая политика является стратегически ошибочной, поскольку не учитывает объективные параметры международной системы и долгосрочные интересы государства.

Аналогичный подход к объяснению причин конфронтации отражался и в официальных оценках советского руководства. Так, Л.И. Брежнев ещё на XXVI съезде КПСС в 1976 г. подчёркивал, что развитию советско-американских отношений препятствуют «влиятельные силы в США, не заинтересованные ни в улучшении отношений с СССР, ни в разрядке международной напряжённости в целом»[54]. На следующем съезде он ужесточил

[53] Один из редких примеров, когда это слово использовалось в книге. Показательно, что оно относилось не к государству, а к отдельной группе элит.

[54] Брежнев Л.И. 1976. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза. *Материалы XXV съезда КПСС*. Москва: Издательство политической литературы. С. 21.

риторику, возложив ответственность за эскалацию напряжённости на «наиболее агрессивные круги империализма» и американский военно-промышленный комплекс[55].

Смена политического руководства не внесла принципиальных изменений в советский дискурс. В 1982 г., на фоне подготовки к размещению американских ракет средней дальности в Европе, Ю.В. Андропов утверждал, что на Западе «активизировались наиболее воинственные группировки, чья классовая ненависть к социализму берёт верх над чувством реальности, а подчас и просто над здравым смыслом»[56]. Спустя полгода он вновь акцентировал внимание на росте агрессивности «ультрареакционных сил во главе с империализмом США»[57].

М.С. Горбачёв после прихода к власти также возлагал ответственность за продолжение конфронтации на «правящие круги США»[58]. Даже спустя год, несмотря на некоторое снижение международной напряжённости, он предупреждал: «Локомотивом милитаризма остаются США, их военно-промышленная машина, которая пока не собирается сбрасывать обороты»[59]. В своих выступлениях Горбачёв также ссылался на «правую группировку, пришедшую к власти в США», а также её «основных попутчиков» как главных инициаторов отхода от политики разрядки в пользу военно-силового противостояния[60].

Подобные оценки советского руководства во многом были обусловлены предшествующим политическим курсом, сформировавшимся в начале 1970-х гг., когда СССР инициировал разрядку в отношениях со странами Запада. Достижение договорённостей с США поставило под сомнение прежний тезис о неизбежно агрессивной природе империализма. В официальной советской риторике утвердилось представление о том, что движение в сторону прочного мира является объективной исторической тенденцией, обусловленной изменением глобального соотношения сил в пользу социалистической системы[61]. Однако последовавшее в конце 1970-х гг. обострение международной напряжённости поставило советское руководство перед концептуальной дилеммой.

---

[55] Брежнев Л.И. 1981. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза. *XXVI Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 23 февраля — 3 марта 1981 г. Стенографический отчет. Т. 1.* Москва: Политиздат. С. 38.

[56] Андропов Ю.В. 1983. Шестьдесят лет СССР. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлёвском дворце съездов 21 декабря 1982 года. *Андропов Ю.В. Избранные речи и выступления.* Изд. 2. Москва: Издательство политической литературы. С. 15.

[57] Андропов Ю.В. 1983. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС. *Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14-15 июня 1983.* Москва: Политиздат. С. 23.

[58] Горбачёв М.С. 1985. О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением. *Материалы пленума ЦК КПСС. 23 апреля 1985 г.* Москва: Издательство политической литературы.

[59] Горбачёв М.С. 1986. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.* Москва: Политиздат.С.64.

[60] Горбачёв М.С. 1986. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.* Москва: Политиздат. С. 63.

[61] Брежнев Л.И. 1976. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза. *Материалы XXV съезда КПСС.* Москва: Издательство политической литературы. С. 16.

С одной стороны, совсем недавно было заявлено, что возросшая мощь СССР сделала мирное сосуществование безальтернативным, в том числе и для капиталистических стран. Следовательно, возвращение к тезису о неизбежной агрессивности империализма выглядело бы противоречивым. С другой стороны, политические соображения ограничивали возможность объяснения изменений в международной обстановке с позиций системного подхода. Его логика предполагала, что международные процессы, в конечном счёте, подчиняются объективным структурным требованиям.

В период разрядки такая концептуальная установка позволяла обосновывать более оптимистичные сценарии мирового развития, противопоставляя их теориям империализма и классовой борьбы. Однако в условиях нарастания конфронтации этот же принцип мог привести к нежелательному для советской пропаганды выводу: если международная система объективно детерминирует политические процессы, то агрессивный курс США не является произвольным, а представляет собой рациональную реакцию на структурные изменения. Именно поэтому советское руководство предпочло акцентировать внимание на деятельности отдельных реакционных группировок, связанных с военно-промышленным комплексом. Такой подход позволял трактовать конфронтацию как отклонение от объективного тренда на мирное сосуществование, не отказываясь при этом от базового тезиса о поступательном историческом движении к укреплению мира.

Однако такой подход фактически означал отход от марксистско-ленинской традиции в пользу концепций, близких к воззрениям английского либерала Джона Гобсона. Именно из его работ В.И. Ленин заимствовал понятие империализма, подвергнув его критическому осмыслению (Hobson 1902). Хотя Ленин признавал аналитическую ценность исследования Гобсона в отношении монополистической стадии капитализма, он отвергал объяснение агрессивной внешней политики капиталистических государств через призму частных экономических интересов отдельных монополистов. С точки зрения ленинизма, империализм являлся не результатом действий узких элитных групп, а закономерным этапом исторического развития капиталистической системы в целом[62].

В то время как сторонники системного подхода ориентировались на концепции структурного реализма, заимствуя их аналитические схемы для собственных исследований, советское руководство и обслуживавшие его запрос прикладные исследования эволюционировали в направлении либеральных объяснений международных отношений[63]. Хотя официальная риторика сохраняла отсылки к категории соотношения сил, фактически анализ международной динамики всё чаще сводился к внутриполитической борьбе в США и других странах Запада.

---

[62] Ленин В.И. 1917. *Империализм как новейший этап капитализма (Популярный очерк)*. Петроград: Жизнь и знание. С. 110.

[63] О содержании либеральной теории международных отношений см. (Moravcsik 1997).

Заключение

Опыт становления системного подхода наглядно демонстрирует, что даже закрепление доминирующей парадигмы в качестве идеологической догмы не способно предотвратить научные революции. Накопление аномалий неизбежно ведёт к пересмотру теоретических оснований осмысления действительности. Однако в условиях жёсткого идеологического контроля этот процесс принимает скрытый характер: радикальная ревизия научных концепций маскируется под их косметическую реинтерпретацию.

В таких условиях новая теоретическая рамка формулируется преднамеренно размыто и амбивалентно, что позволяет избежать обвинений в идейном отступничестве со стороны сторонников прежней ортодоксии. Однако этот компромиссный характер затрудняет операционализацию новых концептов и усложняет уточнение условий их фальсифицируемости. В результате идеологический догматизм, хотя и не останавливает развитие научного знания, существенно ограничивает его аналитический потенциал.

Советские теоретики международных отношений шли именно по такому пути. Системный подход позиционировался ими как дополнение, а не альтернатива марксизму-ленинизму, несмотря на его явное отступление от постулата о центральной роли производственных отношений и классовой борьбы в формировании внешней политики государств. Для минимизации идеологических рисков его разработчики придерживались высокой степени абстракции и задавали широкие рамки анализа, позволяя избежать обвинений в идейной непоследовательности.

Тем не менее их работы представляют собой оригинальную концептуальную схему, в ряде аспектов опередившую разработки западных исследователей, с которыми они находились в заочной дискуссии. Тот факт, что эти теоретические построения не всегда находили применение в прикладных исследованиях и официальном дискурсе советского руководства, свидетельствует не о их тривиальности, а скорее о том, что они вели к неудобным для властной парадигмы выводам о направлении развития международной обстановки.

Обращение к опыту развития системного подхода в СССР имеет важное значение для дальнейшего развития теоретической мысли в современной России. Оно, в частности, предостерегает от избыточного усложнения и недостаточной чёткости аналитических схем, что снижает их прогностическую и объяснительную ценность. Кроме того, системный подход формирует интеллектуальную альтернативу ряду преобладающих в отечественной науке теоретических направлений. В первую очередь, он противостоит эссенциалистским концепциям, которые приписывают государствам фиксированный набор неизменных характеристик, детерминирующих их внешнюю политику.

Об авторе:

Игорь Александрович Истомин — кандидат политических наук, заведующий кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. 1194545, Москва, проспект Вернадского, 76
iaistomin@gmail.com

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327(470+571):329.15+001.891+316.75
Received: December 26, 2024
Accepted: February 15, 2025

Systems Approach in the Soviet IR Theory: The Sources and Consequences of a Tacit Scientific Revolution

I.A. Istomin
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-66-99

MGIMO University

Abstract: This article examines the intellectual foundations, rationale, and evolution of the systemic approach in Soviet international relations (IR) theory throughout the 1970s and 1980s. This topic has gained increasing relevance in contemporary debates on the theoretical foundations of Russian international political thought. The study demonstrates that the emergence of the systemic approach was a response to the theoretical anomalies encountered by Marxism-Leninism in explaining global developments following the Second World War. The weakening of inter-imperialist struggles, the persistence of capitalism, and the growing contradictions within the socialist bloc posed significant challenges to Marxist-Leninist explanatory frameworks. The transformation of the dominant paradigm into an ideological dogma did not prevent a scientific revolution; however, this transformation occurred covertly, with radical revisions masked as superficial reinterpretations of doctrine.
The systemic approach in Soviet IR rested on three principal intellectual foundations: the reinterpretation of Marxist-Leninist tenets, engagement with Western—primarily Realist—theories, and the incorporation of terminology from general systems theory. Elgiz Pozdnyakov and Mark Khrustalev played a central role in its development. To navigate ideological constraints, these theorists maintained a high level of abstraction in their analytical framework, thereby avoiding explicit accusations of ideological deviation. Despite these constraints, they developed an original theoretical model that, in some respects, anticipated later insights in Western scholarship. However, its limited influence on applied policy analysis and official Soviet discourse in the 1980s suggests that the systemic approach produced non-trivial conclusions that were politically inconvenient.

Keywords: systemic approach, Marxism-Leninism, IR Theory, USSR, foreign policy, Imperialism, struggle for peace

About the author:

Igor A. Istomin — Cand. Science (Political), Head of the Department of Applied Analysis of International Problems, MGIMO University, 76, Vernadskogo avenue, Moscow, 119454, Russian Federation

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Bertalanffy L. von. 1968. *General System Theory: Foundations, Development, Applications.* New York: George Braziller. 295 p.

Cox R. W. 1981. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium*. 10(2). P. 126–155.

Giddens A. 1984. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press. 402 p.

Gilpin R. 1981. *War and Change in International Politics.* Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.

Hobson J. A. 1902. *Imperialism: A Study.* London: James Nisbet & Co. 420 p.

Kaplan M. A. 1957. *System and Process in International Politics.* New York: John Wiley and Sons. 318 p.

McClelland C. A. 1968. *Theory and the International System.* London: Macmillan. 354 p.

Modelski G. 1962. *Comparative International Systems.* World Politics. 14(4). P. 662–674.

Moravcsik A. 1997. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics. *International Organization.* 51(4). P. 513–553.

Morgenthau H. 1948. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace.* New York: Alfred A. Knopf. 668 p.

Nye Jr J. S., Keohane R. O. 1971. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization.* 25(3). P. 329–349.

Ruggie J. G. 1983. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis. *World Politics.* 35(2). P. 261–285.

Shen Z., Xia Y. 2015. *Mao and the Sino–Soviet Partnership, 1945–1959: A New History.* Lexington Books. 391 p.

Waltz K. 1979. *Theory of International Politics.* Boston: McGraw-Hill. 251 p.

Wendt A. E. 1987. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization.* 41(3). P. 335–370.

Berdyaev N.A. 1990. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow: Nauka. 220 p. (In Russian)

Blauberg I.V., Yudin E.G. 1973. *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [Formation and Essence of the System Approach]. Moscow: Nauka. 270 p. (In Russian)

Bogaturov A. D. 2000. Desyat' let paradigmy osvoeniya [Ten Years of the Paradigm of Development]. Pro et contra. 5(1). P. 195–201. (In Russian)

Bogaturov A.D. 2019. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy. Opyat razdelenny mir* [Systemic History of International Relations. Another Divided World]. Moscow. 362 p. (In Russian)

Bogdanov A.A. 1917. *Vseobshchaya organizatsionnaya nauka (tektologiya)* [Universal Organizational Science (Tektology)]. Saint Petersburg: M.I. Semenov. 255 p. (In Russian)

Bukharin N.I. 1918. *Mirovoe khozyaystvo i imperializm (ekonomicheskiy ocherk)* [World Economy and Imperialism (Economic Essay)]. Petrograd: Priboy. 115 p. (In Russian)

Degtereva D. A., Istomina I. A. 2015. *Sistemnoe modelirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii* [System Modeling of International Relations]. *World Economy and International Relations.* №11. P. 17–30. (In Russian)

Dugin A.G. 1997. *Osnovy geopolitiki* [Foundations of Geopolitics]. Moscow. 599 p. (In Russian)

Emelyanova E. N. 2018. Politika bolshevistskogo rukovodstva po otnosheniyu k Germanii (1918–1919) [The Policy of the Bolshevik Leadership Towards Germany (1918–1919)]. *Nauchnyi dialog.* №4. P. 227–239. (In Russian)

Engels F. 1937. *Proiskhozhdenie semyi, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Moscow: Partizdat. 87 p. (In Russian).

Engels F. 1966. *Pismo V. Borgiusu, 25.01.1894* [Letter to V. Borgius, January 25, 1894]. *Marx K., Engels F. Sochinenii. T. 39* [Works. Vol. 39]. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. P. 174–175. (In Russian)

Engels F. 1974. *Predislovie k nemetskomu izdaniyu 1883 goda* [Preface to the German Edition of 1883]. Marx K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoi partii.* Moscow: Politizdat. 255 p. (In Russian)

Gantman V. I. (ed.). 1976. *Sovremennye burzhuaznye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Kriticheskii analiz* [Modern Bourgeois Theories of International Relations: A Critical Analysis]. Moscow: Nauka. 486 p. (In Russian)

Gantman V. I. (ed.). 1984. *Sistema, struktura i protsess razvitiia sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [System, Structure, and Process of the Development of Modern International Relations]. Moscow: Nauka. 422 p. (In Russian)

Cherkasov P. *2016. IMEMO: Ocherk istorii* [IMEMO: A Historical Essay]. Moscow: Ves mir. 870 p. (In Russian)

Gvishiani D.M. 2023. *Mosty v budushchee: O zarozhdenii sistemnogo analiza i proryve v predstavleniyakh o nauke i praktike upravleniya v SSSR* [Bridges to the Future: On the Emergence of System Analysis and a Breakthrough in the Perception of Science and Management Practice in the USSR]. Moscow: LENAND. 333 p. (In Russian)

Khrustalev M. A. 1984. *Osnovy teorii vneshnei politiki gosudarstva* [Fundamentals of the Theory of Foreign Policy of the State]. Moscow: MGIMO. 80 p. (In Russian)

Khrustalev M. A. 1987. *Sistemnoe modelirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii* [System Modeling of International Relations]. Moscow: MGIMO. 115 p. (In Russian)

Khrustalev M. A. 2008. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaia ekspertiza* [Analysis of International Situations and Political Expertise]. Moscow: NOFMO. 224 p. (In Russian)

Khudolei K. K. 2018. Evolyutsiya idei mirovoi revolyutsii v politike Sovetskogo Soyuza (epokha Kominterna i sotsializma v odnoi strane) [The Evolution of the Idea of World Revolution in Soviet Policy (The Era of the Comintern and Socialism in One Country)]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations.* 10(2). P. 145–165. (In Russian)

Kokoshin A.A. 1984. *SShA v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy 80-kh godov: Gegemonizm vo vneshney politike Vashingtona* [The USA in the International Relations System of the 1980s: Hegemonism in Washington's Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 303 p. (In Russian)

Kosolapov N. A. et al. 2021. O popytke sozdaniia teorii mezhdunarodnykh otnoshenii v IMEMO v 1970-e gody [On the Attempt to Create a Theory of International Relations at IMEMO in the 1970s]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia.* 65(4). P. 80–91. (In Russian)

Kuhn T.S. 2009. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST. 317 p. (In Russian)

Labetskii O. B. (ed.). 1975. *Sotsialisticheskie mezhdunarodnye otnosheniia i ikh kritiki* [Socialist International Relations and Their Critics]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 203 p. (In Russian)

Marx K. 1957. 18 brumera Lui Bonaparta [The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte]. *Sochineniya. Izd. 2-e. Vol. 8.* Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury. 126 p. (In Russian)

Marx K.1958. Vvedenie (Iz ekonomicheskikh rukopisey 1857–1858 godov) [Introduction (From the Economic Manuscripts of 1857–1858)]. *Sochineniya. 2nd Edition.. Vol. 12.* Moscow: Politizdat. (In Russian)

Marx K. 1935. *Klassovaya borba vo Frantsii s 1848 po 1850* [Class Struggles in France from 1848 to 1850]. Moscow: Partizdat TsK VKP(b). 159 p. (In Russian)

Mosolov V.G. 2010. *IMEL – tsitadel' partiynoy ortodoksii. Iz istorii Instituta marksizma-leninizma pri TsK KPSS, 1921–1956* [IMEL – The Citadel of Party Orthodoxy. From the History of the Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU, 1921–1956]. Moscow: Novyy khronograf. (In Russian)

Popper K. 1983. *Logika nauchnogo issledovaniya. Logika i rost nauchnogo znaniya* [The Logic of Scientific Discovery. The Logic and Growth of Scientific Knowledge]. Moscow: Progress. 565 p. (In Russian)

Pozdnyakov E.A. 1976. *Sistemnyy podkhod i mezhdunarodnye otnosheniya* [The System Approach and International Relations]. Moscow: Nauka. 157 p. (In Russian)

Podberezkin A.I., Kharkevich M.V. 2015. *Mir i voyna v XXI veke: Opyt dolgosrochnogo prognozirovaniya razvitiya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Peace and War in the 21st Century: Experience of Long-Term Forecasting of the Development of International Relations]. Moscow: MGIMO. (In Russian)

Problemy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. 1969. *World Economy and International Relations.* №9. P. 88–106. (In Russian)

Problemy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. 1969. *World Economy and International Relations.* №11. P. 78–99. (In Russian)

Sadovskiy V.N. 1974. *Osnovaniya obshchey teorii sistem: Logiko-metodologicheskiy analiz* [Foundations of General Systems Theory: Logical and Methodological Analysis]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Strezhneva M.V. 2020. Sistemnyi podkhod v mezhdunarodnykh issledovaniyakh: ob aktual'nosti teoreticheskogo naslediya Aleksandra Bogdanova [The System Approach in International Studies: On the Relevance of Alexander Bogdanov's Theoretical Legacy]. *Polis. Political Studies.* №4. P. 112–123. (In Russian)

Trubetskoy N.S. 2010. Ideokratia i proletariat [*Trubetskoy N.S. Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. 616 p. (In Russian)

Tsygankov A.P. 2014. Rossiyskaya teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: kakoy yey byt? [Russian Theory of International Relations: What Should It Be?]. *Comparative Politics Russia.* 2(15). P. 65–83. (In Russian)

Tsygankov A.P. 2018. *Russkaya mezhdunarodnaya teoriya: Tri traditsii* [Russian International Theory: Three Traditions]. Moscow: Russcience. 332 p. (In Russian)

Tsygankov A.P., Tsygankov P. A. 2003. Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v Rossii: otchego ne speshat poyavlyat'sya shkoly? [Theory of International Relations in Russia: Why Aren't Schools in a Hurry to Appear?] *International Trends.* 1(3). P. 104–116. (In Russian)

Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. 2022. Globalnost i samobytnost v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Globalism and Uniqueness in International Relations Theory]. *Vestnik RUDN. International Relations.* 22(1). P. 7–16. (In Russian)

Tsygankov P.A. 2003. *Sistemnyi podkhod v analize mezhdunarodnykh situatsii* [System Approach in the Analysis of International Situations]. International Trends. 1.(1). P. 132–134. (In Russian)

Tsygankov P. A. 2013. Sistemnyi podkhod v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [System Approach in the Theory of International Relations]. Moscow University Bulletin. Series 12. *Political Science*. №5. P. 3–25. (In Russian)

Tsymburskiy V.L. 2007. *Ostrov Rossiya* [The Island Russia]. Moscow: ROSSPEN. 543 p. (In Russian)

Varga E.S. 1923. *Krizis mirovogo kapitalisticheskogo khozyaystva* [The Crisis of the World Capitalist Economy]. Petrograd: Gosudarstvennoe izdatelstvo. 126 p. (In Russian)

Varga E.S. 1946. *Izmeneniya v ekonomike kapitalizma v itoge Vtoroy mirovoy voyny* [Changes in the Capitalist Economy as a Result of World War II]. Moscow: OGIZ. 320 p. (In Russian)

Varga E.S. 1953. *Osnovnye voprosy ekonomiki i politiki imperializma (posle Vtoroy mirovoy voyny)* [Main Issues of the Economy and Politics of Imperialism (After World War II)]. Moscow: Politizdat. 576 p. (In Russian)

Varga E.S. 1957. *Osnovnye voprosy ekonomiki i politiki imperializma (posle Vtoroy mirovoy voyny).* 2-e izd. [Main Issues of the Economy and Politics of Imperialism (After World War II), 2nd ed.]. Moscow: Politizdat. 548 p. (In Russian)

Varga E.S. 1974. *Nachalo obshchego krizisa kapitalizma. Izbrannye proizvedeniya* [The Beginning of the General Crisis of Capitalism. Selected Works]. Moscow: Nauka. 446 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Бердяев Н.А. 1990. *Истоки и смысл русского коммунизма.* Москва: Наука. 220 с.

Блауберг И.В., Юдин Э.Г. 1973. *Становление и сущность системного подхода.* Москва: Наука. 270 с.

Богданов А. А. 1917. *Всеобщая организационная наука (тектология).* Санкт-Петербург: М.И. Семёнов. 255 с.

Богатуров А. Д. 2000. Десять лет парадигмы освоения. *Pro et contra.* 5(1). С. 195–201.

Богатуров А.Д. 2019. *Системная история международных отношений. Опять разделенный мир.* Москва. 362 с.

Бухарин Н. И. 1918. *Мировое хозяйство и империализм (экономический очерк).* Петроград: Прибой. 115 с.

Варга Е.С. 1923. *Кризис мирового капиталистического хозяйства.* Петроград: Государственное издательство. 126 с.

Варга Е.С. 1946. *Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны.* Москва: ОГИЗ. 320 с.

Варга Е.С. 1953. *Основные вопросы экономики и политики империализма (после Второй мировой войны).* Москва: Политиздат. 576 с.

Варга Е.С. 1957. *Основные вопросы экономики и политики империализма (после Второй мировой войны)*. 2-е изд. Москва: Политиздат. 548 с.

Варга Е.С. 1974. *Начало общего кризиса капитализма. Избранные произведения.* Москва: Наука. 446 с.

Гантман В. И. (отв. ред.). 1976. *Современные буржуазные теории международных отношений: Критический анализ.* Москва: Наука. 486 с.

Гантман В. И. (отв. ред.). 1984. *Система, структура и процесс развития современных международных отношений.* Москва: Наука. 422 с.

Гвишиани Д.М. 2023. *Мосты в будущее: О зарождении системного анализа и прорыве в представлениях о науке и практике управления в СССР...* Москва: ЛЕНАНД. 333 с.

Дегтерёва Д. А., Истомина И. А. 2015. Системное моделирование международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения.* №11. С. 17–30.

Дугин А. Г. 1997. *Основы геополитики.* Москва. 599 с.

Емельянова Е. Н. 2018. Политика большевистского руководства по отношению к Германии (1918–1919 гг.). *Научный диалог.* №4. С. 227–239.

Кокошин А.А. 1984. *США в системе международных отношений 80-х годов: Гегемонизм во внешней политике Вашингтона.* Москва: Международные отношения. 303 с.

Косолапов Н. А. и др. 2021. О попытке создания теории международных отношений в ИМЭМО в 1970-е годы. *Мировая экономика и международные отношения.* 65(4). С. 80–91.

Кун Т.С. 2009. *Структура научных революций.* Москва: АСТ. 317 с.

Лабецкий О.Б. (ред.). 1975. *Социалистические международные отношения и их критики.* М.: Международные отношения. 203 с.

Лункин Р. Н. и др. 2023. Научные журналы в условиях трансформации международных отношений: проблемы, вызовы и перспективы. Часть 2. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения.* 16(4). С. 422–444.

Маркс К. 1935. *Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850.* Москва: Партиздат ЦК ВКП(б). 159 с.

Маркс К. 1957. 18 брюмера Луи Бонапарта. *Сочинения. Изд. 2-е. Т. 8.* М.: Гос. изд. полит. литературы. 126 с.

Маркс К. 1958. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов). *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 12. Москва: Политиздат.

Мосолов В. Г. 2010. *ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956.* Москва: Новый хронограф.

Поппер К. 1983. Логика научного исследования. *Логика и рост научного знания.* Москва: Прогресс. 565 с.

Поздняков Э.А. 1976. *Системный подход и международные отношения.* М.: Наука. 157 с.

Подберезкин А. И., Харкевич М. В. 2015. *Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений.* Москва: МГИМО.

Проблемы теории международных отношений. 1969. *Мировая экономика и международные отношения.* №9. С. 88–106.

Проблемы теории международных отношений. 1969. *Мировая экономика и международные отношения.* №11. С. 78–99.

Садовский В.Н. 1974. *Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ.* Москва: Наука.

Стрежнева М.В. 2020. Системный подход в международных исследованиях: об актуальности теоретического наследия Александра Богданова. *Полис. Политические исследования.* №4. С. 112–123.

рубецкой Н.С. 2010. Идеократия и пролетариат. *Трубецкой Н.С. Избранное.* Москва: РОССПЭН. 616 с.

Хрусталёв М.А. 1984. *Основы теории внешней политики государства.* Москва: МГИМО. 80 с.

Хрусталёв М.А. 1987. *Системное моделирование международных отношений.* Москва: МГИМО. 115 с.

Хрусталев М. А. 2006. Две ветви ТМО в России. *Международные процессы.* 4(2). С. 119–128.

Хрусталёв М.А. 2008. *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза.* Москва: НОФМО. 224 с.

Худолей К.К. 2018. Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза (эпоха Коминтерна и социализма в одной стране). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения.* 10(2). С. 145–165.

Цыганков А.П. 2014. Российская теория международных отношений: какой ей быть? *Сравнительная политика.* 2(15). С. 65–83.

Цыганков А.П. 2018. *Русская международная теория: три традиции.* Москва: Руссайенс. 332 с.

Цыганков А.П., Цыганков П.А. 2003. Теория международных отношений в России: отчего не спешат появляться школы? *Международные процессы.* 1(3). С. 104–116.

Цыганков А.П., Цыганков П.А. 2022. Глобальность и самобытность в теории международных отношений. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 22(1). С. 7–16.

Цыганков П.А. 2003. Системный подход в анализе международных ситуаций. *Международные процессы.* 1(1). С. 132–134.

Цыганков П.А. 2013. Системный подход в теории международных отношений. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* №5. С. 3–25.

Цымбурский В.Л. 2007. *Остров Россия.* РОССПЭН. 543 с.

Черкасов П. 2016. *ИМЭМО: Очерк истории.* Москва: Весь мир. 870 с.

Энгельс Ф. 1937. *Происхождение семьи, частной собственности и государства.* Москва: Партиздат. 87 с.

Энгельс Ф. 1966. Письмо В. Боргиусу, 25 января 1894 г. *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 39.* Москва: Издательство политической литературы. С. 174-175

Энгельс Ф. 1974. Предисловие к немецкому изданию 1883 года. Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест коммунистической партии.* Москва: Политиздат. 255 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(1). С. 100–123
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-100-123

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Декарбонизация теплоснабжения в Южной Европе: стратегия, вызовы и социальные последствия

А.В. Зимаков

Национальный исследовательский институт Мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук

Статья посвящена стратегии декарбонизации теплоснабжения жилого фонда в Португалии, Испании и Греции, что методологически обусловлено схожестью физико-географических и социо-экономических характеристик, а также структуры жилищного фонда названных стран южной периферии Европейского союза. Исследован опыт этих стран, проведён сравнительный анализ стратегий декарбонизации в этом регионе и в северных странах ЕС, где применяется самая передовая в Евросоюзе стратегия – «скандинавская модель», заключающаяся в развитии высокотехнологичных систем централизованного теплоснабжения на основе ВИЭ. Выделены причины, по которым в настоящее время этот подход находит ограниченное применение в странах Южной Европы, за исключением Испании – здесь отмечаются высокие темпы прироста новых экологичных централизованных систем. Масштабирование успешной практики северных стран сдерживается спецификой жилого фонда европейского юга, а именно высокой долей старых зданий, имеющих низкую энергоэффективность: серьёзные теплопотери жилых строений лишают привлекательности инвестиции в централизованное теплоснабжение. В статье проанализирована взаимосвязь низкой энергоэффективности зданий с проблемой энергетической бедности: из-за высоких теплопотерь затраты на обогрев столь существенны, что имеются случаи отказа от отопления. Автор приходит к выводу, что комплексной стратегией стран Южной Европы, учитывающей как необходимость декарбонизации теплоснабжения, так и противодействие энергетической бедности, стало субсидирование энергоэффективной реновации зданий в комбинации с модернизацией индивидуального котельного оборудования. Реализуемая при частичном финансировании Евросоюза, данная стратегия включает выплаты беднейшим домохозяйствам для покрытия затрат на повышение энергоэффективности. Энергоэффективная реновация – это универсальная стратегия, которая решает целый комплекс климатических и социальных задач стран Южной Европы: снижение выбросов CO_2 в атмосферу, повышение уровня энергоэффективности и сокращение энергетической бедности.

Ключевые слова: ЕС, Южная Европа, теплоснабжение, энергопереход, декарбонизация, реновация, жилой фонд, энергоэффективность, энергетическая бедность

УДК: 620.9:697.1(4-12) + 332.87 + 504.06
Поступила в редакцию: 26.09.2024
Принята к публикации: 15.12.2024

Одним из ключевых трансформационных процессов, определяющих развитие экономики ЕС, остаётся экологизация хозяйства. Как один из основных пропонентов климатической повестки ООН, закреплённой в Парижских соглашениях 2015 г., а также в Целях в области устойчивого развития ООН, Евросоюз стремится к достижению климатической нейтральности экономики к 2050 г. И если первоначально основные усилия климатической политики ЕС были преимущественно направлены на декарбонизацию электроэнергетики, то постепенно этот процесс стал распространяться на другие сферы энергетики и прочие энергоёмкие отрасли.

В этом ряду особое внимание уделяется декарбонизации теплоснабжения, что в первую очередь связано с его высокой долей в конечном потреблении энергии – около половины общеевропейского показателя, из которых две трети идёт на теплоснабжение жилого фонда. На теплоснабжение приходится 79% суммарного энергопотребления жилого фонда (Kranzl 2022). Последний показатель демонстрирует вторую причину повышенного внимания Еврокомиссии к проблемам экологизации теплоснабжения: социальный аспект. Теплоснабжение играет существенную роль в обеспечении комфортных и даже просто приемлемых условий жизни населения. Это означает, что, в соответствии с Целью №7 устойчивого развития ООН, при реализации мер по декарбонизации теплоснабжения должно соблюдаться требование по доступности недорогих и устойчивых источников энергии. Тем самым, данная задача тесно смыкается с проблематикой энергетической бедности.

Исследовательский вопрос данной работы состоит в определении особенностей стратегий декарбонизации теплоснабжения в сложных социоэкономических условиях южных стран Евросоюза: Испании, Португалии и Греции.

Вопросы климатической политики ЕС, различные аспекты декарбонизации электроэнергетики, развития генерации ВИЭ, роли атомной энергетики в данных процессах широко рассматривались в отечественной научной литературе[1]. Особенности декарбонизации энергетики отдельных европейских стран раскрыты в работах специалистов ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, ИЛА РАН[2]. Среди работ, затрагивающих проблематику энергоперехода, а также особенности социальной и урбанистической политик в странах Южной Европы, следует отметить работы А.М. Сумина (Сумин 2018), Ю.Д. Квашнина (Квашнин 2020), П.П. Яковлева (Яковлев 2020), Н.М. Яковлевой (Яковлева et al. 2017). Вместе с тем вопросы экологизации теплоснабжения в Евросоюзе исследованы недостаточно. Лучше изучен опыт стран Северной Европы и Балтии, основанный на развитии систем

[1] Среди прочих, следует выделить многочисленные публикации по данной тематике С.В. Жукова, Н.Ю. Кавешникова, А.М. Мастепанова, Е.А. Телегиной, Г.О. Халовой.

[2] В частности, такие работы публиковали В.Б. Белов, Н.В. Супян, Н.К. Меден, С.А. Кувалдин.

центрального теплоснабжения с их переводом на возобновляемые источники энергии, прежде всего, биомассу (Зимаков 2019). Однако при этом открытым остаётся вопрос применения данного опыта в условиях юга Европы притом, что в отечественной научной литературе достаточно публикаций по использованию систем центрального теплоснабжения в странах СНГ[3].

Помимо недостаточной изученности указанных аспектов, интерес к Южной Европе в качестве объекта исследования обусловлен также значимостью социального измерения в поиске подходов к декарбонизации теплоснабжения (Ремизова 2020). На первый взгляд, для стран относительно мягкого средиземноморского климата проблема отопления может показаться малозначительной: здесь редко бывают холода, угрожающие жизни, поэтому иногда жители вообще обходятся без отопления. Однако исследования показывают, что пребывание в помещениях с температурой ниже 18 градусов наносит существенный ущерб здоровью и продуктивности труда (Gasparrini et al. 2015; Vasconcelos et al. 2011). Согласно индексу избыточной смертности в зимние месяцы, рассчитанному по данным за 2002–2011 гг., самые высокие уровни этого показателя зафиксированы как раз в странах Южной Европы: Мальта (28%), Португалия (25%), Кипр (19%) и Испания (18%) (Fowler et al. 2015). Эти результаты совпадают с данными предыдущих исследований за периоды 1988–1997 (Healy 2003) и 1976–1984 гг. (McKee 1989), что указывает на наличие устойчивой закономерности. Несмотря на отсутствие более актуальных исследований, можно предположить, что в условиях энергоперехода и декарбонизации проблема экономической доступности теплоснабжения в странах европейского юга сохранила свою остроту.

В нашем исследовании мы уделяем внимание Греции, Испании и Португалии, что методологически обусловлено схожестью их физико-географических и социо-экономических особенностей.

Отличия в стратегиях декарбонизации теплоснабжения, которым следуют разные страны ЕС, обусловлены, в первую очередь, неоднородностью физико-географических факторов на территории интеграционного объединения. По показателю количества градусо-суток отопительного периода страны ЕС можно разделить на три группы. В первую попадают страны Скандинавии и Балтии с показателем выше 4000 градусо-суток отопительного периода; здесь высокая потребность в обеспечении тепла предопределила использование высокотехнологичных систем центрального теплоснабжения («скандинавская модель»). Большая часть стран Евросоюза относится к группе от 2000 до 3999 градусо-суток с показателем, близким к среднеевропейскому – около 3000 градусо-суток.

Группу с наименьшими потребностями в теплоснабжении, ниже 2000 градусо-суток, образуют Греция, Испания, Португалия, Мальта и Кипр (см. рис. 1). Пограничное положение в этой группе занимает Италия, север которой по своим климатическим характеристикам остро нуждается

[3] См. напр.: (Алиев, Исмаилова 2015; Дигилина, Верстин 2022)

в теплоснабжении. В силу значительной разницы между южными и северными регионами страны для анализа стратегий экологизации теплоснабжения Италия представляет собой нерепрезентативный комбинированный случай. Со своей стороны, островные Мальта и Кипр имеют выраженную специфику, связанную с обособленностью от материковой части Европы. Эти государства корректнее рассматривать в составе группы островных архипелагов стран Евросоюза, в частности, португальских Азорских островов и Мадейры, крупнейших греческих островов (Крита, Родоса и прочих), а также испанских Канарских и Балеарских островов. Исходя из этого, в данной статье внимание уделено Греции, Испании и Португалии без учёта островных территорий.

Рисунок 1. Среднегодовое количество градусо–суток отопительного сезона в странах ЕС за период 2008–2022 гг.
Picture 1. Average annual heating-degree days in EU countries in 2008–2022

Источник: Расчёты автора на основе данных Energy Statistics – Heating Degree Days by country annual data. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/product/page/NRG_CHDD_A$DEFAULTVIEW (accessed 03.02.2025)

Помимо климатической схожести данную группу стран объединяет ряд социально-экономических факторов (приведены данные на 2022 г.): уровень фактического индивидуального потребления (AIC) ниже среднеевропейского (86% Испания, 87% Португалия и 78% Греция)[4] и относительно высокий уровень безработицы (13% Испания и Греция, 6% Португалия)[5].

Европейская стратегия декарбонизации теплоснабжения и вопросы её применимости в странах Южной Европы

Наиболее продвинутой в плане экологизации и обеспечения теплоснабжения в ЕС считается так называемая «скандинавская модель». Если среднеевропейский уровень ВИЭ в теплоснабжении составляет 21,9%, то в Швеции, Финляндии, Латвии и Эстонии этот показатель превышает 50% (см. табл. 1). Добиться успехов в декарбонизации теплоснабжения этим странам помогло наличие систем центрального теплоснабжения.

Таблица 1. Доля ВИЭ в конечном потреблении энергии для нужд теплоснабжения и охлаждения в ЕС в 2021 г., %.
Table 1. Share of energy from renewable sources for heating and cooling in 2021, %

Страна ЕС		Страна ЕС	
Швеция	68,6%	**Румыния**	24,5%
Эстония	61,3%	**Франция**	24,2%
Латвия	57,4%	**Чехия**	24,2%
Финляндия	52,6%	**Польша**	21,0%
Литва	48,6%	**Италия**	19,7%
Португалия	42,7%	**Словакия**	19,5%
Дания	41,5%	**Венгрия**	17,9%
Кипр	41,3%	**Испания**	17,4%
Хорватия	38,0%	**Германия**	15,4%
Австрия	35,5%	**Люксембург**	12,9%
Словения	35,2%	**Бельгия**	9,2%
Мальта	31,4%	**Нидерланды**	7,8%
Греция	31,1%	**Ирландия**	5,2%
Болгария	25,6%		

Источник: Составлено автором на основе данных Energy Statistics – Renewables Shares. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/energy/database/additional-data#Short%20assessment%20of%20renewable%20energy%20sources%20(SHARES) (accessed 03.02.2025)

[4] Actual individual consumption per capita in 2022. *Eurostat database.* URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/PRC_PPP_IND__custom_6607334/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=b8178360-9d11-4b39-bc6d-0851a6fc8735 (accessed 03.02.2025)

[5] Unemployment by sex and age – annual data. *Eurostat database.* URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/UNE_RT_A/default/table?lang=en (accessed 03.02.2025)

В Швеции, Дании и Финляндии курс на масштабное развёртывание систем центрального теплоснабжения был взят в 1960–70-е гг. Централизация выработки тепла позволила отказаться от большого количества домовых печей, что имело положительный экологический эффект уже в те годы. Впоследствии, когда замещение углеводородного сырья возобновляемыми источниками энергии стало требованием климатической политики, концентрация производства тепла упростила реализацию мер по декарбонизации, в частности, модернизацию котельных и ТЭС для работы на биомассе или установку промышленных тепловых насосов (Abbasi et al. 2021).

Таким образом, «скандинавская» модель декарбонизации теплоснабжения предложила Евросоюзу эффективный вариант решения экологических задач. В настоящее время в ЕС разрабатываются и реализуются проекты высокотехнологичных интегрированных систем центрального теплоснабжения, классифицируемые как системы четвёртого и пятого поколений. Продвинутые системы третьего поколения, помимо передачи тепла в жилища от котельных (как системы второго поколения), способны принимать сбросное тепло от промышленных предприятий, а зачастую и работать в режиме как отопления, так и охлаждения. Системы четвёртого поколения ориентированы на питание от распределённых (преимущественно) возобновляемых источников тепловой энергии; в этих системах цифровые системы диспетчирования глубоко интегрированы с электроэнергетикой, что позволяет накапливать избыточную энергию в качестве тепла. Важной инновацией стало уменьшающее теплопотери снижение температуры теплоносителя до 60–70°C (Lund et al. 2021). Системы пятого поколения, как ожидается, будут работать при более низких температурах теплоносителя, обеспечивая теплообмен для тепловых насосов у конечных потребителей (Buffa et al. 2019). Подразумевается, что эти новые системы будут ориентированы преимущественно на ВИЭ.

При всех преимуществах потенциал сетей централизованного теплоснабжения ограничен рядом условий. Прежде всего, строительство этих сетей требует высоких инвестиций, которые экономически оправданы при высокой плотности населения и застройки в районах потребления тепла. Кроме того, предполагается, что потребность в тепле должна превышать необходимый минимум продолжительности отопительного сезона – неслучайно системы центрального теплоснабжения распространены в государствах с холодным климатом. Порог необходимого минимума потребления тепла постепенно снижает развитие технологий, открывая возможности по использованию централизованных систем в регионах с более мягким климатом.

Скандинавский опыт развития экологичных систем центрального теплоснабжения стал одним из элементов государственной климатической политики в Австрии, Германии, Нидерландах, Ирландии, Венгрии, Чехии, Польше, Словакии, Болгарии и во Франции – то есть преимущественно в странах со средней

потребностью в теплоснабжении. На первый взгляд, скандинавская модель непригодна для климатических условий европейского юга; однако это предположение не совсем верно.

Следует учитывать, что климат исследуемых южноевропейских стран неоднороден даже в пределах одной страны. Так, в Испании выделяют пять климатических зон, Греции – четыре, в Португалии – три, притом разные для зимы и лета. И в этих странах существуют регионы, более требовательные к теплоснабжению. Так, на севере Греции регионы Западная и Центральная Македония имеют более высокую потребность в теплоснабжении, в отдельные годы превышающую 2500 градусо-суток. Аналогичная ситуация на севере и в центре Испании, с максимальными значениями в провинциях Бургос, Леон, Паленсия и Гвадалахара.

Тем самым, как минимум, в отдельных регионах стран южной Европы строительство систем центрального теплоснабжения вполне оправдано, и даже имеет успешные примеры внедрения.

Теплоснабжение в странах Южной Европы: теплоцентрали или распределённая теплогенерация?

Существующие в южноевропейских странах системы центрального теплоснабжения в большинстве своём были построены в эпоху, когда экологизация ещё не присутствовала в глобальной повестке дня. Тем не менее уже само их существование облегчает решение задач климатической политики: воздействие на ограниченный круг крупных предприятий всегда более адресно, нежели субсидирование отдельных слоёв населения или большого числа домохозяйств, особенно если речь идёт о когенерации тепловой и электроэнергии. Исходя из этих соображений, государственные программы по отказу от угольной генерации электроэнергии включают в себя комплекс мер по экологизации теплоснабжения.

Рассмотрим пример Греции.

В стране преобладают домовые отопительные системы, в которых используются котлы на нефтепродуктах (48%) и природном (12%) или сжиженном (3%) газе. На долю печей и каминов, использующих биомассу (древесное топливо), приходится 29%[6].

[6] Hellenic Government. Report on the long-term strategy for renovating the stock of public and private buildings and transforming it into a decarbonised and highly energy efficient stock of buildings by 2050, facilitating the cost-effective transformation of existing buildings into nearly zero-energy buildings. 2021. *Εφημεριδα τησ Κυβερνησεωσ τησ Ελληνικησ Δημοκρατιασ*. Τεύχος B’ 974/12.03.2021. 11326. URL: https://energy.ec.europa.eu/system/files/2022-02/2020%20LTRS%20EL.pdf (accessed 03.02.2025)

Доля систем центрального теплоснабжения в общем потреблении тепла жилого фонда составляет 2%, и перспективы её увеличения не просматриваются. Существующие семь городских систем работают при буроугольных ТЭС. Между тем, согласно Национальному закону о климате 2022 г., производство электроэнергии на буром угле должно быть поэтапно прекращено к 2029 г.[7]. В случае закрытия буроугольных электростанций, работающих в режиме когенерации, возникает вопрос сохранения и декарбонизации теплофикационного цикла. Так, в рамках модернизации системы центрального теплоснабжения, связанной с закрытием ТЭЦ «Аминдеон», построена котельная на биомассе. В Мегалополисе система центрального теплоснабжения была дополнена котельной на природном газе. В Козани и Птолемаиде в связи с закрытием угольных ТЭС предусмотрено строительство мощностей по подогреву горячей воды для теплоснабжения на основе электроэнергии, а впоследствии – газовой когенерации на мощностях, возводимых в Кардии.

В Греции отсутствует система государственных мер, направленных на продвижение ВИЭ в системах центрального теплоснабжения. Упомянутые выше проекты инициированы энергетическими компаниями (хотя и с государственным участием), вынужденными в условиях закрытия буроугольных ТЭС искать экономически обоснованные способы эксплуатации теплоцентралей, выполняющих важную социальную функцию. Европейское требование декарбонизации энергетики побуждает компании искать экологичные решения для замещения выбывающих буроугольных мощностей. Однако этого явно недостаточно, и в существующих проектах не просматривается инновационных технических решений, а ряд из них вообще опирается на замену угля природным газом.

Выше было отмечено широкое использование дровяного отопления; эта особенность Греции, а также Испании и Португалии объясняется не только традициями, но и дешевизной древесины (Stojilovska et al. 2023). Высокая доля дровяного отопления косвенно свидетельствует об уровне энергетической бедности в стране.

В Испании ситуация с развитием теплосетей складывается по-иному. Центральное теплоснабжение здесь сконцентрировано в 15 крупнейших городских системах, но в последнее десятилетие в разных регионах страны создаются небольшие локальные системы централизованного теплоснабжения. Их число уже превышает 500, а общая установленная мощность примерно равна совокупной мощности упомянутых выше 15 систем. Строительство локальных систем ведут муниципалитеты. Об их активности в данном направлении свидетельствует двукратный рост количества систем за 2015–2022 гг. (с 247 до 516),

[7] National Climate Law 4936/2022 on the transition to climate neutrality and adaptation to climate change. URL: https://faolex.fao.org/docs/pdf/gre212995.pdf (accessed 03.02.2025)

при том что в силу их небольших размеров общая мощность увеличилась незначительно – на 47% (см. рис. 2). Подавляющее большинство этих систем имеют в качестве источника тепловой энергии биомассу (401) и прочие ВИЭ, такие как геотермальные, солнечные, биогаз. Поскольку крупнейшие теплоцентрали страны ориентированы на природный газ, увеличение доли ВИЭ в центральном теплоснабжении обеспечивается именно местными системами.

Рис. 2. Прирост количества и общей установленной мощности систем центрального теплоснабжения в Испании в 2015–2022 гг., единицы и МВт
Picture 2. Quantity and installed capacity growth of district heating in Spain (2015-2022), units and MW

Источник: Составлено автором на основе статистики Испанской ассоциации сетей теплоснабжения Asociación de Empresas de Redes de Calor y Frío, ADHAC. 2023. Censo de redes de calor y frío 2022. URL: www.adhac.es (accessed 03.02.2015).

Отметим географическую неравномерность распространения теплосетей: почти 40% от общего числа систем централизованного теплоснабжения находятся в Каталонии, 13% – в Кастилии и Леоне, около 9% – в Наварре и Стране Басков.

Причины столь динамичного, но неравномерного развития следует искать в особенностях регулирования данной сферы, а точнее – в особенностях принятия решений на трёх уровнях управления и взаимодействия между ними. В Испании после мирового финансового кризиса 2008 г. произошла смена концепции урбанистической политики. На смену неолиберальной модели экстенсивного роста пришла политика, ориентированная на модернизацию и реабилитацию существующей городской среды, ведущая роль в которой была отведена местным органам власти (Bellet Sanfeliu 2021). Муниципалитетам были расширены возможности по развитию городских инфраструктур.

На государственном уровне параметры экологизации заданы в Законе об изменении климата и энергопереходе (2021) и в Национальном плане в области энергетики и климата (2019). Связующим звеном между национальными задачами госполитики и местными инициативами выступают автономные сообщества, которые должны определять детали реализуемой климатической политики. Именно на этом уровне наблюдается различие в подходах: если Каталония и Страна Басков закрепили цели по декарбонизации до 40% к 2030 г. и до 100% к 2050 г., то другие автономные сообщества установили менее амбициозные задачи, а некоторые, среди которых Мадрид, Риоха и Мурсия, вообще отказались от подобного целеполагания (Rodriguez et al. 2021).

Схожая картина складывается в отношении сетей центрального теплоснабжения и их декарбонизации. Так, автономное сообщество Кастилия и Леон закрепило на региональном уровне содействие декарбонизации городской среды и, следуя этой цели, поощряет развитие экологичных сетей центрального теплоснабжения. В частности, в 2019 г. в Аранда-де-Дуэро была запущена первая в Испании инновационная система, использующая в качестве источников энергии как биомассу, так и сбросное тепло промышленного предприятия – завода по производству автопокрышек «Мишлен».

Автономные сообщества занимаются также распределением средств, выделяемых по Плану восстановления, преобразования и обеспечения устойчивости (PRTR), который правительство Испании разработало применительно к использованию Фонда восстановления европейской экономики «ЕС следующего поколения» (*Next Generation EU*). В этом Плане вопросы экологизации теплоснабжения включены в несколько программ, однако особо следует отметить 100 млн евро, выделенных на развитие экологичных систем центрального теплоснабжения как по новым проектам, так и при модернизации или расширении действующих систем. Центральное теплоснабжение покрывает лишь 1% потребности в теплоснабжении, Испания располагает высоким потенциалом для развития экологичных централизованных систем.

В настоящее время основным видом отопления в стране остаются индивидуальные решения домохозяйств и многоквартирных домов. Доля котельного оборудования на природном газе составляет чуть более половины (53%), около 21% приходится на дровяные печи, электроотопительные приборы занимают 18%, около 6% жилого фонда не имеет никаких систем отопления[8].

В Португалии в части развития систем центрального теплоснабжения наблюдается принципиально иная картина. Крупнейшая теплоцентраль находится в Лиссабоне и обслуживает лишь один из районов города – Парк Наций. На долю этой системы приходится 95% всего потребления. Вторая, гораздо

[8] SPAHOUSEC II: Análisis estadístico del consumo de gas natural en las viviendas principales con calefacción individual. Madrid. 2019. *The Institute for the Diversification and Saving of Energy.* 86 p. URL: https://www.idae.es/sites/default/files/documentos/publicaciones_idae/estudio_spahousec-ii_270619.pdf (accessed 03.02.2025)

меньшая система, располагается в пригороде Лиссабона Оэйраш. Теплоцентраль Парка Наций построена по передовой для своего времени технологии, при которой установка тригенерации на природном газе поставляет потребителям горячую воду для отопления и горячего водоснабжения, и охлаждённую воду для кондиционирования. Эксплуатирующая организация Climaespaço (дочернее предприятие французской Engie) подчёркивает факт экономии энергоресурсов и снижения выбросов CO_2 при реализованном централизованном решении на 40% по сравнению с гипотетическим распределённым вариантом, однако тригенерация осуществляется на природном газе, и планы по переходу на ВИЭ в публичном пространстве не анонсированы, хотя у системы есть такой потенциал.

Несмотря на передовое для конца 1990-х гг. технологическое решение, применённое в Лиссабоне, системы централизованного теплоснабжения не получили распространения, притом, что схожие решения были реализованы Engie позднее в других странах, и в том числе, в Испании. Причины такой ситуации разные.

Прежде всего, исторически отсутствие теплоснабжения не рассматривалось в Португалии как серьёзная проблема. В стране также отсутствовали такие крупные источники дешёвой тепловой энергии, как буроугольные электростанции, при которых зачастую строились установки когенерации. В отличие от строительства новых городских районов либо комплексной реабилитации бывших промзон, как это было с районом Парка Наций в Лиссабоне, возведённого к всемирной выставке «Экспо-98», прокладка тепловых сетей в исторических районах португальских городов представляет собой сложную задачу[9].

Развитие сетей централизованного теплоснабжения сдерживает также высокая стоимость первоначальных инвестиций. Упомянутая выше система теплоснабжения в Парке Наций была построена за счёт госфинансирования в рамках подготовки к всемирной выставке[10]. Финансирование новых проектов организуют муниципалитеты. Впрочем, известно большое количество различных типовых концессионных схем, частно-государственного партнёрства и прочих вариантов успешного решения этих вопросов финансирования, тем более при наличии структурных фондов ЕС.

Вероятно, основной причиной следует считать специфику жилищного строительства в стране, изначально пренебрегавшего вопросами теплоизоляции и теплового комфорта.

[9] Модернизация систем центрального теплоснабжения в исторических центрах старых европейских городов (например, в Кракове, Таллине, Памплоне), как правило, опиралась на существующие сети.

[10] Для понимания масштабов выделенных в то время средств напомним, что за счёт госбюджета был построен длиннейший в Западной Европе мост Васко да Гама.

Низкая энергоэффективность жилого фонда южноевропейских стран как социальная проблема

Первый строительный регламент с минимальными требованиями по теплоизоляции к новым зданиям появился в Португалии в 1990 г. Ужесточение установленных этим регламентом строительных нормативов было проведено в порядке имплементации директив ЕС по энергоэффективности зданий 2002/91/ЕС и 2010/31/ЕС.

Согласно данным Национального института статистики Португалии, по состоянию на 2021 г. почти половина зданий жилого фонда построены до 1980 г., а 32% – в 1981–2000 гг.[11]. В итоге около 75% зданий имеют недостаточную теплоизоляцию (Gouveia, Palma 2021). Эту оценку косвенно подтверждает информация по сертификатам энергоэффективности: в начале 2023 г. из общего числа в 1,8 млн выпущенных сертификатов доля энергоэффективности классов А и В составила лишь 34%. Учитывая, что сертификат обязателен для новых строений, а также при переходе прав собственности, приведённый показатель в большей степени учитывает новое строительство. Тем не менее эта цифра подтверждает сравнительно малое количество энергоэффективных зданий.

Согласно статистике Евростата, в 2020 г. около 25% португальцев проживали в домах с протекающей крышей, сырыми стенами, полом или подвалами, либо гнилыми оконными рамами или полом[12]. В Евросоюзе это второй (после Кипра) показатель; в Греции он составляет 12–13%, в Испании – 15–17%. При этом, согласно данным на 2021 г. Национального института статистики Португалии, лишь 4,6% жилых зданий нуждались в значительных ремонтных работах, 9,4% – в средних, а 64% – не требовали ремонта.

В последние десятилетия в Португалии темпы ввода нового жилья замедлились. Если за 1961–1980 гг. было построено 27% имеющихся жилых строений, а в 1981–2000 гг. – 32%, то в 2001–2010 гг. – 15%, а с 2011 по 2021 гг. – лишь 3%. Таким образом, происходит старение жилого фонда: на каждые 100 новых зданий, построенных после 2011 г., приходится 747 зданий, возведённых до 1960 г.

В этих условиях прокладывать сети центрального теплоснабжения не рационально: высокие теплопотери из-за низкой энергоэффективности старой застройки означали бы высокие расходы домохозяйств на отопление. Даже в районе Парк Наций некоторые жильцы отказываются от центрального отопления из-за его дороговизны.

---

[11] Estatísticas da Construção e Habitação 2022. 2023. Lisboa. *Instituto Nacional de Estatística*. URL: https://www.ine.pt/xurl/pub/280978640 (accessed 03.02.2025)

[12] Share of total population living in a dwelling with a leaking roof, damp walls, floors or foundation, or rot in window frames of floor – EU–SILC survey. 2021. Database. *Eurostat*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/product/view/tessi292?lang=en (accessed 03.02.2025)

Основной альтернативой центральному отоплению в Португалии выступает индивидуальное котельное оборудование, имеющее подключение к разводке отопительных труб, проложенных, как правило, в одном доме или в квартире. В квартирах котлы преимущественно газовые и работают от магистрального газа. В домах, наряду с газом, источниками могут быть печное топливо, дрова, древесные гранулы и пр. Как правило, индивидуальным квартирным отоплением оборудуются новые здания, при этом квартиры сдаются с предустановкой труб без монтажа радиаторов и котельного оборудования, которое впоследствии устанавливается по усмотрению владельцев. В результате в одном доме систему газового отопления может иметь только часть квартир. В целом по стране лишь 14% жилищ оборудованы индивидуальным газовым отоплением (в новых зданиях эта доля составляет 33%). Эта доля варьируется от региона к региону с наиболее высокими значениями (35–40%) на севере Португалии[13]. Почти 22% жилищ, включая квартиры, имеют в доме дровяной камин, а ещё 6% – отдельно стоящую отопительную печь. 28% домохозяйств используют для отопления автономные индивидуальные приборы – электрические радиаторы, автономные мобильные обогреватели на сжиженном природном газе. 30% домохозяйств не отапливает жилище, предпочитая компенсировать пониженные температуры тёплой одеждой и тёплым постельным бельём, а также пребыванием по возможности на улице, где в солнечные дни может быть комфортнее, чем в холодном доме.

Анализ описанной поведенческой стратегии выходит за рамки настоящего исследования, однако можно отметить две её основных причины. Прежде всего, это социокультурные особенности, в силу которых в условиях средиземноморского климата обогрев домов не рассматривается людьми как приоритет по сравнению с другими базовыми потребностями (Horta et al. 2019). Согласно опросам населения, многие считают отопление излишеством или ненужной роскошью (Gouveia, Seixas et al. 2021). Подобная модель поведения особенно характерна для людей пожилого возраста, составляющих в настоящее время значительную социальную группу.

Второй причиной сознательного отказа от отопления исследователи называют низкую энергоэффективность домов. Есть серьёзный разрыв между фактическим потреблением энергии на обогрев и расчётным, необходимым для обеспечения комфортной температуры (Palma et al. 2019). В частности, в центральных районах Лиссабона с исторической застройкой этот разрыв превышает 80%. При низкой теплоизоляции полноценный обогрев жилища –

[13] Presidency of the Council of Ministers of Portugal. 2021. Long-Term Building Renovation Strategy under the Energy Performance of Building Directive (Art. 2a) *Portuguese Official Gazette*. 1st series.16. 1–87. URL: https://energy.ec.europa.eu/system/files/2021-02/pt_2020_ltrs_0.pdf (accessed 03.02.2025)

задача невыполнимая либо крайне затратная, поэтому люди и не пытаются обеспечить комфортную температуру в доме, обогревая только комнату, в которой находятся сами.

Описанную ситуацию можно рассматривать как проявление энергетической бедности, борьбе с которой посвящено отдельное направление на стыке социальной и энергетической политик ЕС и входящих в него стран. Еврокомиссия под энергетической бедностью понимает совокупность условий, в которых домохозяйства не могут обеспечить адекватное отопление своих жилищ по доступной цене ввиду низких доходов населения, высоких цен на энергоресурсы и низкой энергоэффективности жилищ (Middlemiss et al. 2019). На решение данной проблемы направляются меры социальной политики (прямые денежные трансферты, социальные тарифы на энергоресурсы и пр.) и энергетической политики (в первую очередь, повышение энергоэффективности зданий и систем отопления) (Primc, Slabe-Erker 2020).

Проблемы, обусловленные низкой энергоэффективностью жилого фонда, характерны и для Греции. Первый строительный регламент по теплоизоляции зданий появился здесь ещё в 1980 г., но более половины жилья (56%) было построено ранее. Регламент 1980 г., предусматривавший ограниченный набор параметров, просуществовал в неизменном виде до 2010 г., когда были введены нормативы в соответствии с Директивой по энергоэффективности зданий ЕС (2010). В итоге здания, построенные в 1980–2010 гг., а это 43% жилого фонда, тоже имеют низкий уровень теплоизоляции. При оценке энергоэффективности по системе сертификатов здания постройки до 1980 г. попадают в категорию G и ниже, а периода 1980–2009 гг. – в категорию D и C. Статистика выданных сертификатов подтверждает эту картину: 61% категории E и G, 36% D и C. Сертификаты выше уровня B получают лишь новые здания[14].

В отличие от Греции и Португалии, в Испании внедрение строительных нормативов по теплоизоляции началось с 1960-х гг., причём в последующие десятилетия требования последовательно повышались (Bienvenido-Huertas 2020); значимые этапы ужесточения норм относятся к 1977 и 2006 гг. (Gangolells et al. 2019). Соответственно, по времени постройки здания можно разделить на следующие периоды: до 1960 г. (17% жилого фонда), с 1961 до 1980 г., когда вступил в силу регламент 1977 г. (34%), с 1981 по 2007 гг. (44%) и после 2008 г. (5%). Итак, около половины жилых зданий были построены до 1980 г. и не удовлетворяют современным нормам энергоэффективности)[15].

---

[14] Hellenic Government. Report on the long-term strategy for renovating the stock of public and private buildings and transforming it into a decarbonised and highly energy efficient stock of buildings by 2050, facilitating the cost-effective transformation of existing buildings into nearly zero-energy buildings. 2021. *Εφημεριδα τησ Κυβερνησεωσ τησ Ελληνικησ Δημοκρατιασ*. Τεύχος B’ 974/12.03.2021. 11326. URL: https://energy.ec.europa.eu/system/files/2022-02/2020%20LTRS%20EL.pdf (accessed 03.02.2025)

[15] Update of the long-term strategy for energy renovation in the building sector in Spain. 2020. *Ministry of Transport, Mobility and the Urban Agenda of Spain*. Ref. Ares(2020)3167001 – 18/06/2020. URL: https://energy.ec.europa.eu/system/files/2020-06/es_ltrs_2020_0.pdf (accessed 03.02.2025)

Несмотря на региональные различия, в рассматриваемых странах Южной Европы менее половины жилых зданий имеют ограниченную энергоэффективность, около половины были построены до принятия первых нормативов по теплоизоляции и лишь менее 5% отвечают современным требованиям (см. рис. 3).

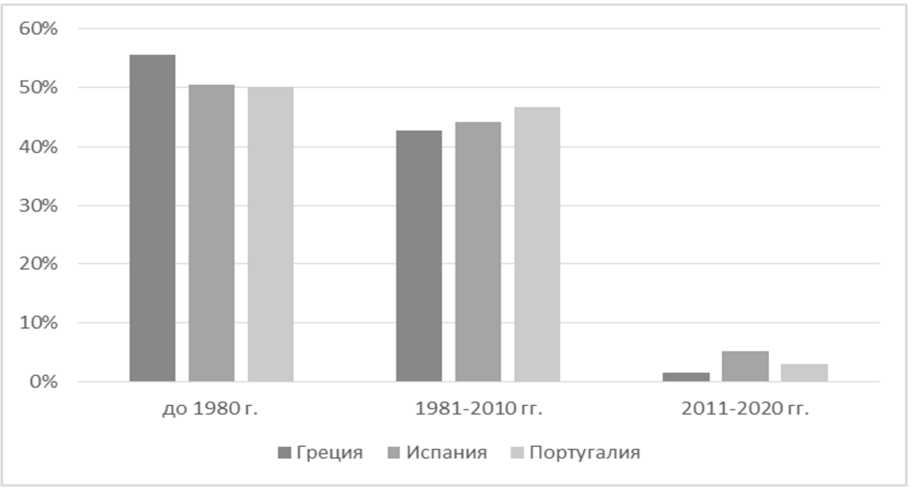

Рис. 3. Доля зданий в странах Южной Европы в зависимости от года постройки, %, 2021.
Picture 3. Share of buildings according to years of construction in South Europe, as of 2021.

Источник: Расчёты автора на основе данных Статистического ведомства Испании, Статистического ведомства Португалии и Долгосрочной стратегии реновации Греции. URLt: https://www.ine.es, https://www.sce.pt/estatisticas/, https://www.statistics.gr

Реновация как ключ к декарбонизации и решению проблемы энергетической бедности

В описанных условиях государство принимает меры, нацеленные на повышение энергоэффективности зданий, ожидая целого ряда положительных результатов. Улучшение качества жилого фонда позволяет снизить расходы населения на отопление, а следовательно, и показатели энергетической бедности. Снижение потребности в отоплении позволяет уменьшить расход энергоресурсов, и, соответственно, выбросы CO_2. Наконец, реновация зданий открывает возможности для модернизации индивидуального отопительного оборудования, которое может быть в идеальном случае заменено на экологичное, работающее на ВИЭ.

Получается, что такой комплексный подход к реновации зданий позволяет решить целый узел проблем климатической и социальной повесток. С точки зрения климатической политики обеспечивается достижение целей по повышению энергоэффективности, снижению выбросов CO_2 в атмосферу, а также

увеличение доли ВИЭ в теплоснабжении, в то время как улучшение ситуации с энергетической бедностью имеет положительный эффект для достижения задач социальной политики.

Существенный минус данного подхода – высокие затраты собственников жилья. Как правило, собственник не склонен вкладывать деньги в проекты, отдача от которых не ощутима в краткосрочной перспективе, более того, у собственника могут отсутствовать средства на подобные инвестиции, что особенно актуально в рассматриваемых странах. Поэтому для реализации амбициозных задач государственной политики в данной сфере требуется привлечение госфинансирования; страны европейского юга, медленно оправляющиеся от последствий мирового финансового кризиса 2008 г. и последовавших потрясений, едва ли могут позволить себе подобные расходы.

В описанной ситуации помощь пришла со стороны Евросоюза. В рамках его климатической повестки был востребован универсальный подход к мерам по декарбонизации теплоснабжения с учётом того обстоятельства, что проблема с энергоэффективностью зданий, пусть и в разной степени, но присуща всем странам Евросоюза, вне зависимости от характеристик их теплопотребления. На решение проблемы декарбонизации теплоснабжения нацелена масштабная программа «Волна реновации» (*The Renovation Wave*)[16], которая включена в состав «Зелёной сделки», а также последующих инициатив «Готовность 55» и REPowerEU. Общей целью программы «Волна реновации» заявлено удвоение темпов реновации в Евросоюзе. Ещё в 2016 г., предлагая поправки к Директиве по энергоэффективности зданий[17] в рамках энергопакета «Чистая энергия для всех европейцев» (*Clean Energy For All Europeans*), Еврокомиссия указывала на необходимость ежегодных темпов реновации зданий в 3% для достижения целей по снижению выбросов и росту энергоэффективности к 2030 г. (Кавешников 2018). Актуальные темпы реновации в Евросоюзе Еврокомиссия оценивает в среднем в 1% в год. Таким образом, удвоение темпов реновации, заданное новой программой, означает ежегодные темпы в 2%, что также ниже необходимых 3%. Данные цели не являются обязательными (за исключением целевого показателя в 3% реновации правительственных зданий ежегодно), оставляя странам ЕС пространство для манёвра (Castellazzi et al. 2022).

Основными нормативными документами, определяющими ключевые нововведения программы «Волна реновации», остаётся комплекс доработанных под новые цели директив: по энергоэффективности зданий, общей энергоэффективности и, в меньшей степени, по развитию энергии из возобновляемых

[16] A Renovation Wave for Europe – greening our buildings, creating jobs, improving lives. 2020. *European Commission*. COM(2020) 662 final. Brussels, 14.10.2020. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0662 (accessed 03.02.2025)

[17] Directive (EU) 2018/844 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive 2010/31/EU on the energy performance of buildings and Directive 2012/27/EU on energy efficiency. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018L0844&from=EN (accessed 03.02.2025)

источников. Среди наиболее интересных нововведений выделим появление минимальных общеевропейских требований по энергоэффективности зданий, что в теории должно ускорить реновацию наименее энергоэффективных старых строений. Следует отметить усовершенствования в процедурах сертификации зданий, углубление концепции зданий с нулевым выбросом углерода, введение понятия «глубокой реновации», паспортов реновации. Введённая увязка показателей энергоэффективности здания с количеством его выбросов CO_2 в атмосферу даёт возможность снижать выбросы как путём повышения энергоэффективности конструкции здания (например, за счёт утепления), так и за счёт улучшения теплового оборудования, включая автоматизацию и перевод на ВИЭ или низкоуглеродные источники энергии.

На поддержку реновации Евросоюз через свои структурные фонды предоставляет странам значительные финансовые средства. При этом размер субсидий домохозяйствам, которые проводят реновацию, поставлен в зависимость от доходов этих домохозяйств, то есть учитывается фактор энергетической бедности. Кроме того, субсидии предоставляются на замену отопительного оборудования более энергоэффективными и экологичными его видами, что, по сути, стало основной стратегией экологизации теплоснабжения стран Южной Европы.

Сказанное убедительно демонстрирует пример Греции, где для повышения энергоэффективности жилищ и модернизации котельного оборудования была принята программа «Экономлю дома» (Εξοικονομώ Κατ' Οίκον) (2007–2013, 2014–2020). По этой программе выделялись средства для компенсации расходов на улучшение теплоизоляции стен и крыши, установку энергосберегающих окон и модернизацию систем отопления, в особенности при установке теплового насоса или системы подогрева воды от солнечной энергии. Доступ к финансированию предоставлялся домохозяйствам с совокупным доходом ниже 50 тыс. евро. В зависимости от размера дохода субсидии покрывали от 50 до 70% расходов домохозяйства. Популярности Программы способствовало то обстоятельство, что деньги предоставлялись в форме ссуды, часть которой затем закрывалась субсидией, то есть домохозяйствам не нужно было располагать необходимой для реализации своего проекта суммой и тратить на первоначальном этапе собственные деньги. Всего в рамках программы за период 2011–2020 гг. было выделено 721 млн евро, из которых 85% предоставил ЕБРР. В настоящее время в Греции работает программа «Экономлю – становлюсь независимым» (Εξοικονομώ – Αυτονομώ) (с 2021), по которой при определённых условиях размер субсидии для наименее защищённых слоёв населения компенсирует 85–95% расходов, а максимальные затраты на проект составляют 50 тыс. евро. Общий бюджет программы, рассчитанной на 10 лет, равен 850 млн евро.

В Португалии различные программы улучшения энергоэффективности зданий действуют с конца 2000-х гг. Наиболее значительные с финансовой точки зрения были программы, реализовавшиеся Фондом энергетической

эффективности (*Fundo de Eficiencia Energetica*). Так, программа 2018 г. предусматривала бюджет субсидий в размере 1,8 млрд евро на модернизацию котельного оборудования до класса А+ и улучшение теплоизоляции стен и крыши. Среди актуальных следует выделить «План восстановления и устойчивости» (*Plano de Recuperação e Resiliência*), финансируемый из фонда «ЕС нового поколения». Эта программа, рассчитанная на 2021–2026 гг., среди прочего содержит меры по повышению энергоэффективности зданий с общим бюджетом 610 млн евро, из которых 300 млн будут направлены на реновацию жилого фонда. В рамках программы выделяются субсидии на улучшение теплоизоляции зданий и замену отопительного оборудования на более экологичное. Программа охватывает здания до 2006 г. постройки и позволяет компенсировать до 85% затрат, в зависимости от вида произведённых работ. Важной задачей декларирована борьба с энергетической бедностью, однако никаких преференций в зависимости от размера располагаемого дохода программа не содержит, поскольку на решение проблем энергетической бедности в Португалии направлены иные меры – прежде всего, социальной политики, например, социальный тариф на электроэнергию (Kyprianou et al. 2019).

В Испании программы по повышению энергоэффективности жилого фонда реализуются децентрализовано на уровне автономных сообществ, что предопределяет их разнообразие. В национальном бюджете на 2018–2021 гг. на эти цели было выделено около 1,4 млрд евро. Обобщая опыт Испании, можно отметить, что программы, направленные на повышение энергоэффективности зданий, предусматривают отдельные меры, повышающие их привлекательность для беднейших слоёв населения. Борьбе с энергетической бедностью в Испании посвящена специальная Национальная стратегия на период 2019–2024 гг., в которой выделяются различные виды энергетической бедности и подходы к решению этой проблемы. В частности, если затраты домохозяйства на теплоснабжение более чем вдвое превосходят средний показатель, то ожидается, что улучшение теплоизоляции жилого строения позволит снизить расходы этого домохозяйства и улучшит жилищный комфорт. В Стратегии признаётся наличие «скрытой» энергетической бедности, когда низкие расходы домохозяйства на теплоснабжение объясняются сознательным отказом от отопления и, соответственно, теплового комфорта. И в этом случае повышение энергоэффективности жилища рассматривается в Стратегии как мера, которая будет иметь положительный эффект.

Программы реновации жилых зданий и экологизации систем теплоснабжения не обеспечивают кардинального решения проблемы энергетической бедности, но снижают её остроту. Для поддержки уязвимых групп населения в условиях роста расходов на энергоносители наилучшим образом себя зарекомендовали меры социальной политики, имеющие адресный характер. Вместе с тем взаимосвязь между повышением энергоэффективности и улучшением

комфортности условий проживания, в том числе для уязвимых групп населения, достаточно очевидна. Качественная теплоизоляции позволяет снизить требования к мощности оборудования климатизациии, что, в свою очередь, снижает расходы домохозяйств.

Заключение

Настоящее исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Передовые технологии декарбонизации теплоснабжения, включающие развитие высокотехнологичных централизованных систем на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и интеграцию значительного числа распределённых теплогенерирующих установок, находят ограниченное применение в странах Южной Европы. Исключением является Испания, демонстрирующая динамичный рост новых экологичных тепловых сетей. Однако в целом основным источником теплоснабжения в регионе остаются индивидуальные решения, основанные на автономных системах отопления.

2. Практический опыт функционирования реализованных проектов высокотехнологичных систем централизованного теплоснабжения в Испании и Португалии подтверждает их технико-экономическую жизнеспособность в климатических условиях Южной Европы. Это свидетельствует о потенциале для дальнейшего распространения подобных решений при наличии соответствующих условий.

3. Однако масштабное внедрение таких систем сдерживается высокой долей старых зданий в жилом фонде, характеризующихся низкой энергоэффективностью. Значительные теплопотери этих строений делают инвестиции в централизованные системы теплоснабжения экономически нецелесообразными.

4. Дополнительной проблемой, связанной с низкой энергоэффективностью зданий, является энергетическая бедность: высокие расходы на отопление вынуждают домохозяйства сокращать потребление тепла вплоть до полного отказа от отопления.

5. Для решения данной проблемы страны Южной Европы реализуют стратегию реновации зданий при финансовой поддержке Европейского союза. Энергоэффективная модернизация жилого фонда в сочетании с обновлением индивидуальных отопительных систем представляет собой комплексную стратегию, направленную на достижение трёх ключевых целей: сокращение выбросов CO_2, повышение энергоэффективности зданий и снижение уровня энергетической бедности.

Выводы, представленные в данной работе, могут быть использованы при исследовании проблемы охлаждения зданий, которая приобретает всё большую актуальность для стран Южной Европы. Потребность в охлаждении особенно высока на Мальте и Кипре, и, согласно прогнозам, в долгосрочной перспективе

она будет возрастать, превышая спрос на теплоснабжение к 2070 г. (Isaac, Vuuren 2009; Mastrucci et al. 2021). В этой связи повышение уровня теплоизоляции зданий способствовало бы поддержанию комфортного микроклимата как в условиях низких, так и высоких наружных температур.

Дополнительный потенциал для расширения экологичных систем центрального теплоснабжения связан с возможностью их интеграции с централизованными системами охлаждения. Примеры успешного внедрения таких комбинированных решений в Испании и Португалии демонстрируют перспективность применения тригенерационных систем в странах Южной Европы. Опыт Испании также указывает на значимость финансовых механизмов поддержки, которые способны стимулировать распространение экологичных локальных систем централизованного отопления и охлаждения.

Об авторе:

Андрей Владимирович Зимаков – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований, Национальный исследовательский институт Мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: andrey.zimakov@yandex.ru.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 620.9:697.1(4-12) + 332.87 + 504.06
Received: September 15, 2024
Accepted: December 26, 2025

Decarbonization of Heat Supply in Southern Europe: Strategy, Challenges, and Social Implications

A.V. Zimakov
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-100-123

Primakov Institute of World Economy and International Relations of RAS

Abstract: This article explores the approaches to decarbonizing heat supply in the residential sectors of three Southern EU countries: Portugal, Spain, and Greece. Unlike Northern European countries, where heat supply decarbonization strategies predominantly rely on the promotion of fourth-generation district heating systems that integrate renewable heat sources, the adoption of this 'Scandinavian model' has been largely ineffective in the Southern European context. Among the countries analyzed, Spain is the only one that has made notable progress in developing decarbonized district heating solutions. However, the broader

implementation of these systems is constrained by the low energy efficiency of residential building stocks in Southern Europe, which leads to high heat losses and discourages investment in district heating infrastructure.
A critical issue exacerbating this challenge is the widespread problem of low energy performance in residential buildings, which not only reduces the feasibility of district heating but also contributes significantly to energy poverty. Higher heating costs place a disproportionate burden on low-income households, further underscoring the urgency of effective decarbonization strategies. In response, the primary approach pursued in Portugal, Spain, and Greece focuses on large-scale building renovations aimed at improving energy efficiency while modernizing individual heating systems. Supported by EU funding, these initiatives include targeted subsidies for economically disadvantaged households, ensuring that the transition to sustainable heating does not exacerbate existing inequalities.
Building renovation as a decarbonization strategy is viewed as a comprehensive solution that simultaneously reduces CO_2 emissions, enhances energy efficiency, and mitigates some of the most pressing socio-economic challenges linked to energy poverty. However, the effectiveness of this approach remains contingent on sustained financial support, technological advancements, and the ability to integrate energy-efficient heating technologies at scale. The article highlights the need for policy coordination between national governments and EU institutions to create a cohesive framework that accelerates the decarbonization of the heat supply sector in Southern Europe while ensuring social equity and economic feasibility.

Keywords: EU, Southern Europe, heating, energy transition, decarbonization, renovation, residential building stock, energy efficiency, energy poverty

About the author:

Andrei V. Zimakov – PhD in Economics, Research Fellow at the Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). 117997, Moscow, Profsoyuznaya St., 23, Russia. E-mail: andrey.zimakov@yandex.ru.

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Abbasi M.H. et al. 2021. Heat Transition in the European Building Sector: Overview of the Heat Decarbonisation Practices through Heat Pump Technology. *Sustainable Energy Technologies and Assessments.* 48(8). 101630. DOI: 10.1016/j.seta.2021.101630

Bellet Sanfeliu C. 2021. The Evolution of Urban Planning in Medium-Sized Catalan Cities (1979–2019). *Urban Science.* 5(2). 36. DOI: 10.3390/urbansci5020036

Bienvenido-Huertas D. 2020. Analysis of the Relationship of the Improvement of Façades and Thermal Bridges of Spanish Building Stock with the Mitigation of Its Energy and Environmental Impact. *Energies*. 13(17). 4499. DOI: 10.3390/en13174499

Buffa S., Cozzinia M., D'Antonia M., Baratierib M., Fedrizzia R. 2019. 5th Generation District Heating and Cooling Systems: A Review of Existing Cases in Europe. *Renewable and Sustainable Energy Reviews.* №104. P. 504–522. DOI: 10.1016/j.rser.2018.12.059

Castellazzi L., Paci D., Zangheri P. et al. 2022. *Assessment of the First Long-Term Renovation Strategies under the Energy Performance of Building Directive (Art. 2a).* European Commission, Joint Research Centre, Publications Office of the European Union. 191 p. DOI: 10.2760/535845

Fowler T. et al. 2015. Excess Winter Deaths in Europe: a Multi-Country Descriptive Analysis. *European Journal of Public Health.* 25(2). April. P. 339–345. DOI: 10.1093/eurpub/cku073

Gangolells M. et al. 2019. Energy Benchmarking of Existing Stock in Spain: Trends and Drivers. *Sustainability*. №11. 6356. DOI: 10.3390/su11226356

Gasparrini A. et al 2015. Mortality Risk Attributable to High and Low Ambient Temperature: a Multicountry Observational Study. *Lancet*. №386. P. 369–375. DOI: 10.1016/S0140-6736(14)62114-0

Gouveia J.P., Palma, P. 2021. Energy Efficiency of the Housing Stock in Portugal. *EP-pedia, ENGAGER COST Action.* URL: https://www.eppedia.eu/article/energy-efficiency-housing-stock-portugal

Gouveia J.P., Seixas J., Palma P., Duarte H., Luz H., Cavadini G.B. 2021. Positive Energy District: A Model for Historic Districts to Address Energy Poverty. Frontiers in Sustainable Cities. №3. 648473. DOI: 10.3389/frsc.2021.648473

Healy J.D. 2003. Excess Winter Mortality in Europe: a Cross Country Analysis Identifying Key Risk Factors. *Journal of Epidemiology and Community Health.* Vol. 57. P. 784–789.

Horta A., Gouveia J. P., Schmidt L., Sousa J. C., Palma P., Simões S. 2019. Energy Poverty in Portugal: Combining Vulnerability Mapping with Household Interviews. *Energy and Buildings.* №203. 109423. DOI: 10.1016/j.enbuild.2019.109423

Isaac M., van Vuuren D.P. 2009. Modeling Global Residential Sector Energy Demand for Heating and Air Conditioning in the Context of Climate Change. *Energy Policy.* №37. P. 507–521. DOI: 10.1016/j.enpol.2008.09.051

Kranzl L. et al. 2022. *Renewable Space Heating under the Revised Renewable Energy Directive.* Luxembourg: Publications Office of the European Union. 226 p. DOI: 10.2833/525486

Kyprianou I., Serghides D. K., Varo A., Gouveia J. P., Kopeva, D., Murauskaite L. 2019. Energy Poverty Policies and Measures in 5 EU Countries: A Comparative Study. *Energy and Buildings.* №196. P. 46–60. DOI: 10.1016/j.enbuild.2019.05.003

Lund H., Østergaard A., Nielsen T., Werner S. 2021. Perspectives on Fourth and Fifth Generation District Heating. *Energy*. 227. 120520. DOI: 10.1016/j.energy.2021.120520

Mastrucci A., van Ruijven B., Byers E. et al. 2021. Global Scenarios of Residential Heating and Cooling Energy Demand and CO_2 Emissions. *Climatic Change.* 168(14). DOI: 10.1007/s10584-021-03229-3

McKee C.M. 1989. Deaths in Winter: Can Britain Learn from Europe? *European Journal of Epidemiology.* Vol. 5. P. 178–182.

Middlemiss L., Ambrosio-Albalá P., Emmel N., Gillard R., Gilbertson J. 2019. Energy Poverty and Social Relations: A Capabilities Approach. *Energy Research & Social Science.* №55. P. 227–235. DOI: 10.1016/j.erss.2019.05.002

Palma P., Gouveia J. P., Simoes S. 2019. Mapping the Energy Performance Gap of Dwelling Stock at High Resolution Scale: Implications for Thermal Comfort in Portuguese Households. *Energy and Buildings.* №190. P. 246–261. DOI: 10.1016/j.enbuild.2019.03.002

Primc K., Slabe-Erker R. 2020. Social Policy or Energy Policy? Time to Reconsider Energy Poverty Policies. *Energy for Sustainable Development.* №55. P. 32–36. DOI: 10.1016/j.esd.2020.01.001

Rodríguez L., Villa D., Mantiñán P. 2021. The Lessons of Public–Private Collaboration for Energy Regeneration in a Spanish City. The Case of Txantrea Neighbourhood (Pamplona). *Sustainability*. 13(4). 1610. DOI: 10.3390/su13041610

Stojilovska A., Dokupilova D., Gouveia J.P., Bajomi A., Tirado-Herrero S., Feldmar N., Kyprianou I., Feenstra M. 2023. As Essential as Bread: Fuelwood Use as a Cultural Practice to Cope with Energy Poverty in Europe. *Energy Research & Social Science.* №97. P. 102987. DOI: 10.1016/j.erss.2023.102987

Vasconcelos J., Freire E., Morais J., Machado J. R., Santana P. 2011. The Health Impacts of Poor Housing Conditions and Thermal Discomfort. *Procedia Environmental Sciences*. №4. P. 58–164. DOI: 10.1016/j.proenv.2011.03.019

Vlassopoulos C. 2020. Persistent Lignite Dependency: The Greek Energy Sector under Pressure. *Energy Policy.* 147(1). P. 111825. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111825

Aliev R.A., Ismailova G.F. 2015. [Zelenaya ekonomika v Azerbajdzhanskoj Respublike: predposylki i napravleniya razvitiya] «Green economy» in the Republic of Azebaijan. Prerequisites and Directions of the Development. *Naukovedenie*. 7(6). 615 p. DOI: 10.15862/107EVN615 (In Russian)

Digilina O.B., Verstin N.A. 2022. Obshchee i specificheskoe v teplosnabzhenii postsovetskih stran Central'noj Azii [Common and Specific Heat Supply in Post-Soviet Central Asia]. *Ekonomika Central'noj Azii*. 6(4). P. 325–340. DOI: 10.18334/asia.6.4.116794 (In Russian)

Kaveshnikov N.Yu. 2018. Evropeiskii Soyuz: ekonomicheskii rost bez rosta energopotrebleniya? [Economic growth in the European Union without growth of energy consumption?] *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*. №4. 41-48. DOI: 10.15211/vestnikieran420184148 (In Russian)

Kvashnin Yu. Sovremennye Afiny: migratsionnye protsessy i paradigmy gorodskogo razvitiya. [Modern Athens: Migration Processes and Paradigms of Urban Development]. *Outlines of global transformations: politics, economics, law.* 13(1). P. 84–101. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-5 (In Russian)

Remizova A. 2020. Razvitie sistemy teplosnabzheniya kak pokazatel' realizatsii sotsial'noi infrastruktury. [District Heating Development as a Social Infrastructure Development Indicator]. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal.* №6. P. 587–595. DOI: 10.24411/2413-046X-2020-10398 (In Russian)

Sumin A.M. 2018. Reformirovanie rynka elektroenergii: opyt Portugalii [Transformatioin of an Electricity Market: Portugal´s Experience]. *Energeticheskaya politika.* №6. P. 139–147. (In Russian)

Yakovlev P. 2020. Formula rosta: ekonomika Portugalii posle "revolyutsii gvozdik" [Growth Formula: Economy of Portugal after the "Carnation Revolution"]. *Cuadernos Iberoamericanos.* 8(3). P. 74–88. DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-3-74-88 (In Spanish)

Yakovleva N., Yakovlev P., Khenkin S., Kudeyarova N., Ermoleva E., Borzova A., Taiar V., Prokhorenko I. 2017. *Ispaniya i Portugaliya v epokhu global'nykh transformatsii* [Spain and Portugal in the Era of Global Transformations]. Moscow: Institute for Latin America RAS. 307 p. (In Russian)

Zimakov A.V. 2019. Evropeiskie strategii ekologizatsii teplosnabzheniya [European Strategic Approaches to Heating Decarbonisation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 63(8). P. 39–46. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-39-46 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Алиев Р.А., Исмаилова Г.Ф. 2015. Зеленая экономика в Азербайджанской Республике: предпосылки и направления развития. *Науковедение*. 7(6). 615 с. DOI: 10.15862/107EVN615

Дигилина О.Б., Верстин Н.А. 2022. Общее и специфическое в теплоснабжении постсоветских стран Центральной Азии. *Экономика Центральной Азии.* 6(4). С. 325–340. DOI: 10.18334/asia.6.4.116794

Зимаков А.В. 2019. Европейские стратегии экологизации теплоснабжения. *Мировая экономика и международные отношения.* 63(8). С. 39–46. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-39-46

Кавешников Н.Ю. 2018. Европейский союз: экономический рост без роста энергопотребления? *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. №4. С. 41–48. DOI: 10.15211/vestnikieran420184148

Квашнин Ю.Д. 2020. Современные Афины: миграционные процессы и парадигмы городского развития. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 13(1). С. 84–101. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-5

Ремизова А. 2020. Развитие системы теплоснабжения как показатель реализации социальной инфраструктуры *Московский экономический журнал.* №6. С. 587–595. DOI: 10.24411/2413-046X-2020-10398

Современная Греция в мировой экономике и политике. 2013. Под ред. Квашнина Ю.Д. Москва: Институт мировой экономики и международных отношений РАН. 184 с.

Сумин А.М. 2018. Реформирование рынка электроэнергии: опыт Португалии. *Энергетическая политика.* №6. С. 139–147.

Яковлева Н.М., Яковлев П.П., Сидоренко Т.В., Хенкин С.М., Кудеярова Н.Ю., Шестакова Е.Е., Ермольева Э.Г., Борзова А.Ю., Тайар В.М., Прохоренко И.Л. 2017. *Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций* Москва: Институт Латинской Америки РАН. 307 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(1). С. 124–134
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-124-134

Check for updates

Электоральная география как поле междисциплинарных исследований

Н.А. Слука

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Рецензия на книгу: Окунев И.Ю. 2024. *Электоральная география*. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 312 с.

Ключевые слова: электоральная география, методы исследования, электоральное пространство, интегральное геопространство, университетская школа политической географии зарубежных стран

Средства массовой информации уже назвали 2024 г. «матерью всех избирательных годов» и «демократическим Супербоулом»[1]. На момент написания статьи часть избирательных кампаний уже состоялась – президентские выборы на Тайване и в России, часть – ещё предстоит, включая всеобщие выборы в Индии, выборы в Европарламент, президентские выборы в США и др. Одна из важных особенностей современных избирательных кампаний заключается в том, что они проходят в условиях достижения крайней степени напряжённости международных отношений и глубокого стресса мировой экономики (Иванов 2019), что, по мнению ряда экспертов, предваряет неизбежный и скорый цивилизационный кризис (Коданева 2022; Урнов 2021). Кроме того, согласно оценкам, они затронут более половины жителей планеты и способны изменить мировую политику. Масштабность и глобальная значимость грядущих плебисцитов ставят новые поисковые задачи перед электоральной географией и актуализируют критический анализ её современных возможностей. Тем более, что крупных и комплексных научных трудов по дисциплине

[1] Шварцман В., Постникова Е., Вишнякова В. 2024. Выборы 2024 года, которые могут изменить мировую политику. *РБК*. Политика. 10 января. URL: https://www.rbc.ru/politics/10/01/2024/658eb98d9a7947a8de0c3589 (дата обращения: 20.04.2024).

УДК: 324:911.3 + 32.019.5 + 911.373
Поступила в редакцию: 16.09.2024
Принята к публикации: 02.11.2025

за последнее время не появлялось, или они нам неизвестны. Собственно, давно назревшая идея обобщения исторически накопленного исследовательского багажа электоральной географии с акцентом на анализ арсенала методов реализуется в рецензируемой и весьма своевременной книге.

Создавая блестящую линейку сольных и коллективных произведений в области политологии и пространственного анализа[2], её автор – ведущий научный сотрудник МГИМО МИД России – не сразу обращается к теме электоральной географии. В его недавней крупной работе «Политическая география»[3], получившей международное признание (книга переведена на несколько иностранных языков), ещё нет раздела по географии выборов. Впервые он появляется в хрестоматии «Политическая география: Современная российская школа»[4], но представлен в усечённом виде – лишь двумя материалами авторитетных специалистов – Р.Ф. Туровского[5] и А. С. Ахременко (Ахременко 2009). Тем не менее уже через год увидело свет первое издание авторской монографии «Электоральная география» (Окунев 2023), заслужившей позитивный отклик специалистов[6]. И вот в 2024 г. появилось новое издание книги, которая, безусловно, не могла не остаться незамеченной на Географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, где не одно десятилетие ведутся электорально-географические исследования зарубежных стран. При этом студентам, например, кафедры географии мирового хозяйства МГУ учебный курс «Геополитика. Политическая география»[7] уже долгое время преподаётся по одноименной книге известных авторов[8], в которой раздел по электоральной географии не даётся. Впрочем, за редким исключением[9] он отсутствует и во многих других тематических произведениях географов[10]. Таким образом, рецензируемая книга призвана выполнять важную компенсаторную функцию в специальной литературе при подготовке новых поколений географов университета.

Материалы монографии логично сгруппированы в шесть в целом равноценных по объёму глав: введение в электоральную географию, территориальная дифференциация избирательных систем, территориальная дифференциация

---

[2] Окунев И.Ю. 2017. *Столицы в зеркале критической геополитики.* Москва: Аспект Пресс. 208 с.; Окунев И. Ю. 2020. *Основы пространственного анализа.* М.: Аспект Пресс. 255 с.; и другие.

[3] Окунев И.Ю. 2019. *Политическая география:* Учеб. пособие для вузов. Москва: Аспект Пресс. 512 с.

[4] *Политическая география: Современная российская школа:* Хрестоматия. 2022. (Сост. И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова, 2022). Москва: Аспект Пресс. 544 с.

[5] Туровский Р.Ф. 1999. *Теория электоральной географии. Географические закономерности голосований.* Политическая география: Учебное пособие. Смоленск: Изд-во СГУ. С. 287–300.

[6] Любарев А.Е. 2024. Электоральная география в широком и узком понимании (Рецензия). *Политическая наука.* № 1. С. 309–315. DOI: 10.31249/poln/2024.01.12

[7] *Школа географии мирового хозяйства Московского университета: программы курсов.* 2021. Москва: Белый ветер. 188 с.

[8] Колосов В. А., Мироненко Н. С. 2001. *Геополитика и политическая география:* Учебник для вузов. Москва: Аспект Пресс. 479 с.

[9] Каледин Н.В. и др. 2021. *Политическая география и геополитика:* Учебник для вузов. Москва: Юрайт. 389 с.

[10] См., например: Путырский В.Е. 2024. *Политическая география:* учебник для вузов. Москва: Юрайт. 395 с.

партийных систем, пространственные модели голосования, пространственные эффекты голосования, пространственный анализ электоральной географии. В первой главе автор излагает своё видение общих вопросов дисциплины, включая её объект, предмет, этапы формирования, современную структуру и задачи, специальные географические методы исследования. В ней, в частности, впервые в качестве изолированного направления предлагается ввести в научный оборот субдисциплину международная электоральная география, которая «специализируется на географических закономерностях в голосовании стран в надгосударственных структурах». В пользу развития этого направления свидетельствует не только повышение роли таких структур в международном сообществе, но и нарастание влияния на избирательный процесс различного рода транснациональных акторов – СМИ, ТНК, международных некоммерческих организаций, общественных движений, фабрик мысли и пр. (Лебедева 2019). Как легко устранимое недоразумение отметим, что субдисциплины электоральной географии уместно не ограничивать, согласно автору, только международным и городским аспектами, а трактовать шире – с позиций привычного для географов полимасштабного подхода – анализа на разных территориальных уровнях, начиная с локального и заканчивая глобальным. Во второй главе, отталкиваясь от теории общественного выбора (включая парадоксы Кондорсе и Эрроу), подробно рассматриваются основные виды ныне действующих избирательных систем и методы распределения мандатов. Конечно, по детальности и глубине она не может конкурировать с капитальным специальным трудом по изучению мирового опыта избирательных систем (Любарев 2016), но такой задачи в книге и не ставилось. Раздел необходим и достаточен для придания цельности произведению. В третьей главе акцентируется внимание на рассмотрении партий как ключевого организующего элемента электорального ландшафта. В данном контексте особый интерес представляет анализ идеологического спектра электорального поля и вопрос размежевания в идейно-политическом пространстве, в обобщённом виде представленных в виде схем (рис. 3.3 и 3.4). В четвёртой главе аргументируется логика электорального поведения населения с учётом наработок трёх научных школ (социологической (колумбийской), психологической (мичиганской) и политэкономической (рочестерской) и на примерах ряда моделей (Хотеллинга – Даунса, Энелоу – Хинича, Гранберга – Брауна, Рабиновича – Макдональда). В пятой и, с нашей точки зрения, наиболее географической главе первые два раздела посвящены скалярным и векторным эффектам соседства, а три последующие – географии представительства, предметом исследования которой «является территориальное распределение не голосов между кандидатами, а мандатов между административно-территориальными единицами государства» (с. 174). Наконец, шестая глава отводится обсуждению возможностей применения в электоральной географии ряда наиболее популярных методов исследования, включая картографический, центрографический, а также отдельных методов статистики и пространственной эконометрики (автокорреляции,

пространственного лага, регрессии и др.). Наибольший интерес из них для географов представляет, конечно, картографический. Однако, несмотря на значимость и обилие доступного иллюстрационного материала[11], приёмам визуализации электорального процесса отводится всего лишь несколько скромных страниц.

Важно отметить, что достоверность основных положений монографии опирается на мощный фундамент ранее выполненных научно-исследовательских и учебных работ, который представляет собой самостоятельную ценность. Библиография книги включает 505 источников на русском и иностранных языках. За редким исключением (прежде всего диссертационных исследований по разным специальностям) автор тщательно собрал и глубоко изучил практически всю базовую литературу по дисциплине. Также следует подчеркнуть, во-первых, сочный и точный язык изложения часто непростого материала, а во-вторых, богатство оформительского материала. Текст компактного по объёму труда сопровождается десятками таблиц, графиков и картосхем. Каждый раздел предваряется перечнем рассматриваемых тем, а заключается вопросами для самопроверки и перечнем заданий; в конце книги приводится указатель терминов. Все эти, казалось бы, элементарные нюансы существенно облегчают ориентацию и восприятие материала как для обучающихся, так и специалистов, акцентирует внимание преподавателей.

Книга явно выделяется на международном треке. Согласно данным агрегатора научной литературы Open Alex, в последнее время в области электоральной географии ежегодно публикуется порядка 2–2,5 тыс. научных статей и около 250 книг. Однако в русле мировой научной традиции подавляющее большинство из них выполняется по отдельным классическим направлениям дисциплины – географии голосований, географии социальных размежеваний, электоральной географии политических кампаний и т. д. Как правило, предлагается алгоритм анализа в рамках одной страны и одной избирательной системы (Gauja, Sawer, Sheppard 2023; Tinenenji, O'Brien, Marja et al. 2020); в лучшем случае исследования носят кроссрегиональный характер (Kostov 2020; Murphy 2020; Řadek, Fekete, Pupik 2024). При этом вопросам развития общей теории электоральной географии, совершенствования института выборов в современных условиях, способного, с одной стороны, удержать политическую систему от застоя и стагнации, а с другой – адаптироваться к новым вызовам и стресс-факторам, практически не уделяется внимания. На этом фоне рецензируемая книга является, пожалуй, единственным и счастливым исключением. Она в определённой мере продолжает и дополняет триаду эпохальных для дисциплины трудов, разделённых значительными временными интервалами: «География выборов»

[11] См., например: Киреев А. Двадцатка лучших электоральных карт 2023 года. *Livejournal.* 4 января 2024. URL: https://kireev.livejournal.com/2057850.html (дата обращения: 30.04.2024).

(Taylor, Johnston 1979) – «Изменения в географии выборов» (Johnson, Shelley, Taylor 1990) – «Ревитализация географии выборов» (Warf, Leib 2011). Подготовленные на базе широкого привлечения идей и концепций из области географии человека, включённых в политический контекст, в совокупности в своё время они обеспечили всесторонний подход к географическому охвату выборов. Рецензируемая монография, предлагая методологию исследований с современных позиций, служит для обеспечения оптимизации отношения всех участников избирательного процесса в странах разного типа, что в условиях трансформации мироустройства и изменения конфигурации великих держав на мировой арене получает не только внутриполитическое, но и ощутимое международно-политическое измерение. Неслучайно монография привлекла внимание международной общественности и в процессе написания рецензии уже была переведена на английский язык и издана авторитетным академическим издательством Peter Lang (Okunev 2024).

В порядке обсуждения отметим, что материалы книги с учётом профессиональных интересов автора закономерно в большей мере освещают политологические аспекты и оставляют «окно возможностей» для выражения некоторых соображений, отдельных замечаний и уточнений с позиций географической науки. Так, например, в историческом обзоре становления отечественной электоральной географии уместно было бы более полно отразить роль университетской школы. Ещё в 1938 г. в МГУ была создана кафедра экономической и политической географии капиталистических стран (первый заведующий – профессор И.А. Витвер) (Кузина, Фетисов 2009), а начиная с середины 50-х годов XX в. её сотрудниками и аспирантами был защищён целый ряд диссертационных исследований по электоральной географии зарубежных стран. Первое из них выполнено О.В. Витковским и посвящено географическому анализу выборов почти за полвека на территории Рейнско-Вестфальского района ФРГ[12]. С учётом особого вклада учёного в развитие отечественной политической географии на базе Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН и Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России организованы и не первый год проводятся Политико-географические чтения имени О.В. Витковского. Позже защищены диссертации по электоральной географии Австрии, Италии, Великобритании[13]; опубликована серия статей в журнале «Вестник Московского университета» и сборнике «Вопросы экономической и политической географии

[12] Витковский О.В. 1954. *Рейнско-Вестфальский район: политико-географическая характеристика:* диссертация... кандидата географических наук. Москва: МГУ. 637 с.

[13] Мухин А. И. 1955. *Основные черты политической географии Австрии:* диссертация... кандидата географических наук. Москва: МГУ. 440 с.; Колосов В. А. 1979. *Проблемы политической географии Италии:* по материалам парламентских выборов 1953–1976 гг.: диссертация ... кандидата географических наук. Москва: МГУ. 277 с.; Визгалов Д.В. 1999. *Политическая география Великобритании: Оценка территориально-политической устойчивости как элемент политико-географического районирования:* диссертация ... кандидата географических наук. Москва: МГУ. 200 с.

зарубежных стран» за разные годы (Витковский 1975, 1993; Маергойз 1971; Слука 1992); продолжаются электорально-географические исследования на Географическом факультете МГУ и в настоящее время (Варюшин, Тихоцкая 2016; Скачков 2020).

При всех достоинствах монографии некоторые сомнения оставляет «географичность» её концептуального базиса. Автор труда, с одной стороны, считает «электоральную географию сердцевиной политической географии», что предполагает соотношение части и целого со всеми вытекающими последствиями; а с другой – определяет её как науку «о пространственном измерении электорального процесса» (с. 6). Такая формулировка, во-первых, позволяет отчасти причислить дисциплину к разделу прикладной метрологии, во-вторых, необоснованно и притом заметно ограничивает выполнение основных функций, присущих любой науке, в том числе объяснения и управления (или прогнозирования); а в-третьих, слабо согласуется с назначением политической географии, по В.А. Колосову, «изучающей взаимосвязь между политической деятельностью людей и географическим пространством, в котором она осуществляется»[14]. На первый взгляд в данном случае имеет место неосознанное отождествление дефиниции дисциплины и целеполагания книги как суммы знаний о методах изучения электорального процесса с позиций политологии, но на поверку это оказывается не так.

Признавая объектом исследования систему «взаимодействий избирателей и избираемых до, во время и после выборов в органы власти», а предметом – измерение избирательного процесса в одном из трёх типов «электорального пространства» (физического (абсолютного), формального (относительного) и перцептивного (когнитивного)), принимаемого в каждом случае просто за систему координат, автор практически устраняется от традиций так называемого экологического подхода, заложенного ещё в начале XX в. французским географом А. Зигфридом и увязывающего голосование с характеристиками территории. В монографии не оговаривается анализ географического пространства, его роль и значимость в установлении и объяснении закономерностей электорального процесса. Иными словами, электоральное пространство замещает привычное для географов интегральное геопространство, которое состоит из экономического, социального, культурного, политического и физико-географического пространств, а их наложение создаёт дифференциацию интегрального геопространства (Мироненко, Денисенко 2004). Авторский подход, конечно, имеет право на существование, но не избавляет учёного от главной исследовательской задачи – раскрытия территориальной специфики электорального поведения населения разных объектов, совокупности факторов и причинно-следственных

[14] Колосов В.А. 2023. Политическая география. *Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия»*. 28 ноября. URL: https://bigenc.ru/c/politicheskaia-geografiia-84899f (дата обращения: 27.04.2024).

взаимосвязей её формирования, что, вряд ли достижимо с необходимой репрезентативностью с предложенных позиций. Размышляя о политической географии в целом и электоральной, в частности, корифей общественной географии И.М. Маергойз отмечал ряд важных моментов, которые, по нашему мнению, не утратили своей актуальности. Во-первых, «…политическая реальность всегда весьма сложна географически. Для установления и интерпретации этой реальности, т. е. политической специфики, наряду с другими качествами необходим, так сказать, хороший географический глаз»; во-вторых, «…любой политико-географический объект представляет собой явление надстроечного порядка…, а надстройка, как известно, обладает относительной самостоятельностью развития, будучи функцией экономического базиса»; наконец, в-третьих, «для объяснения политической специфики стран и их районов необходимо привлекать самые разнообразные региональные материалы об особенностях исторического развития, о … составе населения, экономической структуре и состоянии хозяйства, об особенностях политико- и экономико-географического положения страны, природной среды и т. д. (Маергойз 1971: 39–40). Эту необходимость учёта множества факторов, определяющих политическую специфику страны, специально подчёркивает и Н.Н. Баранский (Баранский 1956: 160).

Автор рецензируемой книги неоднократно признаёт, что «узловой целью науки остаётся понимание факторов и закономерностей устойчивой электорально-географической неоднородности пространства», но не обращается к их детальной систематизации и характеристике, что было бы весьма полезно для широкой аудитории обучающихся, в том числе молодых географов. С позиций автора, профессионально оперирующего аппаратом обработки выборной статистики, для выявления значимых факторов и объяснения голосования необходимо и достаточно изучение ключевого отношения – избирателей и избираемых. Однако, для географов, как представляется, при таком подходе можно нащупать лишь отдельные фрагменты причинно-следственных связей в пределах «верхушки айсберга» электорального процесса, основная часть которых остаётся «под водой». Определить весь их спектр и выявить главные невозможно оставаясь в пределах сугубо электорального пространства и вне глубокого анализа реалий электорально-географической дифференциации территории в тесной сцепке со свойствами интегрального геопространства в конкретных исторических условиях. Вероятно, из-за особенностей предложенного подхода в монографии отсутствует и важный раздел по электорально-географическому районированию, справедливо заявленному среди «специальных географических методов» и выполняющему, по признанию специалистов, интегрирующую функцию в географии. В итоге трудно не согласиться с Д.В. Визгаловым, который в своё время изучая электоральную географию Великобритании писал: «Выборная статистика – это “видимая плоскость”», в которой многообразно отражаются многие “глубинные” социальные процессы. Порой бывает очень трудно

найти связывающие их звенья. Между тем, именно это и является стратегической целью практически каждого исследования в рамках электоральной географии – объяснить, почему "электоральная картина" на исследуемой территории складывается именно так, а не иначе»[15]. И достижение этой стратегической цели неизбежно требует не обособления и сужения рамок исследовательского горизонта, а дальнейшего углубления интеграции знаний политологии и географии, а также других смежных наук.

Подводя итоги, можно констатировать, что, с нашей точки зрения, сильная сторона рецензируемой монографии – высокопрофессиональный свод в едином формате всех основных подходов и методов исследования в электоральной географии, представляющих интерес как для специалистов, так и обучающихся по разным специальностям; а слабая – все-таки явное преобладание политологических вопросов над собственно географическими, что несколько снижает ценность книги для широкой географической аудитории. Хотя такая «слабость» оборачивается иным вопросом: кто и когда из географов озаботится подготовкой в нужном ключе капитального труда по электоральной географии? В целом, несомненно, монография И.Ю. Окунева – важный и давно назревший шаг в систематизации накопленных знаний в электоральной географии; знаковый труд, подводящей черту определённому этапу развития дисциплины в России и заставляющий размышлять о её настоящем и будущем.

Об авторе:
Николай Александрович Слука – доктор географических наук, профессор кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: sluka2011@yandex.ru.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

[15] Визгалов Д.В. 1999. *Политическая география Великобритании: Оценка территориально-политической устойчивости как элемент политико-географического районирования:* диссертация ... кандидата географических наук. Москва: МГУ. 200 с.

UDC: 324:911.3 + 32.019.5 + 911.373
Received: September 16, 2024
Accepted: November 02, 2025

Electoral Geography as an Interdisciplinary Field

N.A. Sluka
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-124-134

Lomonosov Moscow State University

Book review: Okunev I.Yu. 2024. *Electoral Geography.* Moscow: Aspect Press. 312 p.

Keywords: electoral geography, research methods, electoral space, integral geospace, university school of political geography of foreign countries

About the author:

Nikolay A. Sluka – D.Sc. in Geography, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Geography of World Economy, Professor. ORCID: 0000-0002-2974-1027. E-mail: sluka2011@yandex.ru

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Gauja A., Sawer M., Sheppard J. 2023. *Watershed: The 2022 Australian Federal Election.* Canberra: ANU Press. 432 p.

Johnson R.J., Shelley F.M., Taylor P.J. 1990. *Developments in Electoral Geography.* London: Routledge. 292 p.

Kostov C. 2020. *Separatism and Regionalism in Modern Europe.* Berlin: Logos Verlag. 280 p.

Murphy J. 2020. *Parliaments and Crisis: Challenges and Innovations.* Stockholm: International IDEA. 86 p.

Okunev I. 2024. *Electoral Geography.* Bruxelles: Peter Lang. 468 p.

Řadek M., Fekete S., Pupik A. 2024. *Comparison of the Party Systems of Slovakia, Hungary and the Czech Republic.* Pilsen: University of West Bohemia. 118 p.

Taylor P.J., Johnston R.J. 1979. *Geography of Elections.* London: Penguin Books. 528 p.

Tinenenji B., O'Brien K., Marja H., Muna N. 2020. *Democracy and Electoral Politics in Zambia.* Leiden: Brill. 373 p.

Warf B., Leib J. 2011. *Revitalizing Electoral Geography.* Farnham: Ashgate Publishing. 238 p.

Akhremenko A.S. 2009. Prostranstvennyj elektoral'nyj analiz: harakteristika metoda, vozmozhnosti krossnacional'nyh sravnitel'nyh issledovanij [Spatial Electoral Analysis: Characteristics of the Method, Possibilities of Cross-national Comparative Studies]. *Political Science.* №1. P. 32–59. (In Russian).

Baransky N.N. 1956. *Ekonomicheskaya geografiya. Ekonomicheskaya kartografiya* [Economic Geography. Economic Cartography]. Moscow: Geografgiz. 366 p. (In Russian)

Ivanov O.B. 2019. Sovremennyj mir: global'nye tendencii, vyzovy i ugrozy [The Modern World: global trends, challenges and Threats]. *Stage: economic theory, analysis, practice.* №1. P. 20–36. (In Russian).

Kodaneva S.I. 2022. Global'nye transformacii: haos kak osnova dlya novogo miroporyadka (obzor) [Global Transformations: Chaos as the Basis for a New World Order (Review)]. *Contours of global transformations: politics, economics, law.* 15(6). P. 267–283. DOI: 10.31249/kgt/2022.06.14 (In Russian).

Kuzina I.F., Fetisov A.S. 2009. Istoriya razvitiya social'no-ekonomicheskoj geografii zarubezhnyh stran v MGU [The History of the Development of Socio-Economic Geography of Foreign Countries at Moscow State University]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5: Geography.* №5. P. 86–89. (In Russian).

Lebedeva M.M. 2019. Modern Megatrends of World Politics. *World Economy and International Relations.* 63(9). P. 29–37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37. (In Russian).

Lyubarev A.E. 2016. *Izbiratel'nye sistemy: rossijskij i mirovoj opyt* [Electoral Systems: Russian and World Experience]. Moscow: New Literary Review. 632 p. (In Russian)

Maergoiz I.M. 1971. *Nekotorye voprosy politiko-geograficheskogo izucheniya kapitalisticheskih stran* [Some Questions of Political and Geographical Study of Capitalist Countries]. Questions of Economic and Political Geography of Foreign Countries. Vol. 1. Moscow: Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences of the USSR Academy of Sciences Publ. P. 33–52 (In Russian).

Mironenko N.S., Denisentsev A.S. 2004. O politicheskoj geokonfliktologii kak oblasti geograficheskogo znaniya [On Political Geoconflictology as a Field of Geographical Knowledge]. *Problems of Geoconflictology in 2 Vols.* Vol. 1. Moscow: Press-Solo. P. 12–24. (In Russian).

Okunev I.Yu. 2023. *Elektoral'naya geografiya* [Electoral Geography]. Moscow: Aspect Press. 312 p. (In Russian).

Skachkov V. 2020. Problemy issledovaniya elektoral'noj geografii Meksiki v HKHI veke [Problems of Study of Electoral Geography of Mexico in the XXI Century]. *Geographical Environment and Living Systems.* №2. P. 44–51. DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-44-51. (In Russian).

Sluka N.A. 1992. Geografiya prezidentskih i parlamentskih vyborov v Rumynii v 1990 g [Geography of the Presidential and Parliamentary Elections in Romania in 1990]. *Questions of Economic and Political Geography of Foreign Countries.* Vol. 12. Moscow: Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. P. 137–151. (In Russian).

Urnov M.Yu. 2021. *Krizis sovremennoj civilizacii: Osnovnye cherty* [The Crisis of Modern Civilization: The Main Features]. Moscow: Higher School of Economics Publ. 139 p. (In Russian)

Varyushin P.S., Tikhotskaya I.S. 2016. Territorial'nye faktory elektoral'nogo povedeniya v YAponii i SSHA [Territorial Factors of Electoral Behavior in Japan and the USA]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5: Geography.* №2. P. 102–111. (In Russian).

Vitkovsky O.V. 1975. Politicheskaya geografiya FRG v zerkale izbiratel'noj statistiki (po materialam vyborov v bundestag) [The Political Geography of Germany in the Mirror of Electoral Statistics (based on the Materials of the Elections to the Bundestag)]. *Questions of Economic and Political Geography of Foreign Countries.* Vol. 2. Moscow: Institute of Latin American Studies of the USSR Academy of Sciences, Moscow State University Publ. P. 241–287 (In Russian)

Vitkovsky O.V. 1993. *Politicheskaya geografiya: nekotorye problemy razvitiya i stanovleniya* [Political Geography: Some Problems of Development and Formation. Questions of Economic and Political Geography of Foreign Countries]. Vol. 13. Moscow: Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of SciencesPubl. P. 133–154 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Ахременко А.С. 2009. Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных исследований. *Политическая наука.* №1. С. 32–59.

Баранский Н.Н. 1956. *Экономическая география. Экономическая картография.* Москва: Географгиз. 366 с.

Варюшин П.С., Тихоцкая И.С. 2016. Территориальные факторы электорального поведения в Японии и США. *Вестник Московского университета.* Сер. 5: География. № 2. С. 102–111.

Витковский О.В. 1975. *Политическая география ФРГ в зеркале избирательной статистики (по материалам выборов в бундестаг). Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран.* Т. 2. Москва: ИЛА АН СССР, МГУ. С. 241–287.

Витковский О.В. 1993. *Политическая география: некоторые проблемы развития и становления. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран.* Т. 13. Москва: ИЛА АН. С. 133–154.

Иванов О.Б. 2019. Современный мир: глобальные тенденции, вызовы и угрозы. *Этап: экономическая теория, анализ, практика.* № 1. С. 20–36.

Коданева С.И. 2022. Глобальные трансформации: хаос как основа для нового миропорядка (обзор). *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 15(6). С. 267–283. DOI: 10.31249/kgt/2022.06.14

Кузина И.Ф., Фетисов А.С. 2009. История развития социально-экономической географии зарубежных стран в МГУ. *Вестник Московского университета.* Сер. 5: География. №5. С. 86–89.

Лебедева М.М. 2019. Современные мегатренды мировой политики. *Мировая экономика и международные отношения.* 63(9). С. 29–37. DOI: 10.20542/0131-2227–2019-63-9-29-37

Любарев А.Е. 2016. *Избирательные системы: российский и мировой опыт.* Москва: Новое литературное обозрение. 632 с.

Маергойз И.М. 1971. Некоторые вопросы политико-географического изучения капиталистических стран. *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран.* Т. 1. Москва: ИЛА АН СССР. С. 33–52.

Мироненко Н.С., Денисенцев А.С. 2004. *О политической геоконфликтологии как области географического знания. Проблемы геоконфликтологии в 2 т.* Т.1. Москва: Пресс-Соло. С. 12–24.

Окунев И.Ю. 2023. *Электоральная география.* Москва: Аспект Пресс. 312 с.

Скачков В.С. 2020. Проблемы исследования электоральной географии Мексики в XXI веке. *Географическая среда и живые системы.* №2 С. 44–51. DOI: 10.18384/2712–7621-2020-2-44-51

Слука Н.А. 1992. География президентских и парламентских выборов в Румынии в 1990 г. *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран.* Т. 12. Москва: ИЛА РАН. С. 137–151.

Урнов М. Ю. 2021. *Кризис современной цивилизации: Основные черты.* Москва: НИУ ВШЭ. 139 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(1). С. 135–146
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-135-146

Check for updates

«Оспариваемое наследие» в европейских музеях: возвращение, передача, репатриация или реституция?

Г.А. Нелаева

Тюменский государственный университет

Рецензия на книгу: Stahn C. 2023. *Confronting Colonial Objects. History, Legality and Access to Culture.* Oxford: OUP. 592 p.

Ключевые слова: наследие, деколонизация наследия, деколонизация музеев, реституция, Европа, европейские музеи, колониальное наследие, защита культурного наследия

Проблема «деколонизации музеев» (или более широкой термин – «деколонизация наследия») вошла в научный оборот относительно недавно. Как подчёркивает О.А. Короткова, работа в рамках деколонизации включает в себя множество аспектов: «работа с изменением терминологии музейных предметов, увеличение онлайн-доступности музейных каталогов, экспозиционное проектирование с учётом требований новой музейной этики, кадровая политика и реституция, и репатриация предметов» (Короткова 2021: 28). Одним из наиболее проблемных аспектов из вышеперечисленных является реституция/репатриация предметов в страны их происхождения. Как отмечает Е.С. Панков, тема репатриации музейных ценностей, несмотря на то, что в международных отношениях она поднимается не одно десятилетие, довольно слабо изучена в литературе. Особенно это касается случаев, когда требования о возвращении наследия поступают не из бывших колоний, а из других стран, например, требования стран Латинской Америки и Карибского бассейна к Великобритании (Панков 2024). В научной и профессиональной среде нет согласия даже насчёт терминологии: государства, музеи и другие участвующие в процессе акторы предпочитают использовать термины «возвращение» (return),

УДК: 069:930.85+341.694(4)
Поступила в редакцию: 10.09.2024 г.
Принята к публикации: 17.10.2024 г.

«репатриация» (repatriation) или «передача» (transfer), а не «реституция» из опасений юридической ответственности и желания представить этот процесс как следствие морального обязательства или как жест доброй воли[1].

В этой связи книга Карстена Штана, профессора Лейденского университета, вышедшая в издательстве Оксфордского университета, является актуальным и значимым исследованием, затрагивающим целый ряд этических, моральных, юридических, практических и других противоречий, которые сопровождают процесс реституции культурных ценностей в страны происхождения. Данная книга была выбрана для рецензии ввиду того, что это первое междисциплинарное, всеобъемлющее исследование проблемы колониального наследия в отношениях европейских стран и США и бывших колоний и общин малочисленных народов, включающее в себя анализ большого количества источников юридического характера (конвенций, деклараций, судебных решений, национальных законов), политических заявлений и других источников. Несмотря на европоцентристский характер повествования, на протяжении всей книги автор пытается сохранить беспристрастность, показать различные точки зрения акторов. Сквозь призму постколониальной теории автор критически оценивает позиции ведущих европейских музеев, кураторов выставок, владельцев коллекций и других заинтересованных лиц, имеющих дело с репрезентацией, возвращением и сохранением колониального наследия, что позволяет считать его книгу одним из примеров «критических исследований наследия» (critical heritage studies). И если исследования разграбления и последующего возвращения наследия в европейском контексте достаточно многочисленны и проводятся уже не одно десятилетие[2], дебаты о колониальном наследии не получили достаточного освещения в академической литературе, несмотря на то, что требования о возвращении наследия были озвучены лидерами африканских государств ещё в 1970-е гг.[3]. Существуют и примеры успешных судебных разбирательств, когда бывшим собственникам удалось вернуть произведения искусства, похищенные нацистами в оккупированных странах. Среди таких судебных разбирательств наиболее известным является дело Republic of Austria v. Altman, когда законной наследнице были возвращены шедевры Густава Климта, выставлявшиеся в венских музеях[4]. Проблема возвращения колониального наследия, а особенно юридических аспектов возвращения, напротив, является малоизученной. Интерес

[1] См., например, Repatriation Office. *National Museum of Natural History.* URL: https://naturalhistory.si.edu/research/anthropology/programs/repatriation-office (accessed 08.09.2024).

[2] Примеры трудов см.: Petropoulos J., Sage N. 2021. *Nazi Looting of Art*. Oxford Bibliographies. URL: https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199920105/obo-9780199920105-0161.xml (accessed 17.10.2024).

[3] Речь Президента Республики Заир генерала Мобуту Сесе Секо. *Генеральная Ассамблея ООН. Двадцать восьмая сессия.* A/PV.2140. 04.10.1973. §173-177. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/ng9/108/51/pdf/ng910851.pdf (accessed 17.10.2024).

[4] О данном разбирательстве были сняты документальные и художественные фильмы: "Stealing Klimt" (2007), "Adele's Wish" (2008), "Woman in Gold" (2015).

к этой теме возникает после знаменитой речи французского президента Э. Макрона в ноябре 2017 года, когда он, находясь с визитом в Уагадугу (Буркина-Фасо), сделал заявление, что возвращение культурного наследия будет одним из приоритетных направлений отношений Франции со странами Африки[5]. Вскоре после его выступления была создана комиссия, издавшая отчёт о возвращении колониального наследия в Африку, где рассматривались этические и практические вопросы возвращения[6]. Среди недавних трудов, посвящённых колониальному наследию в международных отношениях и международном праве, можно отметить книгу нидерландского исследователя Джоса Ван Бердена «Неудобное наследие. Колониальные коллекции и реституция в Нидерландах и Бельгии» (2021), книгу австрийского исследователя Себастьяна Спитра «Управление культурой в международном праве: постколониальная история» (2021), а также некоторые коллективные сборники (Bodenstein et al. 2022; Knudsen et al. 2022).

Книга «Лицом к лицу с колониальными объектами. История, законность и доступ к культуре» содержит восемь глав, в которых автор последовательно прослеживает процесс перемещения предметов искусства из бывших колоний в музеи и частные коллекции метрополий. Этот процесс включает в себя разные формы установления собственности: от захвата, разграбления и насилия до приобретения и получения предметов в дар. Штан выделяет три периода накопления колониального искусства: (1) период раннего коллекционирования с XVI по XVIII вв.; (2) систематизация коллекций в XVIII – середине XIX вв.; (3) «гонка» за колониальным наследием в период колониальной экспансии конца XIX в., которая находила обоснование в социальном дарвинизме, культурной эксплуатации и соперничестве европейских государств, а также возрастающем спросе на демонстрацию «предметов примитивного искусства». Предметы на протяжении всех этих периодов собирались разными акторами: европейскими торговцами, солдатами, миссионерами, были «подарены» местными вождями. Причины изъятия были многочисленны: гуманитарные соображения, в частности необходимость «спасти предметы от дикарей, не понимающих их ценности», спасти их как память о «вымирающих культурах». Автор приводит много примеров из дневников торговцев и путешественников о том, как дискурсы «спасения» служили оправданием вандализма. Часто вместе с торговцами и другими представителями коммерческих компаний в экспедиции отправлялись кураторы музеев, которые на месте принимали решения о ценности предметов. Огромное количество предметов было повреждено или утеряно, но главное, был утерян их смысл. Так как были похищены ритуальные, религиозные

[5] Discours d'Emmanuel Macron à l'université de Ouagadougou. *Elysee*. 28.11.2017. URL: www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-829-fr.pdf (accessed 17.10.2024).

[6] Sarr F., Savoy B. Rapport sur la restitution du patrimoine culturel africain – Vers une nouvelle éthique relationnelle. 2018. *Vie-publique.fr.* URL: https://www.vie-publique.fr/rapport/38563-la-restitution-du-patrimoine-culturel-africain (accessed 17.10.2024).

и священные предметы, установить их предназначение в настоящее время чрезвычайно сложно. Часто предметы были неверно датированы или было неверно истолковано их происхождение, что позволяло европейцам делать ошибочные выводы о истории и культуре народов, их создавших. Как пример такой ошибочной интерпретации, автор приводит «птиц Зимбабве», чьё происхождение ошибочно предписывалось неафриканской культуре, так как африканцы «были неспособны» такое создать.

В ходе «карательных экспедиции», призванных усмирить местное население, сопротивлявшееся европейской экспансии, уничтожались не только мирные жителей, но и разграблялось культурное наследие. Одним из наиболее вопиющих случаев массового грабежа является вывоз из Бенина бронзовых фигур (так называемая «бенинская бронза»), распроданных музеям и частным коллекционерам. Доходы от продажи наследия позволяли окупить стоимость таких экспедиций и установить гегемонию европейцев не только в торгово-экономической и политической, но и в культурной областях. Предметы, выставленные в европейских музеях, отражали взгляды захватчиков, не учитывая мнение общин, их которых они были изъяты, что позволило европейцам занять экспертную позицию по отношению к истории и культуре порабощённых народов («эпистемологическое насилие»). Сам термин «примитивное искусство» является европоцентристским и дискриминационным. Очень часто объекты выставляются на показ с учётом личности завоевателей, условного «Индианы Джонса», храбро отправившегося в качестве «первопроходца», куда не ступала нога европейца. Таким образом, создатель предмета оказывается забыт, а завоеватель остаётся в истории (с. 470).

Нередкими были случаи уничтожения культурного наследия, если оно каким-то образом противоречило христианским догмам. Так как часто предметы коллекционировали миссионеры, они и решали, насколько ценным является предмет. Миссионеры, в частности, католические епископы сыграли зловещую роль в уничтожении культуры американских народов, например, народов Майя, сжигая предметы для отправления религиозных церемоний, чтобы искоренить «дьявольские практики и идолопоклонство» (с. 86).

Затем автор обращается к обратному процессу, гораздо более ограниченному: передаче предметов обратно в колонии, делая акцент на правовых и моральных дилеммах, с которыми сталкиваются как передающая, так и принимающая сторона. Штан показывает, что ещё в 1970-е гг. некоторые европейские страны, в частности Бельгия и Нидерланды начали возвращать отдельные предметы бывшим колониям, однако передача предметов в Индонезию или Конго проходила под эгидой культурного взаимодействия или политики в целях развития и не предполагала *обязательства* передачи (с. 421). Часто процесс передачи культурного наследия проходит в рамках дипломатических переговоров

с учётом экономических и геостратегических интересов передающей стороны, исключая вопрос ответственности за неправомерное присвоение и вывоз культурного наследия колоний.

Отдельная сложная тема, которой касается автор – человеческие останки, собранные в колониальный период и переправленные в антропологические, военные и другие музеи и лаборатории Европы. Публичная экспозиция человеческих останков и аукционная торговля ими отнюдь не являются явлениями прошлого. Так, в 2022 г. один из аукционных домов Бельгии выставил на продажу черепа африканцев и арабов, захваченные в конце XIX в., но под давлением общественности был вынужден отменить продажу[7]. Лишь в 2023 г. музей Королевского хирургического колледжа «Хантериан» убрал из экспозиции «скелет ирландского гиганта» — молодого мужчины ирландского происхождения, умершего в 1783 г. Из-за своего роста в 2 метра 31 сантиметр он получил это прозвище и стал объектом публичного любопытства. Несмотря на то, что сам «гигант» Чарльз Бирн не давал своего согласия, а напротив, возражал, чтобы его останки использовались как музейный экспонат, тем не менее его тело после смерти было приобретено незаконным путём, а скелет выставлялся в музее на протяжении нескольких веков. На сайте музея ничего не говорится о том, будут ли останки преданы земле, упоминается лишь то, что в настоящее время они находятся в музейном хранилище[8]. Таким образом, проблема публичной экспозиции человеческих останков до сих пор не решена. Как показывает Штан, систематическое коллекционирование человеческих останков началась в XVIII в., при этом особым спросом пользовались человеческие черепа, которые изучали, чтобы доказать превосходство или наоборот, отсталость рас и народов, охарактеризовать их умственные способности, особенности поведения и т. д. Человеческие останки охотно скупали музеи, лаборатории, исследовательские институты, профессиональные сообщества. В основном, останки получали из больниц, тюрем и с поля боя, но нередкими были и случаи осквернения захоронений. В колониальном контексте колониальные войска практиковали расчленение тел для запугивания местного населения, чтобы сломить сопротивление. Научные обоснования таким своеобразным музейным экспонатам позволяли изображать человеческие останки не как военные трофеи, а как пример продвинутости европейской науки и цивилизации. Нередкими были случаи осквернения могил местных вождей, эксгумация и публичная демонстрация останков, и перемещение их в Европу, чтобы продемонстрировать народу смертность вождей, их человеческое, а не божественное происхождение,

[7] Belgian auction house delists Arab, African skulls amid backlash. *Arab News*. 05.12.2022. URL: https://www.arabnews.com/node/2211071/world (accessed 08.09.2024).

[8] Statement on the skeleton of Charles Byrne from the Board of Trustees of the Hunterian Collection. *Royal College of Surgeons of England*. 11.06. 2023. URL: https://www.rcseng.ac.uk/news-and-events/news/archive/statement-on-the-skeleton-of-charles-byrne/ (accessed 09.09.2024).

а также в наказание за убийства белых и сопротивление колонизации (с. 249). Так, в конце 1890-х гг. британские войска повесили, а затем обезглавили зимбабвийских повстанцев, воевавших против Британской Южно-Африканской Компании. Сесил Родс, возглавлявший Капскую колонию, отправил отрубленные головы Королеве Виктории в качестве трофеев. Черепа повстанцев впоследствии стали экспонатами Музея естественной истории в Лондоне (с. 247). Президент Зимбабве обратился к британцам в 2015 г. с требованием вернуть черепа, но в 2024 г. этот процесс всё ещё не был завершён под предлогом того, что Музей ещё не закончил каталогизацию останков, подлежащих возвращению[9].

В других европейских музеях также хранятся тысячи подобных «экспонатов». Например, Музей человека в Париже собрал коллекцию из 18 000 человеческих черепов, лишь часть из которых была возвращена и захоронена. В том числе, в 2011 г. (через 171 год после убийства) был возвращён череп Шейха Бузиана, лидера алжирских повстанцев (с. 251). Большое количество человеческих останков, принадлежащих членам североафриканских племён, всё ещё находится в музеях Смитсоновского института[10]. Лишь в 2011 г. Германия вернула Намибии 20 черепов представителей племён гереро и нама, захваченных в качестве трофеев во время геноцида 1904 г.[11].

Отдельная тема, которую автор рассматривает подробно на протяжении всего повествования — роль международного и национального права в процессе реституции. Отказ от реституции многих государств и музеев связан с тем, что объекты были якобы легально приобретены и могут и в дальнейшем выставляться в европейских музеях. Тем более, национальные законы зачастую запрещают делить коллекции. Одним из наиболее известных случаев является отказ Британского музея вернуть собрание скульптур и рельефов Парфенона («мрамор Элгина») Греции. На сайте музея говорится, что лорд Элгин, британский посол в Османской империи, приобрёл эти шедевры древнегреческого искусства у турецкого правительства в 1802 г. и легально их вывез, получив *firman* (разрешение). «Он также получил разрешение на удаление скульптурных и архитектурных элементов из других зданий на Акрополе, а именно Эрехтейона, храма Афины Ники и Пропилеев. Вся коллекция древностей Элгина затем была перевезена в Великобританию. Его действия были тщательно расследованы парламентским комитетом в 1816 г. и признаны полностью законными, до того как скульптуры вошли в коллекцию Британского музея Актом парламента»[12].

---

[9] 13 First Chimurenga heroes' remains identified in UK, Switzerland. *The Sunday Mail.* 05.05.2024. URL: https://www.sundaymail.co.zw/13-first-chimurenga-heroes-remains-identified-in-uk-switzerland (accessed 01.09.2024).

[10] Reckoning with Human Remains in the Smithsonian Collection. *Smithsonian*. URL: https://www.si.edu/collections/human-remains (accessed 10.08.2024).

[11] Посмертная репатриация. Как европейские музеи и архивы расплачиваются за грехи колониальных времен. *Коммерсант*. 12.11.2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5666251 (дата обращения: 08.09.2024).

[12] The Parthenon Sculptures. *The Britishmuseum*. URL: https://www.britishmuseum.org/about-us/british-museum-story/contested-objects-collection/parthenon-sculptures (accessed 08.09.2024).

Автор скептически относится к подобного рода заявлениям, так как в данном случае не учитывается контекст событий, а легалистские аргументы используются, чтобы снять с себя ответственность и сохранить статус-кво. Несмотря на то, что существуют международные соглашения, запрещающие незаконный вывоз и оборот культурных ценностей, например, Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (ЮНЕСКО 1970) и Конвенция ЮНИДРУА по похищенным и незаконно вывезенным культурным ценностям (1995), они не содержат механизма возвращения наследия колониальной эпохи и не имеют обратного эффекта. Тот факт, что многие объекты были признаны «мировым наследием», позволяет западным музеям выступать «хранителями» этого наследия. Подход к возвращению колониального наследия контрастирует с подходом по возвращению похищенных нацистами ценностей в ходе Второй мировой войны, где сомнений насчёт необходимости возвращения ценностей не возникает. В то время как европейские государства требуют от африканских народов доказательств того, что некий предмет искусства имеет ценность для их культурных практик, подобные дискриминационные требования не выдвигаются в случае возврата ценностей одним европейским государством другому (с. 452). По сей день возвращение культурного наследия осуществляется не посредством судов, а посредством дипломатических переговоров, *ad hoc* встреч и двусторонних соглашений (с. 377).

Ещё сложнее обстоит вопрос с возвращением ценностей, находящихся в частной собственности. Невозможно оценить ущерб, нанесённый культурному наследию частными коллекционерами. Так, неисчислимое количество предметов африканского искусства было уничтожено из-за их «примитивности» или из-за несоблюдения условий хранения (Stanard 2023). С разрушением материального наследия разрушалось и нематериальное: с уничтожением или изъятием объектов были запрещены или забыты культурные практики. Превращение предметов в объект купли-продажи сделало их недоступными для народов, их создавших.

Аргументы, до сих пор приводимые странами, музейными кураторами и прочими заинтересованными акторами, связаны, в основном, с тем, что нельзя оценивать прошлое с позиции настоящего, несправедливо требовать реституции с сегодняшних граждан, не участвовавших в колониальных захватах (тем более, что прошлое изменить невозможно), и то, что многие предметы искусства были связаны с несправедливостью и беззаконием в тех странах, из которых были вывезены. Так, например, говоря о «бенинской бронзе», похищенной британцами в ходе «карательных экспедиций», британский социолог Тиффани Дженкинс пишет следующее: «…слава Бенина была построена на работорговле. Предметы из оспариваемой "бенинской бронзы" были сделаны из манильских руд, привезённых европейскими торговцами, которые меняли на рабов

и переплавляли. В некоторых случаях, следовательно, те самые предметы, которые требуется вернуть в Нигерию, сделаны из доходов, полученных от рабства» (Jenkins 2018: 91). Автор анализирует подобные аргументы, считая их несостоятельными. Непонятно, на каком основании британские музеи могут продолжать удерживать эти похищенные предметы, даже если сами предметы были созданы на доходы от работорговли.

Сфера, в которой процесс возвращения культурного наследия продвигается более или менее успешно, связана с наследием коренных народов. Несмотря на то, что Декларация ООН о правах коренных народов не предусматривает механизма передачи культурных ценностей и человеческих останков общинам, существует много примеров, когда государства добровольно их возвращают. Музеи Канады и США активно возвращают человеческие останки представителям общин, но возвращение останков из европейских музеев или из частных коллекций до сих пор проблематично. Отдельную проблему представляет вопрос, кому возвращать культурное наследие: потомкам, представителям определённой общины или государству? Существующие механизмы предусмотрены для межгосударственного взаимодействия, однако не всегда этот подход работает, в том числе потому, что европейские понятия о частной собственности могут быть неприменимы в неевропейском контексте. В любом случае переговоры по возвращению культурных ценностей должны включать в себя представителей общин коренных народов и других представителей гражданского общества, чтобы обеспечить прозрачность процесса. Так, только представители общин могут принять решение о целесообразности хранения некоторых предметов: так как зачастую предметы олицетворяли души умерших предков, необходимо уничтожить предмет, чтобы души наконец обрели покой, вернуть предметы природе (Ven Beurgen 2021: 45).

Стереотипы о том, что принимающие страны являются нестабильными, что они не умеют заботиться о наследии до сих пор приводятся в качестве оправдания отказов в реституции. В частности, такие аргументы приводятся в отношении стран Ближнего Востока и являются отражением расистских взглядов европейцев на неевропейского «Другого» (Нелаева, Шахназарян 2024). Конечно, бывают случаи, что культурные ценности оказываются разрушены или утеряны после возвращения. К таким случаям можно отнести статую Венеры Киренской, переданную итальянцами Ливии в 2008 г., а впоследствии пропавшую (возможно, разрушенную) в 2011 г. Однако существует множество примеров, когда принимающая сторона готова обеспечить защиту и надлежащий уход за культурными ценностями[13].

[13] См., например: Batycka D. 2021. From artist residency to fully-fledged museum: Ghana's new space for contemporary African art prepares to open in March. *The Art Newspaper*. 15.12.2021. URL: https://www.theartnewspaper.com/2021/12/15/institute-museum-of-ghana-accra (accessed 08.09.2024).

Как заключает Штан, невозможно и дальше продолжать игнорировать проблему колониального наследия в европейских музеях и частных коллекциях: изменились исторические условия, произошла смена поколений, социальные медиа и цифровые технологии не позволяют утаивать несправедливость, сопровождающую выставки колониального искусства.

Некоторые предметы колониального искусства становятся символом сопротивления социальному угнетению в наши дни. Из примеров можно привести случай Сары Баартман, «Готтентотской Венеры», чьи останки экспонировались в Музее человека в Париже. Её трагическая судьба послужила толчком для современных инициатив по репатриации наследия. Останки Баартман были переданы Францией Южной Африке и захоронены. «Я пришла, чтобы забрать тебя домой» — стихотворение, написанное южноафриканской поэтессой Дианой Феррус во время сложных переговоров между ЮАР и Францией, стало символом борьбы против продолжающейся несправедливости[14].

К сожалению, автор лишь вскользь затрагивает тему о возможности компенсации потомкам потерпевших от полученной прибыли в ходе эксплуатации колониального наследия. Он приводит пример судебного разбирательства в США *Тамара Ланье против Гарвардского Университета,* одной из сторон которого была заявительница — потомок рабов с дагерротипов, сделанных рабовладельцем и гарвардским биологом и «исследователем рас» в середине 1850-х гг. и впоследствии выставлявшихся в Музее археологии и этнологии Пибоди в Гарварде. Некоторых рабов вынудили полностью раздеться перед тем, как их сфотографировать. Фото были сделаны с целью доказать, что чернокожие люди не имеют общего происхождения с белыми людьми и являются «низшей расой». Среди рабов были и несовершеннолетние. Заявительница утверждала, что Гарвардский университет продолжает получать прибыль, выставляя эти фотографии, помещая их на обложки книг, давая разрешение их изучать. Суд, впрочем, решил, что фотографии являются собственностью фотографа, и не присудил ей компенсации. И хотя данное судебное разбирательство отчасти послужило толчком к изучению связей Гарвардского университета с рабством и работорговлей (например, было выявлено, что сотрудники университета владели 79 рабами) и к созданию специального фонда[15], тем не менее, очевидно, что проблема колониального наследия не может сводиться лишь к вопросу о его возвращении. Колониальное наследие продолжает приносить прибыль как его владельцам, так и музеям и самим государствам, привлекая туристов, становясь инструментом «мягкой силы».

---

[14] A Poem for Sarah Baartman. URL: https://saraiamtara.wordpress.com/ (accessed 08.09.2024).

[15] Anderson N., Svrluga S. 2022. Harvard leaders and staff enslaved 79 people, university finds. *The Washington Post*. 26.04.2022. URL: https://www.washingtonpost.com/education/2022/04/26/harvard-slavery-report/?itid=lk_inline_manual_19 (accessed 08.09.2024).

В конце Штан приводит рекомендации, чтобы избежать дилеммы «возвращать» или «не возвращать», т. к. однозначного решения может не быть. Рекомендации включают в себя различные способы управления наследием: совместное владение наследием несколькими государствами, «странствующие музеи», передача культурных ценностей общинам коренных народов для проведения определённых церемоний с последующим возвращением их обратно, участие представителей гражданского общества в процессе установления происхождения ценностей и т. д. Ужесточение требований для аукционных домов, контроль за частными сделками, включающими предметы искусства и культуры требуются для контроля за незаконным оборотом культурных ценностей. Процесс «деколонизации музеев» продолжается, и взаимодействие общества и музеев будет неизбежно принимать различные формы, особенно в условиях цифровизации и растущей роли незападных стран в глобальной культурной политике.

На наш взгляд, книга является прекрасным примером комплексного анализа проблемы и может быть интересна как специалистам-культурологам, музееведам и историкам, так и юристам, дипломатам и гражданским активистам, выступающим за восстановление исторической справедливости.

К сожалению, территориальные рамки исследования затрагивают исключительно несколько стран Западной Европы (Великобритания, Германия, Бельгия и Нидерланды) и их бывших колоний, а также Канаду и США (что, скорее всего объясняется невозможностью объять необъятное – книга и без того содержит почти 600 страниц!), и не касаются других регионов, в которых вопросы «спорного наследия» стоят не менее остро (например, в странах АТР). Но тем самым открывается и простор для исследователей, интересующихся данной тематикой.

К ограничениям исследования можно отнести также то обстоятельство, что автор задействовал преимущественно англоязычные источники и литературу, что, конечно, сужает спектр академических оценок. Известным является тот факт, который, к сожалению, не рассматривается в книге, что переговоры о передаче наследия осложняются отсутствием дипломатических связей между государствами, наложенными санкциями и прочими искусственно созданными препятствиями. Например, передача предмета сирийского искусства из Великобритании осложнялась тем, что стороны не могли вступить в прямые переговоры из-за вышеперечисленных причин. В процессе передачи в качестве посредника выступил российский Государственный Эрмитаж[16].

Также на протяжении всего повествования подразумевается, что принимающая сторона всегда готова принять передаваемое наследие, стремится заполучить его, что не соответствует действительности. Как показывает Д. Ван Берден, бывают ситуации, когда принимающая сторона отказывается принять

[16] Эрмитаж выступил посредником в передаче Сирии археологического экспоната. 20.09.2023. *Культура*. URL: https://portal-kultura.ru/articles/news/353894-ermitazh-vystupil-posrednikom-v-peredache-sirii-arkheologicheskogo-eksponata/ (дата обращения: 17.10.2024).

определённые предметы, так как утерян смысл этих предметов и они больше не представляют религиозной и культурной ценности, а напротив, могут вызвать волнения в обществе. Бывают ситуации, когда передающая сторона предлагает малоценные предметы, так как больше не хочет хранить их у себя, хочет от них избавиться. И, наконец, могут существовать и прозаические причины: отсутствие хранилищ, невозможность оплатить страховку и транспортировку (Van Beurden 2021:32). Таким образом, взгляд принимающей стороны на проблему возвращения наследия оказывается малоизученным, скрытым за неоспоримым фактом, что возвращение до сих пор происходит на условиях бывших метрополий. Также, к сожалению, недостаточно показан контекст самой проблемы обращения бывших метрополий к колониальному прошлому: какое место в череде различных мер занимает возвращение наследия? Насколько возвращение наследия способствует улучшению культурных связей между странами?

Однако несмотря на перечисленные недостатки, книга тем не менее является важным и своевременным исследованием и может послужить основой для дальнейшего изучения данной темы.

Об авторе:

Галина Александровна Нелаева — кандидат политических наук, профессор, кафедра международных отношений и регионоведения, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет. E-mail: g.a.nelaeva@utmn.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 069:930.85+341.694(4)
Received: September 10, 2024
Accepted: October 17, 2024

Contested Heritage in European Museums: Return, Transfer, Repatriation, or Restitution?

G.A. Nelaeva
DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-135-146

University of Tyumen

Book review: Stahn C. 2023. *Confronting Colonial Objects. History, Legality and Access to Culture.* Oxford: Oxford University Press. 592 p.

Keywords: decolonizing heritage, restitution, European museums, colonial heritage, protection of cultural heritage

About the author:

Galina A. Nelaeva — PhD in Political Science (Candidate of Science), Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Institute of Social and Humanitarian Sciences, Tyumen State University. E-mail: g.a.nelaeva@utmn.ru

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Jenkins T. 2018. From Objects of Enlightenment to Objects of Apology: Why You Can't Make Amends for the Past by Plundering the Present. *Dethroning historical reputations. Universities, museums and the commemoration of benefactors.* Ed. by Jill Pellew and Lawrence Goldman. Institute of Historical Research. School of Advanced Study. University of London. P. 81-91. https://www.jstor.org/stable/j.ctv512v68

Stanard M.G. 2023. *The Leopard, the Lion, and the Cock: Colonial Memories and Monuments in Belgium.* Leuven: Leuven University Press. DOI: 10.2307/j.ctvbtzks3

Van Beurden J. 2021. *Inconvenient Heritage. Colonial Collections and Restitution in the Netherlands and Belgium.* Amsterdam: Amsterdam University Press. DOI: 10.5117/9789463720595

Korotkova O.A. 2021. Kontseptsiya dekolonizatsii museya: problemy i vozmozhnosti [The Concept of "Museum Decolonization": Challenges and Opportunities]. *Kunstkamera*. 3(13). C. 28–38. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-3(13)-28-38 (In Russian)

Nelaeva G.A., & Shakhnazaryan M.T. 2024. Problema vozvrashhenija pohishhennyh artefaktov v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah: primer stran Blizhnego Vostoka [The Question of Looted Heritage Return in Contemporary International Relations: Middle East as a Case-Study]. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. Humanitates.* 10(1). C. 153–174. DOI: 10.21684/2411-197X-2024-10-1-153-174 (In Russian)

Pankov E.S. «Vsjo vernut' po adresam»: problema repatriacii muzejnyh cennostej v otnoshenijah Velikobritanii i stran Latinskoj i Karibskoj Ameriki [«Putting it All Back Where it Belongs»: Repatriation of Cultural Objects in the Relations between the UK and Latin American and Caribbean States]. *Iberoamerikanskie tetradi.* № 2.C. 101–125. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-2-101-125 (In Russian)

Список литературы

Короткова О.А. 2021. Концепция деколонизации музея: проблемы и возможности. *Кунсткамера*. 3(13). С. 28–38. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-3(13)-28-38

Нелаева Г.А., Шахназарян М.Т. 2024. Проблема возвращения похищенных артефактов в современных международных отношениях: пример стран Ближнего Востока. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates.* 10(1). С. 153–174. DOI: 10.21684/2411-197X-2024-10-1-153-174

Панков Е.С. 2024. «Всё вернуть по адресам»: проблема репатриации музейных ценностей в отношениях Великобритании и стран Латинской и Карибской Америки. *Иберoамериканские тетради.* № 2.С. 101–125. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-2-101-125